

ЧАСТЬ II

Большевики в Тибете

Неизвестная страница из истории тайной дипломатии Кремля

Дипломатия, не должна исходить из того, что все будут бросаться в наши объятия. Дипломатия должна активно готовить стремление других сблизиться с нами.

Г. В. Чичерин

1. Тибет — «зерно между жерновами» двух великих империй

Впервые Тибет возник на политическом горизонте России в конце XIX века в связи с обострением англо-русского соперничества в Азии. Добровольно изолировавшийся от окружающего мира, он представлял собой в ту пору огромную Terra Incognita — Неведомую землю, которая неожиданно оказалась на пути двух встречных потоков империалистической экспансии — царской России с севера и Великобритании (Британской Индии) с юга. Таким образом Тибету, подобно Персии и Афганистану, суждено было стать еще одним «зерном, попавшим между двумя жерновами», говоря словами русского военного географа А. Е. Снесарева. Начиная с 1860-х гг. в течение нескольких десятилетий «Снежная страна» служила объектом интенсивных географических исследований, осуществлявшихся под эгидой англо-индийского «Главного тригонометрического бюро» в Дера-дуне и Императорского Русского географического общества в С. Петербурге. Постепенно Тибет начал привлекать к себе внимание английских торгово-промышленных кругов. В 1890 г. Англия установила протекторат над Сиккимом, гималайским княжеством, находившимся до того времени в вассальной зависимости от Лхасы, подписав договор с Китаем, формальным сюзереном Тибета, без ведома лхасских властей. А в 1893 г. этот договор был дополнен торговым соглашением, открывавшим сиккимо-тибетскую границу для английских товаров. Подобная «наступательная политика» (forward policy) Дели не могла не встревожить С. Петербург. В том же году чиновник Азиатского департамента МИД, более известный как врач тибетской медицины, П. А. Бадмаев выдвинул грандиозный проект мирного присоединения к России «монголо-тибетско-китайского Востока». Этот план, несмотря на всю его фантастичность и явно авантюрный характер, получил одобрение Александра III и субсидии из казны. В 1895 г. на разведку в Тибет Бадмаевым была отправлена группа бурят — торговых агентов. В Лхасе они тайно вступили в контакт со своим соплеменником, ламой Агваном Доржиевым, который проживал в Тибете уже около двадцати лет и пользовался большим влиянием при дворе Далай-ламы. Собранные ими сведения побудили влиятельного министра финансов С. Ю. Витте, в руках которого фактически находилась внешняя политика России, обратиться к Николаю II с докладной запиской, в которой, в частности, говорилось:

«По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усилилось в последнее время ввиду настойчивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить ее своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по-моему, должна сделать все от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния»[309].

Два года спустя (в 1898 г.) на Невских берегах неожиданно появился посланец XIII Далай-ламы Тубтена Гьяцо — упомянутый выше Агван Доржиев. С его помощью правитель Тибета пытался прозондировать почву относительно возможности политического сближения с Россией в целях защиты своей страны от английских притязаний. Тибетский дипломат получил аудиенцию у царя, который сочувственно его выслушал, однако ничего не обещал. В 1900 и 1901 гг. Доржиев еще дважды побывал в Петербурге с той же миссией в качестве доверенного лица Далай-ламы. Его последний визит увенчался некоторым успехом — Николай II письменно заверил тибетского первосвященника, что «при дружественном и вполне благосклонном расположении России никакая опасность не будет угрожать Тибету в дальнейшей судьбе его»[310]. Эта весьма расплывчатая формулировка была истолкована Лхасой как согласие русского «Белого царя» установить протекторат над Тибетом — заблуждение, имевшее для нее роковые последствия.

В действительности русское правительство таких целей перед собой никогда не ставило и, несмотря на поддержку бадмаевских планов, к тому времени, впрочем, окончательно рухнувших, и большую «азиатскую программу» нового царя, серьезных видов на Тибет не имело. Весь интерес Петербурга к Лхасе ограничивался преимущественно религиозной связью российскоподданных бурят и калмыков со своим духовным главой, Далай-ламой. Связь эта, однако, была очень слабой, в силу изоляционистской политики лхасских властей, наглухо закрывших двери своей страны для посетителей с Запада. Запрет этот распространялся и на «русских буддистов», которым, чтобы проникнуть в священный город, приходилось выдавать себя за халха-монголов (жителей Халхи, или Внешней Монголии), подданных китайского императора. По сведениям Гомбожаба Цыбикова, «русская колония» в Лхасе в 1900 г. насчитывала около 50 человек — в основном бурятских лам, обучавшихся в монастырских школах в окрестностях столицы[311]. Петербург до того времени, по правде говоря, не придавал большого значения сношениям бурят и калмыков с Лхасой, однако под влиянием посольств Доржиева, он начинает

использовать этот чисто религиозный мотив в качестве весомого политического аргумента в своем споре с Лондоном.

Таким образом, наметившееся в начале века русско-тибетское сближение было порождено, с одной стороны, англо-русским антагонизмом, неожиданно обострившимся вследствие официальных дипломатических инициатив Лхасы, и, с другой — крайним политическим бессилием Цинской династии в Пекине, неспособной обеспечить неприкосновенность одной из своих вассальных территорий. Впрочем, сюзеренитет Китая над Тибетом к этому времени носил уже чисто символический характер — во всяком случае пекинский резидент в Лхасе («амбань») не оказывал какого-либо влияния на внешнюю политику страны, о чем убедительно свидетельствует факт обращения Далай-ламы за помощью к России. В этой связи необходимо также отметить исключительно важную роль Доржиева, чье умелое и настойчивое посредничество в конечном счете и привело к русско-тибетскому сближению.

Агван Лобсан Доржиев (1854–1938), забайкальский бурят по рождению, обосновался в Лхасе в начале 1870-х годов[312]. Здесь, в крупнейшем монастыре Дрепунг, он получил высшее конфессиональное образование и степень «лхарамба» — тибетского доктора богословия. Вскоре после этого Доржиев был назначен одним из учителей юного Далай-ламы, точнее, одним из его семи «цан-шавов» — партнеров для упражнения в философских диспутах. Это позволило бурятскому ламе завязать дружеские, доверительные отношения со своим августейшим «учеником» — фактически он стал фаворитом Далай-ламы и начал играть ключевую роль на лхаской политической сцене. В середине 1890-х, когда Далай-лама достиг своего совершеннолетия, Доржиев сформировал новый внешнеполитический курс Тибета, переориентировав страну на царскую Россию. Держава русского царя, убеждал он тибетского правителя, в силу своей враждебности Англии, могла бы стать защитницей Тибета. Сама же Россия покуситься на Тибет не смогла бы, поскольку находилась слишком далеко от его границ. Но главное, на что делал упор Доржиев, — в России «беспрепятственно процветает буддизм» и даже сам царь открыто благоволил «желтой вере»[313]. В результате Доржиеву удалось создать прорусскую партию при дворе Далай-ламы в противовес уже существовавшим прокитайской и проанглийской группировкам. Сторонники сближения с Россией окончательно одержали верх после того, как в конце 1901 г. тибетские послы торжественно доставили в Лхасу царскую «грамоту» — уже упоминавшееся письмо Николая II на имя Далай-ламы.

Переговоры Доржиева с царем и русскими министрами (В. Н. Ламздорфом, С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткиным) имели в действительности довольно скромные практические результаты. Все, чего Лхасе реально удалось добиться от Петербурга, это согласия МИД на учреждение русского консульства в городе Дацзянлу, в китайской провинции Сычуань, «с целью установления непосредственных и постоянных сношений Императорского правительства с высшими буддийскими властями Тибета»[314]. Консульство это, впрочем, просуществовало недолго, всего около года, с сентября 1903 г. по сентябрь 1904 г. В целом, русское правительство в лице МИД не проявляло большой активности в «тибетском вопросе», опасаясь осложнений с Англией. К тому же, «открытие» Тибета для иностранцев, по мнению С. Ю. Витте, сулило выгоду одним лишь англичанам из-за соседства Тибета с Индией; «для нас же конкуренция с англичанами в области коммерции в Тибете», считал он, «едва ли возможна»[315]. Гораздо больший интерес к Тибету проявляло военное ведомство. Так, военный министр А. Н. Куропаткин еще во время первого визита Доржиева в Россию выразил готовность оказать военную помощь Тибету, однако мы не имеем прямого подтверждения факта поставки русского оружия в Лхасу в конце 1901 — начале 1902 гг., как утверждали англичане и о чем писал якобы видевший это оружие своими глазами японский монах Экай Кавагучи[316]. Планировавшаяся же еще в 1901 г. посылка военных инструкторов в Лхасу не состоялась. В начале 1904 г., правда, после того как до Петербурга дошли слухи о военном походе англичан в Тибет, Куропаткин послал в Лхасу на разведку группу калмыков-буддистов во главе с подъяесаулом Нараном Улановым. В то же время Главный штаб взвешивал возможность направления в Лхасу военно-дипломатической экспедиции под руководством капитана П. К. Козлова (знаменитого путешественника, ученика М. Н. Пржевальского) — факт, до сих пор неизвестный исследователям. Цель этой миссии состояла в том, чтобы «добиться для русских тех же привилегий, каких добивается Англия своей экспедицией, но избегать во что бы то ни стало конфликта с Англией»[317]. Внезапно начавшаяся русско-японская война, однако, помешала планам военных.

Англия активизировала свою политику в отношении Тибета практически в те же годы, что и Россия, и в значительной степени под влиянием того же фактора — посольств Доржиева к русскому царю. Возглавивший в 1899 г. администрацию колониальной Индии лорд Джорж Керзон был весьма нервирован дошедшими до него сведениями о посещении Петербурга в 1901 г. «чрезвычайным тибетским посольством». Новый индийский вице-король подозревал, что Россия и Тибет достигли тайной договоренности или даже заключили договор между собой за спиной англичан. Установление же русского влияния в Лхасе, по мнению Керзона, представляло потенциальную угрозу для индийской границы, что в конечном счете и побудило его пойти на превентивную меру, чтобы «расстроить русскую интригу пока есть время»[318]. Аналогичным образом Петербург со своей стороны также стремился не допустить английского контроля над Лхасой, поскольку англичане в этом случае могли бы использовать лхасскую ламско-теократическую верхушку для распространения враждебного влияния на буддийское население Забайкалья, а также проникать в русскую Среднюю Азию через Синьцзян (Западный Китай). Эти взаимные и далеко не беспочвенные опасения фактически и привели к столкновению русских и английских интересов в Тибете в начале века.

Военная экспедиция Ф. Янгхазбенда в Тибет в 1903–1904 гг. стала серьезным испытанием для зарождавшегося русско-тибетского политического альянса. Изначально она задумывалась исключительно как дипломатическая миссия с целью настоять на выполнении Тибетом статей непризнанного им Сиккимского торгового договора 1893 г. Военной экспедиция стала лишь после того, как тибетцы отказались от ведения переговоров на своей территории, в

Камбадзонге. В результате англо-индийские войска двинулись на Лхасу, которую заняли без труда в августе 1904 г. Далай-лама бежал из Тибета во Внешнюю Монголию, за что был низложен китайским императором. В его отсутствие глава экспедиции, Янгхазбенд, принудил тибетские власти к подписанию унизительного для них договора, так называемой Лхасской конвенции, фактически превращавшей страну в английский протекторат.

Победа англичан, однако, оказалась «пирровой», говоря словами американского историка М. Голдстейна. Уже в ближайшие годы Лондон и Калькутта отказались почти от всех «достижений» экспедиции Янгхазбенда. В новых договорах, заключенных с Китаем по тибетским делам (конвенция 1906 г. и торговое соглашение 1908 г.) англичане признали сюзеренные права Пекина, обязались не аннексировать тибетской территории и не вмешиваться в управление Тибетом, оговорив лишь свое присутствие в пунктах, где они учредили торговые агентства — в Ятунге (у Сиккимской границы), Гартоке в Западном Тибете и Гьянтзе (на пути между Ятунгом и Лхасой). Кроме этого, китайское правительство разрешило Калькутте соединить Гьянтзе телеграфной линией с Индией.

Что касается русского правительства, то оно оказалось в весьма щекотливом положении после того, как обосновавшийся в конце 1904 г. в Урге, вблизи русских пределов, Далай-лама обратился к нему за помощью. Петербург, однако, не считал возможным удовлетворить его просьбу о том, чтобы Россия открыто перед всеми державами приняла Тибет под защиту от Англии и Китая. И хотя в МИД поначалу (весной 1905 г.) взвешивалась возможность предоставления Далай-ламе убежища в России, от этой политически опасной комбинации вскоре отказались в пользу более простого решения — удалить Далай-ламу от русских границ, убедив его вернуться в Лхасу. Только в этом случае Россия обещала ему дипломатическую поддержку. В целом, Петербург, следуя своей традиционной политике в Китае, стремился примирить Далай-ламу с Пекином, не сочувствуя его сепаратистским настроениям — объединиться с монголами в единое государство под русским протекторатом.

По окончании русско-японской войны Россия взяла курс на сближение с Англией, что сделало необходимым устранение англо-русских разногласий в Азии. В результате 31 августа 1907 г. в Петербурге была подписана конвенция между двумя странами по делам Персии, Афганистана и Тибета, положившая конец так называемой «Большой игре» — давнему соперничеству России и Англии на азиатском континенте. Обе стороны, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом, обязались взаимно уважать территориальную целостность Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление. Они также обязались сноситься с властями Тибета только через китайское правительство и не посылать своих представителей в Лхасу. При этом, правда, делалась одна важная оговорка в пользу Англии — ее коммерческие агенты, в соответствии с ранее заключенными Англией договорами с Тибетом и Китаем, могли напрямую сообщаться с тибетскими властями. В то же время буддисты — как русские, так и британские подданные, получили право «входить в непосредственные сношения на почве исключительно религиозной» с Далай-ламой и другими буддийскими иерархами Тибета [319].

Англо-русская конвенция 1907 г. была в целом воспринята с удовлетворением политическими кругами в обеих странах как «справедливый компромисс» и «дальнейшая гарантия европейского мира». Официозное «Новое Время», хотя и отмечало, что Россия потеряла свободу действий в Тибете, не слишком огорчалось из-за этого, поскольку договор обеспечивал главное — «противовес для английских захватов — все, чего могла желать самая смелая политика России в Тибете»[320]. Впрочем, ограничения, которые конвенция налагала на тибетскую политику Петербурга, не помешали царскому МИД в последующие годы довольно успешно поддерживать негласные отношения с Далай-ламой, главным образом через Доржиева и своих бурятских агентов — оказывать ему финансовую помощь, как это, например, имело место летом 1908 г., и консультировать по политическим вопросам в расчете на то, что «Тибетская политика не примет враждебного России направления»[321]. Осевший осенью 1905 г. в С. Петербурге Доржиев, со своей стороны, стремился изо всех сил активизировать русско-тибетский диалог, привлечь русское правительство к решению «тибетского вопроса». В 1908 г. он совершил поездку в Китай для встречи с Далай-ламой, находившимся в то время в монастыре Утай Шань (под Пекином). По возвращении в Петербург Доржиев, с разрешения властей, приступил весной 1909 г. к строительству буддийского храма, которому отводил определенную роль в деле политического сближения Тибета и России.

В декабре 1909 г., после почти пятилетних скитаний по Азии (Монголии и Китаю), Далай-лама, помирившись с Цинами (манжурской императорской династией) и вернув свой высокий титул, возвратился наконец в Лхасу. Но ненадолго. В начале 1910 г. произошло вторжение в Тибет из Сычуани войск генерала-милитариста Чао Эрфеня под формальным предлогом обеспечения охраны английских факторий. В действительности эта акция была направлена на восстановление китайского сюзеренитета над Тибетом. Это обстоятельство заставило Далай-ламу вновь бежать из страны. На этот раз он направился в соседнюю Индию. Там Далай-лама получил политическое убежище и обосновался со своим двором в Дарджилинге. Двухлетнее пребывание владыки Тибета в этой стране в корне изменило его отношение к прежним «врагам», англичанам, которое становится вполне доброжелательным. В немалой степени этому способствовало дружеское общение с приставленным к нему английским чиновником, так называемым «политическим агентом в Сиккиме» (political officer in Sikkim), Чарльзом Беллом. Россия, со своей стороны, проявляла сочувствие к положению Далай-ламы и выражала ему моральную поддержку. Но о чем-то большем не могло быть и речи.

Синьхайская революция в Китае (1911 г.), приведшая к падению цинской династии и установлению республиканского строя в стране, ускорила изгна-

ние китайских войск из Тибета, что помогло Далай-ламе вернуться в Лхасу в январе 1913 г. Вскоре после этого он провозгласил независимость Тибета. Это событие стало поворотным пунктом в судьбе тибетского народа. Республиканское правительство Юань Шикая (президент Китая с 1912 г.) не признало, однако, суверенного статуса Тибета, но ничего не смогло изменить в создавшейся ситуации. Революция ввергла Китай в состояние политического хаоса и привела к раздроблению страны на ряд фактически самостоятельных территорий, управляемых военными губернаторами — «ду-дзюнами». Связь Лхасы с Пекином также практически полностью прервалась («амбань» с его гарнизоном бежал из Лхасы в 1912 г.). Аналогичным образом маньчжурские власти и войска были изгнаны из Внешней Монголии, которая затем объявила об отделении от Китая и провозгласила своим светским и духовным правителем Чжебцун-Дамба Хугуху, третье лицо в ламаистском мире после Далай-ламы и Панчен-ламы.

Россия и Англия, естественно, стремились использовать ситуацию в Китае, каждая в свою пользу — для укрепления своих позиций во Внешней Монголии (Россия) и Тибете (Англия). Петербург, впрочем, преуспел в этом гораздо больше Лондона — 3 ноября 1912 г. русский дипломат И. Я. Коростовец подписал в Урге договор с монгольскими князьями о создании автономного монгольского государства под русским протекторатом. Основы этого договора были подтверждены в соглашении 1913 г. и затем окончательно закреплены в Кяхтинском тройном русско-китайско-монгольском акте 1915 г. В своих мемуарах барон Б. Э. Нольде писал: «На русской границе, от Алтая до Маньчжурии, место Китая заняли монголы, все будущее которых, политическое и культурное, было в руках России. Цель была достигнута без резких и непоправимых конфликтов, бесшумно и без всякого намека на политическую авантюру»[322].

В эти же годы, сосредоточившая свое внимание на более актуальном для нее монгольском вопросе, русская дипломатия все более отстранялась от «тибетских дел». В целом, МИД усматривал определенный «параллелизм между нашим положением в монгольском вопросе и положением Англии в вопросе Тибета» и даже считал выгодным для себя «заключение между английским правительством и Далай-ламой непосредственного соглашения», при условии, однако, чтобы оно не нарушало англо-русской конвенции 1907 г.[323] При этом Петербург недвусмысленно рассчитывал на получение политической компенсации от Лондона в тех областях, где русские интересы соприкасались с английскими.

В мае — июне 1913 г. состоялся обмен меморандумами между Лондоном и Петербургом, свидетельствовавший об их одинаковом подходе к «тибетскому вопросу». Английское правительство заявило, что считает наилучшей политикой по отношению к Тибету «начало международного невмешательства в его внутренние дела». Русское правительство, со своей стороны, всецело присоединилось к такому взгляду «как вытекающему из духа и смысла соглашения 1907 г., которое является одним из основных актов, определяющих положение названной страны»[324]. В том же 1913 г. МИД России и Форин Офис столь же единодушно заявили о своем непризнании монголо-тибетского дружественного договора, заключенного Доржиевым ранее в Урге (11 января — 29 декабря 1912 г. ст, стилия) от лица Далай-ламы с монгольским правительством, по причине, неправомерности подписавших его сторон. В этом, на первый взгляд, политически довольно безобидном соглашении правители Тибета и Монголии, Далай-лама и Чжебцун-дамба, прежде всего взаимно признавали независимость, первый — монгольского, а второй — тибетского государств. Другие статьи договора содержали ряд деклараций общего характера — о взаимной помощи двух народов «в случае внутренней и внешней опасности», о взаимном покровительстве монголами тибетцам, а тибетцами монголам, проезжающим через территории соответственно Монголии и Тибета и др.[325] Ургинский договор несомненно преследовал цель создания духовного и политического союза между Тибетом и Монголией, но в то же время с его помощью Доржиев, очевидно, стремился привлечь русское правительство к «тибетским делам».

Объявление независимости Тибета Далай-ламой потребовало от него решения ряда неотложных задач, таких как улучшение системы государственного управления, реорганизации армии, а также урегулирования дипломатических отношений с пекинскими властями. Особенно остро стоял вопрос военной реформы, ввиду сохранявшейся угрозы нового китайского вторжения. До 1913 г. Тибет не имел регулярной национальной армии. Тибетское войско насчитывало 3 тысячи необученных и плохо вооруженных воинов. Достаточно сказать, что основным оружием тибетцев были примитивные фитильные ружья. В 1913–1914 гг. Далай-лама приступил к созданию регулярной тибетской армии, во главе которой он поставил своего нового фаворита, 27-летнего Царонга. Выходец из простой семьи, Царонг (настоящее имя Ченсал Намганг), прославился как «герой Чаксама». В 1910 г. его отряд задержал у переправы Чаксам китайские войска, преследовавшие бежавшего из Лхасы Далай-ламу[326]. Царонг увеличил численность армии на одну тысячу человек. Военная подготовка рядового состава передавалась в ведение иностранных инструкторов и велась в четырех вновь сформированных полках по китайско-монгольской, японской, русской и английской системам. Спустя два года в Лхасе прошел показательный смотр войск — в результате Далай-лама отдал предпочтение английской системе, которая с того времени и была введена в тибетской армии. В 1914 г. англичане безвозмездно поставили тибетцам 5 тысяч винтовок (старого образца «Ли Метфорд» и нового «Ли Энфилд») и полмиллиона патронов к ним. В то же время представитель Далай-ламы просил русского генконсула в Урге о продаже Тибету 1 тыс. винтовок для защиты страны от возможных посягательств со стороны Китая, но тот отказал ему, посоветовав обратиться к английскому правительству через посредство индийских властей[327]. Этот факт, вероятно, еще раз дал понять Лхасе, что она не может больше рассчитывать на помощь далекой и «инертной» России и что поэтому ей следует искать опору в гораздо более отзывчивой к ее нуждам и уже совсем не опасной Англии в лице соседней Индии.

Помимо реорганизации армии, Далай-лама весьма успешно осуществил и ряд других мероприятий в рамках задуманной им программы «модернизации». Так, в Тибете начали печатать бумажные деньги (ассигнации изготавливались сперва вручную). Позднее там перешли к чеканке собственной монеты (медной, серебряной и золотой). В 1913 г. по распоряжению Далай-ламы на обучение в Англию отправились четверо тибетских юношей. По возвращении на родину они с успехом использовали на практике приобретенные ими знания. Например, обучавшийся электротехнике Ригзин Ринганг в середине 1920-х смонтировал две небольшие гидроэлектростанции — одну в окрестностях Лхасы для электрификации летнего дворца Далай-ламы, Норбулингки, и ряда других зданий, а другую в долине Чумби на юге страны для обслуживания нового монетного двора.

В 1913–1914 гг. в Индии (в Симле и Дели) прошли англо-тибетско-китайские переговоры, вошедшие в историю под названием Симлской конференции. На ней решались вопросы, связанные с урегулированием отношений между Лхасой и Пекином и определением границы между Восточным Тибетом (Камом) и Китаем. Великобританию на этих переговорах представлял глава иностранного департамента индийского правительства сэр Генри Макмагон и политический агент в Сиккиме Чарльз Белл, Тибет — премьер-министр, известный англофил Лончен-Шатра. В результате дискуссий удалось выработать проект Симлской конвенции. В нем правительства Великобритании и Китая признали сюзеренитет Китая над Тибетом. В то же время китайская сторона обязалась не превращать Тибет в китайскую провинцию, а британская — не аннексировать Тибет или какую-либо его часть. Территориально Тибет делился на Внешний (под контролем лхасской администрации) и Внутренний (включая в себя Куку-норскую область и восточную часть страны, прилегающую к Китаю), при этом первый получал автономный статус. Британское правительство обязалось не держать в Тибете военных или гражданских лиц или войска (за исключением эскорта торговых агентов) и не устраивать в этой стране колоний.

Аналогичные обязательства приняло на себя и китайское правительство. Далее, согласно конвенции, Великобритании предоставлялся режим наибольшего благоприятствования в торговле с Тибетом; торговые правила 1893 и 1908 гг. аннулировались и подлежали замене новыми после соответствующих переговоров между тибетским и китайским правительствами.

В апреле 1914 г. стороны парафировали Симлское соглашение, однако, оно не вступило в силу по той причине, что правительство Юань Шикая отказалось его ратифицировать, признав неудовлетворительным проведенное разграничение Внешнего и Внутреннего Тибета. В результате, британский и тибетский представители подписали 3 июля совместную декларацию, в которой заявили о признании парафированной конвенции обязательной для правительств Великобритании и Тибета, что, впрочем, не сделало соглашение «работающим». Одновременно англичане и тибетцы заключили между собой новый торговый договор «Правила англо-тибетской торговли». Кроме этого они достигли договоренности по еще одному очень важному для них вопросу — о демаркации индо-тибетской границы в Ассамских Гималаях восточнее Бутана, так называемой «линии Макмагона». Этот договор, однако, вызвал недовольство в Лхасе, поскольку в соответствии с ним часть исконно тибетской территории с городом и монастырем Таван, площадью около 2000 кв. миль, отходила к индийским владениям. (Несмотря на договор, Таван фактически продолжал оставаться под юрисдикцией тибетских властей.)

Таким образом, главная цель Симлских переговоров не была достигнута, хотя английскому правительству и удалось заключить выгодное торговое соглашение с тибетцами. После начала мировой войны тибетский вопрос отошел на второй план в британской внешней политике. Формально Лондон продолжал заявлять о своем невмешательстве во внутренние дела Тибета, ссылаясь на англо-русскую конвенцию 1907 г. В связи с этим он не дал согласия своему сиккимскому резиденту Ч. Беллу на поездку в Лхасу, куда его настойчиво приглашал Далай-лама. В то же время делийское правительство отклонило в 1915 г. просьбу Царонга о новых поставках английского оружия тибетской армии, но согласилось поставить Лхасе дополнительно небольшое количество боеприпасов (патронов).

Во второй половине 1917 г. вновь начались военные действия между тибетцами и китайцами на камо-сычуаньской границе. Тибетским войскам удалось значительно продвинуться вглубь китайской территории и занять ряд населенных пунктов к востоку по верхнему течению Янцзы. Принято считать, что своей победе тибетцы были обязаны прежде всего новым английским ружьям. Конфликт удалось урегулировать год спустя при посредничестве британского консульского чиновника в Дацзянлу Эрика Тейхмана.

2. Большевики обращают взоры к «Стране лам»

Такой была обстановка в Тибете на тот момент, когда к власти в России пришли большевики. Одним из своих первых актов советское правительство аннулировало все «грабительские» договоры, заключенные царской Россией с Англией и другими державами в эпоху империалистического раздела мира, в число которых попала и конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета 1907 г. Это было частью пропагандистской кампании большевиков по упразднению «тайной дипломатии». Правда, обнародовавший в конце 1917 — начале 1918 г. «секретные договоры» Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД), по-видимому, забыл, или не знал, что полный текст конвенции в свое время публиковался в русских газетах[328].

В свое время, в 1915–1916 гг., В. И. Ленин, занимаясь в эмиграции научными изысканиями в области политической экономии, натолкнулся в западных источниках на упоминание о договорах, заключенных Россией в начале XX века с Китаем и Англией по Тибету. Эти сведения не вызвали у него ни малейшего сомнения, и он считал вполне достоверной информацию о русско-китайском договоре о Тибете 1902 г. — «признание Китаем протектората России над Тибетом» (!) и уступке Россией Тибета Англии вследствие заключения конвенции 1907 г. Это дало Ильичу повод утверждать, что «царизм и все реакционеры России <...> хотят одного — побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.)»[329]. В том же ключе рассуждал и глава Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) Г. В. Чичерин, охарактеризовавший договор 1907 г. как «дело рук англо-русского металлургического империализма <...> подчинившее Тибет Англии»[330]. Но, как мы уже видели, конвенция 1907 г. не столько развязывала, сколько связывала руки «английским империалистам».

Осенью 1918 г. в «Известиях» появилась первая заметка, посвященная Тибету, что определенно может служить свидетельством интереса к этой стране со стороны партийно-государственного руководства новой России. В ней говорилось о борьбе, якобы начатой тибетцами, по примеру индийцев, против «иностраных поработителей». «К северу от Индии, в сердце Азии, в священном Тибете идет такая же борьба. Пользуясь ослаблением китайской власти, эта забытая всеми страна подняла знамя восстания за самоопределение»[331]. По утверждению автора заметки, тибетцы вдруг вспомнили о том, что в 1914 г. они заключили договор с англичанами, гарантировавший им независимость, — очевидный намек на Симлскую конвенцию. Этим соглашением англичане в свое время пытались умиротворить тибетцев, «боясь внутреннего брожения по соседству с Индией», хотя они и не ратифицировали его (!). «Пока Китай еще не был в кулаке у союзников, договор существовал по крайней мере на бумаге», — читаем мы дальше. — «Теперь, когда Китай окончательно попал в руки союзных капиталистов, индийское правительство вспомнило, что Тибет всегда тяготел экономически к Индии. А т. к. с ростом революции в южном Китае, революционное движение по реке Янцзы может переброситься в Тибет, и т. к. власть пекинского правительства в столице Тибета Лхасе равняется нулю, то отныне право восстановления „порядка“ должно принадлежать только англичанам».

Заметка в «Известиях» — типичный пример ранней революционно-пропагандистской публицистики большевиков. В действительности же на момент ее появления никакого восстания в Тибете против англичан не происходило, хотя, как уже говорилось, в 1917–1918 гг. имел место вооруженный конфликт на границе между Камом и Сычуанью. Но большевики едва ли могли знать о событиях в далекой Сычуани, да и речь в «Известиях» шла о борьбе тибетцев не с китайцами, а с англичанами. Вообще же, судя по упомянутой публикации, большевики имели довольно смутные представления о политической ситуации в Тибете, как, впрочем, и в других странах «пробуждающейся» Азии. Однако, им хотелось верить, что повсюду на Востоке, а значит и в Тибете, под влиянием русской революции началось мощное национально-освободительное движение.

Довольно неожиданное появление заметки о Тибете в сентябрьском номере «Известий» было все же вызвано вполне конкретным событием — возвращением на политическую сцену Агвана Доржиева. Произошло это при весьма необычных обстоятельствах. Летом 1918 г. Доржиева вместе с двумя спутниками-калмыками арестовали на железнодорожной станции Урбах (недалеко от Саратова, на пути из Калмыцких степей в Забайкалье) по подозрению в попытке вывоза ценностей за пределы Советской России. Эти средства Доржиев собрал среди калмыков на строительство общежития при буддийском храме в Петрограде. В своей тибетской автобиографии он рассказал о страшных днях, проведенных в Бутырской тюрьме в ожидании расстрела, который ему казался неминуемым[332]. Выйти на свободу Доржиеву удалось лишь благодаря настойчивому ходатайству перед ЧК его петроградских друзей-востоковедов[333]. Условием освобождения «тибетского дипломата», по-видимому, стало его согласие сотрудничать с советским дипломатическим ведомством. Привлечь Доржиева к такому сотрудничеству не составляло труда, поскольку он всегда выступал за сближение между Тибетом и Россией. Перед руководителями НКВД Г. В. Чичериным и Л. М. Караханом (заместителем наркома), таким образом, открылась заманчивая перспектива — завязать через Доржиева дружеские связи с Далай-ламой и другими тибетскими теократами, что позволило бы Советской России занять стратегически важную позицию в центре Азиатского континента. Оттуда, с тибетской территории, можно было бы приступить к осаде главной цитадели британского империализма в Азии — Индии, и в то же время продвинуть социальную революцию в страны буддийского Востока. Начиная с весны 1918 г., после визита в Петроград на пути в Германию главы «временного индийского правительства» в Кабуле, сикхского национал-революционера раджи Махендры Пратапа, большевики особенно пристально следили за развитием событий за Гималайским хребтом, в многомиллионной стране, которая, по их сведениям, находилась на пороге революционного взрыва[334].

Вскоре после освобождения Доржиева, 19 октября 1918 г. состоялось заседание Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии (находился в ведении НКИД), на котором его председатель академик С. Ф. Ольденбург выступил с проектом двух экспедиций — в Восточный Туркестан и Кашмир, под его собственным руководством, и в Тибет, под началом профессора Ф. И. Щербатского и при участии профессора Б. Я. Владимирцова. Обе экспедиции, хотя перед ними формально ставились чисто научные задачи, в то же время должны были служить политическим целям большевиков. Так, в проекте тибетской экспедиции говорилось, что она должна сосредоточить свои усилия на исследовании центральной части страны в области Лхасы и Ташилхумпо[335] — двух главных религиозных и политических центров Тибета, где находились резиденции Далай-ламы и Панчен-ламы. Щербатской, встречавшийся с Далай-ламой дважды, в 1905 и 1910 гг., по всей видимости, рассчитывал на новую встречу, а это давало НКИД возможность вступить в контакт с правителем Тибета и попытаться восстановить прерванные между двумя странами отношения. Много лет спустя, в 1929 г., С. Ф. Ольденбург выступая в защиту своего коллеги академика Ф. И. Щербатского, необоснованно лишённого избирательных прав, подчеркивал его большие заслуги перед советским правительством и, в частности, упоминал его участие в 1919 г. в обсуждении в НКИД «вопроса об ответственнейшей в политическом отношении экспедиции в Тибет»[336]. Сохранившиеся письма того времени Ф. И. Щербатского к С. Ф. Ольденбургу проливают некоторый свет на планы НКИД и ту подготовку к экспедиции, которая велась в этом учреждении. В одном из писем Ф. И. Щербатской писал: «Сейчас от Карахана. Беседовал с ним около двух часов. Он обнаруживает необыкновенный интерес к Востоку. Очень жалеет, что наш комитет перешел в Наркомпрос, и хочет перетащить нас обратно, слить с нами Общество Востоковедения.

<...> Что касается Тибета, то они (руководители НКИД — А. А.) больше всего желали бы устроить в Лхасе радиостанцию, и он просил моего совета. Я поставил вопрос об информации, но не отклонял радиостанции прямо, а стоял на том, что предварительно я поехал бы в Лондон, а в Лхасу хамбо (т. е. Агван Доржиев — А. А.) пошлет бурята Жамбалона — подателя сего письма. Тем временем наши сборы снаряжения экспедиции шли бы своим чередом. Хамбо полагает, что проникновение в Тибет с севера при нынешних условиях крайне опасно, но я его просил категорически не отклонять планов Карахана в виду того, что обстоятельства еще могут измениться»[337].

В другом письме Ф. И. Щербатской рассказывал С. Ф. Ольденбургу, как он занимался переводом материалов по Тибету, полученных НКИД, очевидно, при содействии Доржиева из Лхасы: «Я исполнил для Наркоминдела летом два письма, в переводе вышло 4 листа большого формата моей рукой, а теперь пять документов:

1) список всех правительственных учреждений, как старых, так и новых, возникших при 13 перерождении Далай-ламы, список всех школ, всех префектур, всех фабрик, арсеналов, и список всех знатных фамилий, имеющих замки, с указанием всех штатов, сколько в каждом учреждении духовных и светских чиновников — всего вышло перевода 35 листов сравнительно большого формата;

2) список всех духовных владык от Далай-ламы и Банчена (Панчен-ламы — А. А.) до настоятелей всех монастырей, выйдет моих листов 10;

3) список всех Цонхавинских монастырей и их должностных лиц;

4–5) и еще два мелких документа.

Все написано мельчайшей скороп[исью], читать надо через лупу, на китайской шершавой бумаге. Мы на разбор потратили почти целый месяц. Сведения замечательно интересны, все, что сообщают Waddel, Rockhill и старые путешественники, до смешного незначительно, по сравнению с полнотой этих данных.

Я просил разрешения напечатать их в будущем нашем журнале. Был бы козырь, но МИД не разрешает, боится, что мы можем подвести их информатора»[338].

Такая информация, несомненно, имела большую ценность для НКИД, хотя и не давала представления о политической ситуации в Тибете, в частности, о расстановке классовых сил в стране, что более всего интересовало советское руководство. Любопытно, что желание участвовать в экспедиции Ф. И. Щербатского изъявил упомянутый выше Махендра Пратап, по-видимому, намеревавшийся заняться в Тибете антибританской пропагандой. В июле 1919-го он вновь объявился в Москве проездом из Берлина в Кабул — посетил НКИД, где, вероятно и узнал о планах Ф. И. Щербатского, встречался с В. И. Лениным в составе делегации индийских революционеров[339]. В начале 1920 г. Пратап послал Ф. И. Щербатскому из Кабула открытку, в которой спрашивал о «тибетской миссии» и просил не забыть о нем, в том случае, если русский ученый соберется поехать «в сторону Тибета»[340]. Однако, экспедиции Ф. И. Щербатского не суждено было осуществиться. Гражданская война отрезала Красную Москву от Восточной Сибири и Монголии — территории, через которую пролегал путь в далекий Тибет.

В том же 1919 г. в Наркоминделе рассматривался еще один проект экспедиции в Тибет. На этот раз инициатива принадлежала уже не ученым, а двум высокопоставленным калмыкам-большевикам: А. Ч. Чапчаеву (председателю ЦИК Совета депутатов трудящихся калмыцкого народа) и А. М. Амур-Санану (возглавлявшему калмыцкий отдел Наркомнаца). Оба они хорошо знали А. Доржиева, который, начиная с января 1919 г., находился в Калмыкии, где по заданию НКИД вел просоветскую агитацию среди калмыцкого духовенства и верующих[341].

26 мая 1919 г. газета «Жизнь Национальностей», орган Наркомнаца, опубликовала статью Амур-Санана «Ключи Востока», в которой он предлагал ис-

пользовать калмыков для распространения «идеи Власти Советов» на Востоке, среди многомиллионных монголо-буддийских племен, близких им по крови, религии и языку. Проживавшие на огромной территории между Байкалом и Тибетским нагорьем, они «могли бы охотнее откликнуться на призыв своих братьев-калмыков, чем на призывы чуждых им наций и религий». Для связи с ними существовал древний «монголо-буддийский путь», начинавшийся в калмыцких степях и проходивший через Алтай, Монголию, Тибет далее в Индию. Таким образом, «в сферу влияния Советской власти» попала бы не только Монголия, но и связанный с ней тесными религиозными узами Тибет. В свое время, напоминая читателям Амур-Санан, Россия уже пыталась установить связь с Тибетом с помощью бурятских и калмыцких буддистов — Цыбикова, Нарзунова и Уланова. Конечной целью калмыцких агитаторов считалась Индия — «Тибет же непосредственно соприкасается с Индией; вот каким образом последняя могла бы установить связь с очагом мировой революции Россией»[342]. Осуществить эту крайне важную политическую задачу предстояло калмыцкой интеллигенции с помощью «таких известных политических деятелей Востока, как Хамбо Агван Доржиев».

Через некоторое время (13 июля 1919 г.) «Жизнь Национальностей» в продолжение поднятой темы опубликовала еще одну заметку, озаглавленную «Монголия как ворота буддийского Востока». Ее автор Ойратский (псевдоним А. Ч. Чапчаева) призывал советское правительство ориентироваться в своей восточной политике не только на мусульманство, но, в равной мере, и на «буддийский мир» и расточал похвалы А. Доржиеву.

За публикациями А. М. Амур-Санана и А. Ч. Чапчаева последовал практический шаг. 14 июля 1919 г. председателю Совнаркома В. И. Ленину была передана их докладная записка с предложением немедленно послать вооруженный отряд к северо-восточной границе Индии, через Монголию и Тибет. Внезапное появление такого отряда «на буддийском участке ее пограничной линии», там, где Индия прикрыта цепочкой буферов — Бутаном, Сиккимом и Непалом, — вызвало бы переполох среди англо-индийских властей, чье внимание в то время было сконцентрировано на войне с афганцами. Внешне отряд должен был напоминать караван мирных буддийских паломников. С ним, по мнению калмыков, следовало отправить некоторое количество стрелкового оружия (револьверов, винтовок, пулеметов) и разных «военных припасов» для раздачи местному населению. В дальнейшем предполагалось наладить регулярные поставки оружия в этот регион, что фактически превратило бы пограничный «буддийский участок» в плацдарм для военных операций в глубь юго-восточной Азии. «Здесь прямой путь в наиболее революционно настроенную провинцию Индии — Бенгалию; Бирма же и Сиам, — писали А. М. Амур-Санан и А. Ч. Чапчаев, — дают возможность проникнуть сухим путем еще глубже в тыл английским колониальным владениям, даже в пределах Индокитая»[343]. Собственно Тибету, равно как и Монголии, в этих планах отводилась второстепенная роль, хотя калмыцкие деятели и подчеркивали важность распространения революционных идей среди монголов и тибетцев с целью «приобщения этих народов к мировой революции» (см. Приложение 1).

Письмо калмыцких революционеров заинтересовало В. И. Ленина, который без промедления (16 июля) переправил его через Оргбюро ЦК Г. В. Чичерину с указанием начать «подгот[овительные] мероприятия»[344]. Однако НКВД в условиях гражданской войны не сумел оперативно снарядить и отправить к индийской границе летучий отряд буддистов-агитаторов летом 1919 г. Тем не менее Тибет продолжал привлекать к себе внимание Москвы. Так, советское правительство довольно резко реагировало на англо-китайские переговоры по Тибету, проходившие в Пекине во второй половине 1919 г., о которых оно узнало совершенно случайно: «Сейчас радио принесло нам сообщение, что на очередь поставлен вопрос о независимости Тибета, — писали „Известия“ 15 ноября 1919 г. — Между Китаем и Англией ведутся переговоры о „даровании Китаем Тибету автономии, при условии сохранения суверенитета Китая“. Нет сомнения, что в постановке этого вопроса замешана английская дипломатия, которая, стремясь оградить подступ к Индии, плетет свою дипломатическую паутину, в которой должны, в конечном счете, запутаться и Китай, и Тибет»[345].

Летом 1920-го, когда гражданская война подходила к концу, на стол Г. В. Чичерина лег еще один проект — «научно-пропагандистской экспедиции» в Тибет, принадлежавший литератору и ученому-биологу А. В. Барченко, о котором рассказывалось в первой части этой книги. Напомним читателю, что экспедиция ставила своей целью «исследование Центральной Азии и установление связи с населяющими ее племенами», хотя в действительности, как мы знаем теперь, А. В. Барченко намеревался установить контакты с центром «доисторической культуры» в Тибете — легендарной Шамбалой северных буддистов. Арестованный в 1937 г., он так рассказывал об этом следователю: «... В своей мистической самонадеянности я полагал, что ключ к решению социальных проблем находится в Шамбале-Агарте, в этом конспиративном восточном очаге, где сохраняются остатки знаний, опыта того общества, которое находилось на более высокой стадии социального и материально-технического развития, чем современные общества. А поскольку это так, необходимо выяснить пути в Шамбалу и установить с нею связь»[346]. Принять участие в столь необычном путешествии изъявили желание моряки Балтийского флота, большевики И. Я. Гринев и С. С. Белаш. Но и эта поездка не состоялась, скорее всего по той же причине, что и планировавшиеся ранее НКВД две другие экспедиции в Тибет.

Между тем, в Петрограде в конце 1919 г. неожиданно произошел инцидент, поставивший под угрозу «тибетские планы большевиков» — разгром буддийского храма. Виновницей происшествия оказалась расквартированная в соседнем доме красноармейская часть. Из храма были похищены многие ценные культовые предметы, некоторые из которых являлись личными подарками Далай-ламы. Полному уничтожению подверглись библиотека тибетских и монгольских книг, а также обширный дипломатический архив А. Доржиева. Узнавший об этом А. Доржиев осенью 1920 г. срочно приехал из Кал-

мыкии в Петроград. Потрясенный случившимся, 1 октября он направил гневное письмо заведующему отделом Востока НКВД Я. Д. Янсону. В нем А. Доржиев писал, что «разгром и надругательство над Петроградским буддийским храмом, являющимся общеподддийской святыней, находящейся под особым покровительством Далай-ламы, <...> будут иметь несомненно и определенно отрицательное значение для укрепления налаживающихся связей между Советроссией и буддийским Востоком»[347]. 4 октября 1920 г. его заявление НКВД переслал председателю Петросовета Г. Е. Зиновьеву, при этом в сопроводительной записке Л. Б. Карахан и Я. Д. Янсон выразили свою озабоченность по поводу случившегося — «факт его (храма — А. А.) разрушения преступен не только по отношению к исторической ценности, но и подорвет доверие буддистов к Советской России, если до их слуха дойдет известие о гибели храма»[348]. Расследование инцидента, предпринятое ПЧК, не дало никаких результатов. Впрочем, НКВД со своей стороны обещал А. Доржиеву помощь в восстановлении «общеподддийской святыни» и действительно выделил на это некоторые средства, которых, однако, оказалось недостаточно. Насколько можно судить, сведения о разгроме петроградского «дацана» все-таки дошли до Далай-ламы, хотя, вероятно, и не сразу, через бурятских и калмыцких лам, но о его реакции нам ничего не известно.

3. На разведку в Лхасу

Весной 1920 г. в тибетской политике Англии наметились важные перемены. Продолжавшиеся с лета 1919 г. в Пекине переговоры по «тибетскому вопросу» между главой британской миссии Джоном Джорданом и министром иностранных дел Китая Чен-лу окончательно зашли в тупик. Между тем (в начале 1920 г.) в Лхасу прибыла китайская делегация из соседней провинции Ганьсу, что вызвало большое беспокойство у Лондона, опасавшегося, что за спиной ганьсуйцев стоит Пекин, стремящийся к сепаратному соглашению с тибетцами. Это побудило британское правительство активизировать свою политику в отношении Тибета, результатом чего стало согласие нового руководителя Форин Оффиса лорда Д. Н. Керзона на посещение Лхасы «сиккимским резидентом» Ч. Беллом, который к тому времени получил новое приглашение Далай-ламы. Керзон полагал, что Англия может больше не считаться с конвенцией 1907 г., запрещавшей подобные визиты как английским, так и русским представителям, поскольку ее аннулировали большевики. В то же время Лондон по-прежнему относился отрицательно к идее создания постоянного английского представительства в Лхасе, поскольку такой шаг дал бы повод Пекину добиваться посылки своего резидента в тибетскую столицу.

Основная задача миссии Ч. Белла состояла в укреплении дружественных отношений с Далай-ламой и его министрами, восстановлении несколько пошатнувшегося в годы мировой войны доверия тибетских верхов к англо-индийскому правительству. В то же время в Дели хотели с помощью Ч. Белла разузнать о результатах Ганьсуйской миссии. Британский представитель прибыл в Лхасу 17 ноября 1920 г. в сопровождении военного медика, д-р Дайера, которого впоследствии заменил подполковник Р. С. Кеннеди. После Ф. Янгхазбенда Ч. Белл стал первым английским дипломатом, посетившим недоступную для европейцев столицу Тибета.

Далай-лама и члены его правительства встретили Ч. Белла необычайно радушно. Свободно владевший тибетским языком и прекрасно знавший тибетские обычаи и этикет, он не мог не импонировать тибетцам. Долгие часы «сиккимский резидент» проводил в частных дружеских беседах с особенно симпатизировавшим ему Далай-ламой, о чем впоследствии рассказал на страницах написанной им биографии XIII Далай-ламы[349]. В то же время приезд английского дипломата вызвал в начале 1921 г. стихийный протест со стороны наиболее радикально настроенных клерикальных элементов, к которым в основном принадлежали монахи крупнейшего Дрепунгского монастыря. Ламы связывали визит британского представителя с планами увеличения тибетской армии (Царонг хотел довести ее численность до 15 тысяч), что побудило их выступить против «новых военных» во время празднования тибетского Нового года (так наз. «Монлама»). Далай-ламе, однако, удалось усмирить недовольных лам, хотя обстановка в Лхасе продолжала оставаться напряженной.

Визит Ч. Белла в Лхасу продолжался почти 11 месяцев, до 19 октября 1921 г. Его основным результатом стала устная договоренность с тибетским правительством (хотя и не формальный договор) о предоставлении Тибету английской помощи в модернизации страны. Она включала в себя: обучение (инструктаж) рядового и командного состава тибетской армии, проведение телеграфной линии от Гьянтзе до Лхасы, разведку полезных ископаемых и устройство двух школ в Гьянтзе и Лхасе. Наиболее важный вопрос — о поставке Лхасе оружия — решился незадолго до отъезда «сиккимского резидента». Делийские власти, очевидно, под влиянием меморандума Д. Н. Керзона от 26 августа, подведшего черту под англо-китайскими переговорами, согласились продать тибетцам 10 горных орудий, 20 пулеметов, 10 тысяч винтовок образца «Ли Энфилд» и один миллион патронов к ним, правда, при одном обязательном условии, что английское оружие будет использовано тибетцами исключительно в целях самообороны и поддержания внутреннего порядка в стране.

Суммируя результаты своей миссии, Ч. Белл докладывал правительству Индии: «Доверие тибетского правительства к нам совершенно восстановлено. Его чувства по отношению к нам, вероятно, никогда не были столь дружественными, как теперь. Политика, которую я предложил для регулирования наших будущих взаимоотношений с Тибетом, была принята в ее полном объеме. Увеличилась вероятность того, что Китай приступит к обсуждению трехстороннего договора с Британией и Тибетом. Одним словом, можно без преувеличения говорить, что тибетский вопрос урегулирован настолько, насколько

ко это вообще возможно в настоящее время. Это урегулирование останется в силе на протяжении нескольких лет и будет в значительной степени способствовать нашим интересам, а также интересам Тибета, и затем, в самом подлинном смысле, высшим интересам Китая»[350].

Но была еще одна сторона, советская, чьи интересы в Тибете Ч. Белл, естественно, не учитывал, уверенный, что большевикам не удастся вовлечь Лхасу в свою политическую орбиту. В интервью лондонскому корреспонденту «Дейли Телеграф» от 17 января 1922 г. он решительно отверг мысль, что большевизм уже проник в Тибет, как сообщалось в некоторых западных печатных органах, давая понять, что он рассматривает Тибет как «грозное государство-буфер между Индией и русским большевизмом». «Принципы большевизма совершенно противны характеру тибетцев», — утверждал он. И хотя большевизм, несомненно, уже проник в Северную Монголию, едва ли можно думать, что монголы в восторге от него. Во всяком случае, «в Тибет он не придет никогда»[351].

Прогноз английского дипломата, однако, не сбывся. Осенью 1920 г. Наркоминдел, почти одновременно с Форин Оффисом, перешел к практической реализации собственных планов в отношении Тибета. В сентябре-октябре этого года, во время посещения Москвы группой монгольских революционеров (Чойбалсан, Сухе-Батор, Данзан, Бодо и др.), в стенах НКВД вновь поднимается вопрос о тибетской экспедиции. К его обсуждению были привлечены также А. Доржиев и А. М. Амур-Санан. То, что руководство Наркоминдела сочло необходимым согласовывать свои планы с монгольскими гостями, объяснялось, во-первых, тем, что экспедицию предполагалось снаряжать в Урге, идти ей предстояло в составе и под прикрытием каравана монгольских торговцев и паломников, что обеспечивало некоторую безопасность. Во-вторых, «тибетский вопрос» теснейшим образом соприкасался с «монгольским вопросом» с точки зрения перспектив Восточной революции: как Тибет, так и Монголия являлись отсталыми, феодальными, ламско-теократическими государствами; обе страны в недалеком прошлом находились под властью Китая и в то же время служили объектами экономической и политической экспансии империалистических держав, обе ныне открыто выражали стремление к национальной независимости. Первой на путь революционных преобразований предстояло вступить Монголии, которая в дальнейшем должна была стать передатчиком коммунистических идей в глубь Азиатского континента. Именно таким путем революция могла прийти в пока что недоступный советскому влиянию Тибет.

В ходе совещаний в НКВД был сформулирован подход советского государства к «тибетскому вопросу», который основывался на следующих принципиальных положениях:

«1. Установление связи РСФСР с Тибетом чрезвычайно важно и необходимо; 2. Отсутствие надлежащей информации о внутреннем и внешнем положении Тибета за последние 3–4 года и особая острота тибетского вопроса в связи с зарождением революционного движения в Индии и вообще в Азии диктует советской дипломатии особую осторожность при подходе к тибетскому вопросу, неразрывно связанному с другими дальневосточными вопросами; 3. Для окончательного выяснения вопроса и намечения практических путей разрешения тибетской проблемы необходимо командировать в Тибет небольшую секретно-рекогносцировочную экспедицию (курсив — А. А.). По прибытии в Тибет и выяснении положения и в случае положительного отношения Тибета к России один из членов экспедиции должен прорваться в Афганистан и оттуда сообщить результаты экспедиции по радиолоск Москве, где по получении сведений Наркоминдел должен приступить к организации новой и более солидной экспедиции, вернее миссии в Тибет»[352].

Подробное инструктирование участников экспедиции было поручено Э. Д. Ринчино[353], секретарю монголо-тибетского отдела Секции Восточных Народов Сибирского Областного Бюро ЦК РКПб в Иркутске (который, кстати, и сопровождал монгольских революционеров в Москву), и А. Доржиеву. Дальнейшая подготовка экспедиции продолжалась под непосредственным руководством Г. В. Чичерина и Б. З. Шумяцкого, уполномоченного Коминтерна и одновременно НКВД на Дальнем Востоке. В начале февраля 1921 г. Коминтерн преобразовал Секцию Восточных народов в Дальневосточный Секретариат, ставший фактически штабом по руководству всей коммунистической и революционной работой в странах Восточной и Центральной Азии — Китае, Японии, Корее, Тибете и Монголии. Однако планам советского правительства неожиданно помешал Р. Я. Унгерн фон Штернберг, чьи отряды вторглись осенью 1920 г. во Внешнюю Монголию с целью ее освобождения по просьбе Ургинского Хутухты от китайских оккупационных войск. 4 февраля 1921 г. Унгерн взял Ургу. Но уже через несколько месяцев Красная Армия, совместно с частями Монгольской революционной армии, наскоро сформированными и обученными советскими инструкторами-калмыками, начала «освободительный поход» против «Белого барона», завершившийся его полным разгромом.

В начале июня 1921 г. А. Доржиев, находившийся в то время в Забайкалье, получил важные вести из Лхасы. Один из калмыцких монахов, возвращавшихся из «Страны Джугу» (т. е. Будды) — как буряты и калмыки называли Тибет, привез ему письмо — то ли от кого-то из его старых тибетских друзей, то ли даже от самого Далай Ламы, — содержащее сведения о ситуации в Тибете. С этим письмом А. Доржиев спешно выехал в Москву для информирования НКВД и получения дальнейших инструкций. Но главная цель его поездки состояла в том, чтобы поторопить Центр с отправкой тибетской экспедиции. 6 или 7 июля А. Доржиев передал докладную записку заведующему отделом Востока С. И. Духовскому, в которой, в частности, сообщалось: «В настоящее время по-полученным мною сведениям Далай Лама и его приближенные остаются при старом своем мнении, и не может быть ни малейшего сомнения в их готовности [к] возобновлению дружественных отношений с Россией, тем более, когда им станет известна платформа Советской власти и светлые принципы, проводимые ею в жизнь, защиты мелких угнетенных народностей»[354].

Далее А. Доржиев предлагал следующую схему экспедиции — сперва в Лхасу «морским путем» (т. е. через Индию) следует отправить курьера — донско-го калмыка Сандже Бакбушева, того, кто привез ему «сведения от Далай Ламы». Он должен будет сообщить тибетским властям о намерениях Москвы, с тем чтобы они могли подготовиться к приему советских представителей — «сговориться и посоветоваться, тогда вылилось бы в определенную форму теперешнее отношение Тибета к России». Следом за Бакбушевым, по получении от него известий, предстояло выслать основной отряд, состоящий не более чем из 10 человек, во главе с бурятским ламой Дава Ямпилоном, номинальным главой миссии. «Этот человек вполне надежный и сведущий, несколько раз ездивший в Тибет через Центральную Азию, получивший образование в Тибете, и он известен по моей рекомендации Далай Ламе как человек, знающий русский и тибетский языки»[355], — писал А. Доржиев. Начальником конвоя — фактически руководителем экспедиции — планировался некто Цивано, кандидатура которого ранее предлагалась Э. Д. Ринчино (вероятно, речь идет о сотруднике монголо-тибетского отдела Лупсане Цивано). «Цивано — человек вполне надежный. Забайкальский казак, старый служака, прослужил с самого начала в частях Красной Армии. Он человек бывалый, стойкий и закаленный», — сообщал А. Доржиев. Функции по ведению путевых записей и выполнению «всей научной части работы экспедиции» он предлагал поручить Даши Сампилону, известному деятелю бурятского национального движения. Остальным участникам отводилась роль обслуживающего персонала.

Цели экспедиции А. Доржиев формулировал так: «выяснение внутреннего положения Тибета, точное установление взаимоотношений соседних с Тибетом стран, особенно Англии, выяснение, насколько велико влияние английских и других дипломатических интриганов в Тибете»[356]. Складывается впечатление, что А. Доржиев знал о миссии Ч. Белла в Лхасу. Акция Лондона, надо думать, вызвала большое беспокойство в НКВД и послужила дополнительным стимулом для отправки советской экспедиции, которой, помимо прочего, следовало также разузнать о «тайных происках» англичан в Тибете. Таким образом, эмиссарам Москвы предстояло провести предварительную политическую разведку в Лхасе и подготовить почву для будущих официальных переговоров между советским и тибетским правительствами.

В своей докладной записке А. Доржиев затронул также крайне важный вопрос об установлении телеграфной связи с Лхасой. Дело в том, что НКВД намеревался послать Далай-ламе в качестве подарка радио-телеграфный аппарат, при этом предполагалось, что обслуживать его будут советские телеграфисты. А. Доржиев считал, однако, преждевременной посылку большого аппарата, «ибо пока неизвестен пункт, где может быть поставлена радиостанция, и также неизвестно настроение тибетского народа и насколько отсутствуют в массе англофильские течения». По его мнению, сначала следовало «уговориться с Правительством Тибета по поводу места постановки станции». А тем временем, необходимо было подготовить для работы на аппарате какого-нибудь бурята или калмыка. С экспедицией же А. Доржиев предлагал послать маленький радиоприемник. «Вообще телеграфная связь между Россией и Тибетом крайне необходима, — подчеркивал он. — Эта необходимость давно уже сознается Далай Ламой, и в свое [время] даже были ведены переговоры по поводу проведения телеграфной линии в Россию с датским телеграфным агентством в Пекине. И теперь несомненно оно (т. е. проведение такой линии — А. А.) является вопросом первой важности для Тибета»[357].

Доржиев также не советовал НКВД посылать в Тибет кинематографический аппарат, поскольку «публичная демонстрация картин даст повод к распространению всевозможных перетолков об экспедиции и может обострить отношения с Англией». По его мнению, следовало сперва дожидаться «благоприятных сведений» из Лхасы, а затем приступить к снаряжению «второй большой экспедиции», с которой можно было бы отправить радиостанцию, кинематограф и... «возможное количество оружия для тибетской армии».

Практически одновременно с А. Доржиевым — 6 июля 1921 г. — свой проект тибетской экспедиции подал Г. В. Чичерину и Б. З. Шумяцкий, приехавший в Москву для участия в 3-ем конгрессе Коминтерна. Поднимался ли вопрос о поездке в Лхасу на заседании Политбюро, состоявшемся 6–7 июля, мы не знаем; во всяком случае, в повестке дня этого заседания в качестве отдельного пункта он не значится. Предложения Б. З. Шумяцкого, очевидно, и легли в основу окончательного сценария экспедиции. Так, НКВД отказался от предварительной посылки в Лхасу курьера-калмыка Бакбушева, отклонил кандидатуру «начальника конвоя» Цивано, а «ориенталиста» Сампилона решили поставить во главе второй экспедиции. 25 июля Б. З. Шумяцкий писал Г. В. Чичерину из Иркутска:

«Тиб[етская] экспедиция мною спешно снаряжается, я вызвал в Иркутск начальника экспедиции Ямпилова проинструктировать его согласно вашим указаниям. Жду присылки радиоаппарата и тех вещей, на которые я оставил вам выписку. Мы выработали маршрут для экспедиции с расчетом обойти все опасные пункты. Весь путь рассчитан на 45–60 дней, считая остановки и возможные задержки. Начальника конвоя ишу из числа калмыков-коммунистов. На днях один из кандидатов придет ко мне для ознакомления. 28-го июля, в крайнем случае 4 августа, экспедиция выступает в путь. Ранее приобретенные прежними организаторами верблюды экспедиция не возьмет, ибо гораздо конспиративнее следовать на наемных верблюдах, как пилигримы. Сампилон мною уже вызван в Иркутск. Он сейчас с головою увяз в работу в Монголии. Пришлось его оттащить от работы. При приезде немного его обработаю и пошлю к Вам для полировки и для того, чтобы Вы познакомились с ним лично, окончательно решим, стоит ли его посылать или нет»[358].

Через несколько дней Б. З. Шумяцкий вновь пишет в НКВД, на этот раз С. И. Духовскому: «Организация и отправка экспедиции тормозятся сейчас только отсутствием радиоаппарата и тех вещей, которые Вы должны были достать и выслать. У меня все уже на мази. Сейчас стараюсь только достать зо-

лотой слиток вместо серебра. В крайнем случае отольем и сплавим здесь. Это работа на 2 дня. Жду заказанных для экспедиции вещей и как получу, то сейчас же экспедиция выступит. Ямпилова уже проинструктировал и сегодня отправляю. Для конспирации он будет ожидать караван недалеко от кочевого тракта. Начальника конвоя, т. е. фактически нашего политкома, уже нашел и сейчас вызвал сюда. Это коммунист-калмык. Не знаю, подойдет ли внешним видом и манерами. Это ведь тоже важно»[359].

Сомнения Б. З. Шумяцкого легко понять — ведь «политкому» предстояло непосредственно общаться с самим Далай-ламой и членами его правительства. Эту непростую роль согласился сыграть В. А. Хомутников (настоящее имя Василий Кикеев, 1891–1945)[360]. Командир Калмыцкого кавалерийского полка Юго-Восточного и Кавказского фронтов, он вместе с группой молодых командиров-калмыков был направлен Реввоенсоветом Республики (РВСР) с «интернациональной миссией» в Монголию в январе 1921 г. Принимал участие в советско-монгольском походе на Ургу, а после победы «народной революции» занимался формированием кавалерийских частей Монгольской народно-революционной армии. Но была, как кажется, и еще одна причина, по чему выбор Б. З. Шумяцкого пал именно на В. А. Хомутникова. Одним из секретарей Далай-ламы был его земляк, донской калмык Шарап Тепкин. Поэтому, инструктируя В. А. Хомутникова накануне поездки, представитель НКВД РСФСР при советских воинских частях в Монголии В. И. Юдин советовал ему по приезду в Лхасу сразу же связаться с Тепкиным, который мог бы устроить встречу с Далай-ламой и быть на ней переводчиком[361].

Рекомендовал В. А. Хомутникова Б. З. Шумяцкому, по-видимому, хорошо знавший его по работе в Калмыкии Б. Х. Кануков, начальник оперативно-разведывательного отдела штаба Монгольской Армии (Б. Х. Кануков и В. А. Хомутников и приехали вместе в Монголию). Здесь надо сказать, что экспедиция в Тибет, помимо Наркоминдела и Коминтерна, представляла несомненный интерес и для РВСР. Овладев Ургой, Красная Армия осенью 1921 г. стремительно двинулась на юго-запад, в глубь Центральной Азии, в Синьцзян (Китайский Туркестан), преследуя остатки разгромленных унгерновских и других белогвардейских отрядов. Вполне естественно, что в поле зрения советских военных попал и соседний с Синьцзяном Тибет. Еще в 1920-м Унгерн пытался установить связь с Лхасой, послав делегацию к Далай-ламе. В 1921 г., при отступлении его отрядов из Урги, он строил планы повести свою Азиатскую дивизию в Тибет и поступить к Далай-ламе на службу. Осенью 1921 г. группа унгерновских офицеров отправилась через Гоби в Тибет в надежде проникнуть оттуда в Индию, что некоторым из них и удалось[362].

Вместе с тем, наблюдение за пока что не доступной пригималайской страной велось с двух сторон — из Урги, разведотделом штаба Монгольской Народной Красной Армии, и из Ташкента, где находился штаб Туркестанского (позднее Средне-Азиатского) Военного Округа. Так, в начале 1921 г. уполномоченный НКВД РСФСР в Средней Азии Михайлов обратился за справкой в РВС Туркфронта в связи с полученным им сообщением о продвижении к границам Кашгара англо-тибетской армии и получил ответ, за подписью командующего Туркфронта А. И. Корка и члена Реввоенсовета Печеренко, в котором говорилось, что «английских войск в Тибете небольшое количество»[363].

Прежде чем перейти к рассказу об экспедиции В. А. Хомутникова, необходимо ответить на вопрос: какое место тибетская инициатива Г. В. Чичерина занимала среди других внешнеполитических акций НКВД того времени? 1921 год, как известно, ознаменовался большими успехами восточной политики Советской России. В начале года она подписала мирные договоры с Персией (26 февраля), Афганистаном (28 февраля), кемалистской Турцией (16 марта), что, несомненно, нанесло сильный удар по позициям Англии на Ближнем и Среднем Востоке. В то же время 16 марта Москва заключила торговое соглашение с Англией, означавшее фактическое признание ведущей капиталистической державой советского государства. Важным положением этого документа было взаимно взятое на себя обеими сторонами обязательство воздерживаться от всякого враждебного действия и пропаганды друг против друга. В частности, советское правительство обязалось воздерживаться «от всякой политики к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия и пропаганды какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям, в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и в независимом государстве Афганистан». Англия, со своей стороны, обязалась «не вести пропаганды в государствах, которые входили в состав бывшей Российской Империи»[364]. Впрочем, несмотря на взятые на себя обязательства, стороны не отказались от пропагандистской деятельности.

Во второй половине 1921 г. советская дипломатия сосредоточила свои усилия уже на дальневосточном и центральноазиатском направлениях. В центре внимания Москвы оказываются Китай и его бывшие «внешние территории» — Монголия, Синьцзян и Тибет. Так, в августе представительство НКВД в Средней Азии отправило из Ташкента в Урумчи для заключения торгового соглашения с синьцзянским ду-цзюном миссию Казанского. (Дипломатические отношения с Западным Китаем были фактически установлены годом ранее путем учреждения в Кульдже и Алма-Ате соответственно советского и китайского торгпредств, с присвоением им консульских функций.) Осенью 1921 г. в Пекин направляется миссия во главе с А. К. Пайкесом для переговоров об установлении дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем (прибыла в китайскую столицу в середине декабря.) В то же время делались попытки завязать контакты с вождем Синьхайской революции и основателем партии гоминьдан, Сунь Ятсеном, провозглашенным чрезвычайным президентом Южного Китая. С этой целью весной 1922 г. Пайкес посылает в Кантон члена ДВ секретариата ИККИ С. А. Далина. Наконец, в октябре 1921 г. в Москву прибыла чрезвычайная монгольская миссия, которая 5 ноября подписала договор с советским правительством. В этом контексте секретная тибетская экспедиция В. А. Хомутникова являлась продолжением советской политики в регионе. Любопытно, что Г. В. Чичерин в интервью корре-

спонденту газеты «Юманите» 24 июля 1921 г., характеризуя «восточную политику» Советской России, подчеркивал, что «нашему методу чужды тайные происки и дипломатические интриги. <...> Когда народы Востока пробуждаются к новой жизни, Англия приписывает этот факт нашим эмиссарам. Мы весьма охотно обязались не посылать тайных эмиссаров, т. к. мы знаем, что полное отсутствие в нашей политике всякой империалистической идеи является единственным и действительным источником потрясений, наблюдаемых в странах Востока»[365].

Экспедиция Ямпилон-Хомутникова после долгих сборов выступила из Урги 13 сентября 1921 г. Маленький отряд, двигавшийся на 12 верблюдах, присоединился к большому каравану монгольских и тибетских паломников и торговцев, направлявшемуся в Лхасу. Кроме уже названных двух руководителей, участие в поездке приняли еще шестеро калмыков и один бурят. Достоверно нам известны фамилии лишь 4-х человек — Доржи Дарминов, Доржинов (оба земляки В. А. Хомутникова), Л. Бадминов и Шагдыр Лундуков. До Лхасы, однако, дошли не все. Во время стоянки на Эдзин-голе произошла ссора Ямпилон с Дарминовым, изъявившим желание остаться среди торгоутов и примкнуть к отряду знаменитого «святого-разбойника» Джа-ламы, по происхождению астраханского калмыка, жившего в городе-крепости в собственном хошуне на границе Западной Монголии и Китая[366]. Узнав об этом, В. А. Хомутников застрелил изменника. (Подругой версии, принадлежащей В. И. Юдину, Дарминов «во время выполнения спецзадания был арестован Джа-ламой и расстрелян»[367]). Другой потерей была неожиданная смерть в пути ламы Ямпилон. Произошло это, по сообщению В. А. Хомутникова, во время очень тяжелого перехода через высокогорную местность Сартын[368]. Этот необычный маршрут путешественники выбрали умышленно, чтобы обойти стороной владенья Джа-ламы, грабившего проходившие мимо караваны. Как выяснилось позднее, во время таможенного досмотра грузов ургинского каравана в Нагчу — главной заставе на пути в Лхасу ламы и торговцы везли в основном оружие — 1500 винтовок — русских, китайских и японских, скупленных у унгерновцев, один миллион патронов, пулеметы «Максим», множество ручных фанат и пр. Любопытно, что во время 10 дневной стоянки в Цаган-голе (ставка Дзасаку-Хановского аймака) сам В. А. Хомутников приобрел у местных жителей «до 50-ти винтовок русского образца с клеймом Ижевского завода»[369].

В Нагчу экспедиции пришлось задержаться на некоторое время — чтобы двигаться дальше в Лхасу, требовалось разрешение тибетского правительства. Тогда В. А. Хомутников объявил, что он является посланцем Агван Доржа — «главного ламы буддистов России», предъявив при этом чиновникам собственноручное письмо А. Доржиева, которым он предусмотрительно запасся на этот случай. Это письмо вместе с ходатайством В. А. Хомутникова о пропуске для его отряда тибетская пограничная охрана отправила Далай-ламе, от которого вскоре пришел ответ — пропустить русских, не досматривая их вещи. Далай-лама также распорядился предоставить им почтовых лошадей до Лхасы.

Советская экспедиция достигла столицы Тибета 9 апреля 1922 г., т. е. она находилась в пути более 7 месяцев, а не полтора-два, как первоначально рассчитывал Б. З. Шумятский. Не вполне оправдались и другие ожидания Москвы. Так, Далай-лама встретил эмиссаров «красных русских», как тибетцы называли большевиков, без особой симпатии, довольно настороженно. (Аудиенция состоялась на следующий же день в зимнем дворце правителя в Потале). «Не расстреляли ли Советы (это слово он произносил по-русски — А. А.) Агвана Доржиева? Здоров ли он, чем занят? Говорят, что Советы расстреляли наших единоверцев-калмыков?» — были первыми его вопросами, обращенными к В. А. Хомутникову[370]. Чтобы рассеять подозрения тибетского первосвященника, В. А. Хомутников передал ему письмо А. Доржиева. Но началась аудиенция с ритуала приветствия Далай-ламы и поднесения ему подарков от лица Советского правительства — сто аршин парчи, золотые часы с монограммой «РСФСР», серебряный чайный сервиз и, наконец, «чудесная машина» — небольшой радиотелеграфный аппарат. Вместе с подарками правителю Тибета вручили официальное послание Советского правительства за подписью заместителя Г. В. Чичерина Л. М. Карахана[371]. В ходе последовавшей затем беседы В. А. Хомутникову, в основном, пришлось отвечать на многочисленные вопросы Далай-ламы, некоторые из которых оказались весьма щекотливыми (например, о судьбе Николая II и его семьи). Лишь в конце приема, продолжавшегося около 6 часов (!), В. А. Хомутников получил возможность задавать вопросы сам. Он попросил Далай-ламу разрешить ему встретиться с тибетскими министрами и, получив согласие, неожиданно озадачил его вопросом: «Могу ли я быть уверенным, что они не выдадут меня англичанам?»

Эта встреча произошла на другой день в летней резиденции правителя Тибета, в Норбулингке. На ней присутствовали Далай-лама, его могущественный фаворит, главнокомандующий тибетской армии Царонг, а также первый министр, по-видимому, Лончен Шолкхан, хотя В. А. Хомутников и не называет его имени. На этот раз беседа носила более дружественный и в то же время деловой характер. Министры хотели знать, «может ли Советская Россия оказать помощь Тибету — охранять его от посягательств других государств». Они заявили, что страна нуждается в мастерах по производству пороха, патронов и снарядов, т. к. англичане, согласившиеся поставлять Тибету оружие, отказывались предоставить специалистов по изготовлению пороха? Кроме этого, тибетские министры просили прислать им радиотелеграфистов для работы на аппарате, подаренном Москвой.

В. А. Хомутников заверил министров о готовности советского правительства прийти на помощь Тибету, поскольку оно стоит на страже интересов всех малых народов. В своем отчете он отметил, что престарелый Лончен, бывший русофил и противник Англии, относится «с большой симпатией к России». «Когда я прощался с ним, он сказал: „Раньше мы дружили с русскими; думаю, что и теперь сможем возобновить старые отношения, если будут позволять условия и обстоятельства“»[372]. О Царонге, слывшем зяблым англофилом, В. А. Хомутников также отзывался весьма положительно: «Ко мне [он] отнес-

ся очень хорошо: много раз приглашал к себе и всегда охотно беседовал на разные темы. Очень интересуется Советской Россией и Красной Армией». Любопытна и характеристика, которую он дал Далай-ламе: «Сам Далай Лама относится в данное время к Англии дружелюбно, вследствие того, что англичане доставляют оружие для войны с Китаем. К последнему отношению его определенно враждебное. Среди лам и народной массы Далай Лама пользуется большой симпатией, хотя есть у него среди них противники. Так, в 1921 году, в связи с приездом в Лхасу английского представителя Белла, монахи двух монастырей, сторонники китайской ориентации, пытались устроить против правительства восстание. Однако, руководители восстания были арестованы и по сие время сидят в тюрьме»[373].

Что касается Красной России, то владыка Тибета испытывал к ней явно двойственные чувства. С одной стороны, его пугали рассказы о гонениях большевиков на «желтую веру». Незадолго до приезда экспедиции он получил письмо от Ургинского Хутухты, в котором тот писал, что Советы, уничтожив свои храмы и священные книги, добрались, наконец, и до Монголии и при содействии Монгольской революционной партии сместили его с престола. В результате Далай-лама распорядился, по просьбе Хутухты, служить в тибетских храмах особые молебны об уничтожении врагов буддийской веры. С другой стороны, под влиянием бесед с В. А. Хомутниковым его отношение к «красным русским» стало заметно меняться. Так, в своем отчете В. А. Хомутников писал, что «по получении информации от Доржиева и меня Далай-лама их (эти молебны — А. А.) отменил». А во время прощальной аудиенции 29 апреля он неожиданно признался: «Мне желательно установить добрососедские отношения с Россией, ибо хотя мы с Англией официально находимся в мирных отношениях, фактически она стремится подчинить нас себе. С этой целью она держит на нашей территории свои войска, что является для нас весьма неблагоприятным и совершенно нежелательным»[374].

Речь, по-видимому, идет о небольшом военном эскорте при торговом агенте в Гьянтзе, главной английской фактории в Тибете. Однако есть основания, заставляющие сомневаться в искренности подобного заявления Далай-ламы, особенно после визита Ч. Белла. Во всяком случае он не собирался менять своей проанглийской ориентации, а потому отклонил предложение В. А. Хомутникова послать официальное тибетское посольство в Москву. «В данный момент сделать это невозможно, ибо, если узнают англичане, могут быть плохие последствия для нас»[375]. Вместо посольства Далай-лама решил направить своего представителя ШарапаТепкина, которому поручалось передать его устный ответ советскому правительству и вручить несколько писем А. Доржиеву с тем, чтобы последний довел их содержание до сведения руководителей страны. Тепкину также надлежало оказывать помощь А. Доржиеву, ввиду его преклонного возраста, и в случае смерти заменить его. Сам Тепкин, после своего ареста в 1931 г., в показаниях следователю так рассказывал о данном ему поручении: «В связи с возвращением экспедиции в Россию, я был вызван Далай Ламой, который предложил мне выехать вместе с ней к Хамбо Агвану Доржиеву, [чтобы] информировать его о положении в Тибете; одновременно с этим дал поручение информировать его, Далай Ламу, о происходящих событиях в России и положении и жизни духовенства»[376]. Таким образом, Далай-лама, очевидно, решил проверить с помощью своего наблюдателя достоверность сообщений В. А. Хомутникова и А. Доржиева.

Экспедиция В. А. Хомутникова пробыла в Лхасе 3 недели, до 1 мая 1922 г. Обрато в Россию она возвращалась другим, более коротким сухопутно-морским путем, через Индию и Китай. По дороге заехали в монастырь Ташил-хумпо в Южном Тибете, чтобы поклониться Панчен-ламе, второму по значению лицу после Далай-ламы. «Я представится ему, не говоря кто я такой», — пишет в отчете В. А. Хомутников. Подобная предосторожность не была излишней, ибо Панчен, по его сведениям, находился «в оппозиции к Далай-ламе» и к тому же «являлся сторонником англичан».

Немало поволноваться советским эмиссарам пришлось в Индии. В Дарджилинге за ними увязались полицейские, сопровождавшие их в поезде до самой Калькутты. «Чтобы не было подозрений, мы захватили большое количество духовных книг, как это обычно делается ламами-паломниками», — сообщал В. А. Хомутников. Оставшуюся часть пути он описывал так: «В Калькутте пришлось задержаться на целых 27 дней из-за забастовки рабочих. Наконец, когда забастовка кончилась, мы на пароходе выехали в Шанхай, причем ехали без билета, так как лица из пароходной администрации за взятку согласились довезти нас по дешевой цене. Из Шанхая по железной дороге, с остановкой в Пекине, мы прибыли в Калган, а из Калгана на автомобиле 4 августа прибыли в Ургу. Обратный путь от Лхасы до Урги занял, таким образом, около четырех месяцев»[377].

Свой отчет о поездке в Тибет В. А. Хомутников подал в НКВД 28 октября 1922 г.[378] (Аналогичный отчет он, вероятно, представил и в РВСР.) О том, какого рода сведения он добыл в поездке, говорят заголовки основных разделов этого документа: «Далай-Лама и его настроение», «Министры Далай-Ламы», «Тибет и Англия», «Тибет и Китай», «Японцы в Тибете», «Делегация Унгерна», «Тибетская армия», «О скотоводстве и земледелии», «Торговые промыслы», «Лхаса». Правда, приводимые руководителем экспедиции факты в ряде случаев не соответствовали действительности. Это прежде всего относится к его сообщениям о миссии Ч. Белла и об англичанах в Тибете в целом. Так, В. А. Хомутников утверждал, по-видимому, со слов своих информаторов в Лхасе, что Ч. Белл, якобы, просил Далай-ламу допустить в Лхасу официального представителя Англии, а также договорился с тибетцами о передаче англичанам в аренду «территории на северо-западе и юго-востоке от Лхасы». Эта информация, однако, не подтверждается данными британских дипломатических архивов. Ничего не говорят официальные источники и о постройке англичанами лесопильного завода в местности Домула (?) около индийской границы. Некоторые сомнения вызывает также и сообщение В. А. Хомутникова о военном присутствии Англии в Тибете — о том, что «в Гьяндзе живут шесть англичан и три сиккимца при военном училище и стоит один взвод англичан на телеграфной станции для охраны»[379]. Достоверно известно, что в Гьянтзе

же в 1922 г. находился британский торговый агент Дэвид Макдональд, который был наполовину сиккимцем. В качестве охраны он имел военный эскорт, состоявший приблизительно из 75 индийских сипаев, под командованием капитана Эрика Паркера. Это был единственный английский военный офицер во всем Тибете (!) Кроме того, в Гьянтзе проживали офицер индийской медицинской службы Бо Церинг, сиккимец по происхождению, и еще несколько англичан, в основном технический персонал (двое из них в звании сержантов, например, обслуживали телеграф). Что касается военного училища, то, строго говоря, в Гьянтзе его никогда не существовало. Военным обучением тибетцев заведовал командующий эскортом при торговом агенте[380]. Данные В. А. Хомутникова об оружии, которое англичане обещали поставить тибетцам — 20 тыс. винтовок, 8 горных орудий, 10 пулеметов и 5 бомбометов[381] — также сильно завышены. В целом, информация калмыцкого разведчика, особенно та ее часть, которая была получена из вторых рук, являлась мало достоверной. В Москве же, судя по всему, результатами экспедиции остались довольны, о чем свидетельствует награждение Кикеева-Хомутникова 2 февраля 1925 г. орденом «Красного Знамени»[382].

4. Москва бросает вызов Лондону: миссия С. С. Борисова, 1923–1925

Воодушевленный результатами первой тибетской экспедиции, Г. В. Чичерин сделал следующий шаг в сторону сближения с Тибетом. В конце 1922 г. под Эгидой НКВД учреждается неофициальное тибетское представительство в РСФСР при буддийском храме в Петрограде во главе с Агваном Доржиевым. Большевики, по понятным причинам, не хотели афишировать этот факт, поэтому сведения о тибетском представительстве не попали в советские справочные издания тех лет (такие, как «Весь Петроград»). В то же время НКВД пытался использовать в своих целях Шерапа Тепкина, приехавшего в Москву вместе с В. А. Хомутниковым. Сам Ш. Тепкин о своей московской жизни впоследствии рассказывал так: «Прибыв в Россию, я выехал в Москву для встречи с находившимся там хамбо Агваном Доржиевым, вручил ему письмо от Далай-ламы, в котором последний уполномочивал его, Доржиева, быть представителем Тибета в Советской России. Доржиев рассказал мне о том, как началась и проходила революция, говорил, что в годы гражданской войны было трудно калмыцкому населению и духовенству, но что теперь положение благодаря помощи государства улучшается. Первые 4 месяца я жил в Москве, особенно ничего не делал, занимался лишь переводом писем, направляемых в Тибет Далай-ламе и получаемых оттуда. В начале 1923 г. я переехал на жительство в Ленинград, где по поручению Доржиева руководил ремонтом буддийского храма»[383].

Одновременно Тепкин исполнял обязанности одного из двух заместителей «тибетского представителя». Вторым стал бурят Бадма Намжил Очиров, также вернувшийся из Тибета в 1922 г. и преподававший монгольский язык (халхаский диалект) в недавно открывшемся в Петрограде Институте живых восточных языков (ПИЖВЯ).

А тем временем в наркомате по иностранным делам уже полным ходом шла подготовка новой экспедиции в Тибет. По сути дела, она началась сразу же после отъезда В. А. Хомутникова. Об этом рассказывал в своих воспоминаниях один из ее участников Ф. В. Баханов[384]. Сын бурятского бедняка, комсомолец-активист Ф. В. Баханов являлся переводчиком монгольской делегации, принимавшей участие в работе 3-го конгресса Коминтерна (состоялся в Москве 22 июня — 12 июля 1921 г.). После этого поступил в Коммунистический Университет Трудящихся Востока (КУТВ). В сентябре того же года его неожиданно вызвали в НКВД к Г. В. Чичерину. Согласно рассказу Ф. В. Баханова, Г. В. Чичерин первым делом ознакомил его с международным положением, рассказал о том, как Советская республика стремится прорвать кольцо империалистической блокады и ищет пути к установлению нормальных дипломатических и иных отношений со всеми странами. С этой целью НКВД намеревался отправить особую экспедицию в Тибет для восстановления утраченных связей с этой страной и ее правительством, в которой ему, Ф. В. Баханову, и предлагалось принять участие.

От Г. В. Чичерина Ф. В. Баханов узнал, что руководить тибетской экспедицией будет С. С. Борисов, ответственным за хозяйственное обеспечение назначен Д. Молонов, а ведение «научной работы» во время путешествия поручено буряту Баярто Вампилону (очевидно, заменившему Сампилону, имя которого Ф. В. Баханов нигде не упоминает). Собственно самому Ф. В. Баханову предстояло вести кино- и фотосъемку всего путешествия. Связь с Центром экспедиция должна была поддерживать через советское полпредство в Монголии.

Руководитель экспедиции Сергей Степанович Борисов (1889–1937), по происхождению ойрот из Горно-Алтайска, сын священника, один из активных сотрудников Дальневосточного Секретариата Коминтерна, где он некоторое время заведовал монголо-тибетским отделом. Одновременно с конца 1921 г. он работал заместителем уполномоченного НКВД в Монголии. В мае 1922 г. его перебросили в Москву, где зачислили на должность консультанта НКВД [385]. Фактически же С. С. Борисов занимался подготовкой второй тибетской экспедиции, которой Г. В. Чичерин придавал исключительно большое значение.

Начавшаяся в НКВД подготовка к поездке состояла из штудирования ее будущими участниками книг и других материалов наиболее известных путешественников по Центральной Азии — Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. А. Обручева, Свена Гедина и др. Особое внимание уделялось их сообщениям о нравах и быте туземных народов, обычаях и обрядах, а также способам обеспечения себя в пути продовольствием.

8 февраля 1922 г. Политбюро ЦК приняло решение об ассигновании 20 тысяч серебряных рублей на вторую экспедицию в Лхасу[386]. А в конце года, вскоре после возвращения В. А. Хомутникова, Г. В. Чичерин отправил в Тибет к Далай-ламе курьера С. Бакбушева. В то же время он дал согласие на посыл-

ку в Тибет научной экспедиции П. К. Козлова, зная из отчета В. А. Хомутникова о посещении Тибета английскими научными экспедициями.

Летом 1923 г. в ожидании С. Бакбушева Г. В. Чичерин обсуждал с руководством РВС СССР вопрос об оказании военной помощи Тибету в форме посылки инструкторов и продажи оружия его армии. К переговорам, вероятно, была подключена и третья сторона — монгольская: известно, что в июне-июле в Москве находилась военно-дипломатическая миссия Монголии во главе с уже известным нам Э. Д. Ринчино, председателем РВС Монгольской народной армии.

4 августа Г. В. Чичерин направил письмо в Политбюро (лично И. В. Сталину), в котором изложил свой план второй тибетской экспедиции. «Наша первая Тибетская экспедиция, — писал он, — носила ориентировочный характер. Это было первое знакомство советского правительства с Далай-ламой. Тогда же с ним было условлено, что после возвращения экспедиции в Москву к нему будет отправлена вторая экспедиция, которая оформит связи Советского Правительства с Тибетом. Это теперь нам и предстоит сделать»[387].

О каких предметах идет речь, неясно; в записке Г. В. Чичерина в Политбюро от 6 февраля 1922 г. довольно туманно говорится о «подарках технического характера, чрезвычайно интересующих Далай-ламу»[388]. Возможно, это те самые предметы, которые предлагал послать Далай Ламе А. Доржиев. Оценивая обстановку в Тибете, Г. В. Чичерин ссылаясь, в основном, на данные экспедиции В. А. Хомутникова:

«Положение стало более серьезным и требует от нас большей активности ввиду наступательных действий английского империализма в Тибете. В настоящее время Англия занимает часть тибетской территории и имеет там главного уполномоченного Тейхмана. При этом Англия поддерживает программу некоторых тибетских вельмож о создании независимого Великого Тибета с присоединением к его территории части соседних китайских провинций.

Тогда же, в июле 1922 г., Англия предъявила Китаю ряд требований, [таких] как формальное признание автономии Тибета с отказом Китая от права иметь в Тибете свои войска и пересмотр границ Тибета.

По нашим сведениям небольшая кучка реакционных продажных вельмож поддается на заискивание английского империализма. Огромное большинство ламства и народные массы ненавидят Англию. Глава прогрессивной партии, главком Тибета, хочет ориентироваться на Россию. Сам Далай-лама стал обнаруживать к нам большое тяготение, как только наша первая экспедиция рассеяла ложные представления о Советской Республике. Между тем, Англия развивает лихорадочную деятельность, и за последние полтора-два года Тибет посетил целый ряд английских экспедиций, то под научно-разведочным флагом, то с открытыми официальными заданиями. (Очевидно, Г. В. Чичерин имел в виду две британские экспедиции на Эверест и миссию Ч. Белла — А. А.)

Задача нашей второй экспедиции — установление постоянных дружественных отношений с Тибетским Правительством. Другая сторона этой задачи, борьба против английской экспансии, должна осуществляться чрезвычайно осторожно, чтобы не вести к новым ультиматумам Керзона. Разоблачение английских интриг и воздействие на Далай-ламу в целях недопущения английских войск и т. д. в Тибет должны проводиться только устно и со всеми предосторожностями»[389]. (Здесь необходимо пояснить, что 8 мая 1923 г. лорд Д. Н.? Керзон направил Советскому правительству ноту, в которой обвинил его в ведении антибританской пропаганды на Востоке, прежде всего в Афганистане и Персии, в нарушении условий соглашения 1921 г.)

Оценка Г. В. Чичерина во многом не соответствовала действительному положению вещей. Англия отнюдь не стремилась к захвату или аннексированию Тибета, будь то частичному или полному, равно как и не поощряла территориального расширения владений Далай-ламы за счет соседних китайских провинций, то есть не являлась сторонницей создания Великого Тибета. Столь же мало привлекала ее и идея установления формального протектората над Лхасой. Подобная откровенно империалистическая экспансия была чревата для Лондона серьезными осложнениями с Пекином и, к тому же, наверняка вызвала бы резко негативную международную реакцию. Но с другой стороны, англичан также не устраивал и полностью независимый Тибет, т. к. их основные соперники в Азии, большевики, могли превратить его в плацдарм для революционного наступления на Индию. Гораздо более приемлемой для Уайтхолла в 1920-е гг. являлась формула Симлской конвенции: «символическое подчинение Тибета Китаю при сохранении широкой автономии, под бдительным присмотром Великобритании»[390]. Что касается англо-китайских переговоров 1922 г., которые так встревожили Г. В. Чичерина, то известно, что 13 сентября этого года британский посланник в Пекине сэр Б. Алстон имел беседу с китайским министром иностранных дел доктором Веллингтоном Ку, в ходе которой вновь поднял тибетский вопрос. Алстон призвал Китай возобновить переговоры по Тибету, однако, В. Ку, несмотря на заверения, данные год назад, что Китай вернется к обсуждению тибетской проблемы по окончании Вашингтонской конференции, вновь заявил о неготовности китайской стороны к таким переговорам. Никаких «требований» к Пекину британским дипломатом выдвинуто не было[391].

В том же письме Г. В. Чичерина к И. В. Сталину содержалась конкретная программа предстоящей тибетской экспедиции. Ее первым и наиболее важным пунктом был вопрос о создании официального советского представительства в Лхасе. Необходимость такого шага остро ощущалась советской дипломатией ввиду удаленности Тибета и невозможности пока что поддерживать прямую связь с его правителями, прежде всего с Далай-ламой. К такому шагу подталкивало также и тревожное сообщение В. А. Хомутникова о намерениях англичан послать в Лхасу своего представителя. Правда, Г. В. Чичерин делал при этом существенную оговорку — стремиться к созданию советского представительства в Тибете надо лишь в том случае, «если окажется, что английское представительство там уже создано». Поэтому он предлагал дать главе экспедиции С. С. Борисову «мандат на официальное представительство

от нашего имени условно для предъявления его лишь в том случае, если в Лхасе окажется официальный английский представитель. В противном случае, связь с Далай-Ламой должна осуществляться посредством какого-нибудь преданного нам монгола, бурята или калмыка, который может находиться в Лхасе в качестве благочестивого пилигрима». Для прикрытия С. С. Борисову и Б. Вампилову следовало также дать «мандаты религиозного характера от буддийского населения СССР и местные мандаты от Бурятской Автономной Республики и Калмыцкой Автономной Области». Такие мандаты, пояснял Г. В. Чичерин, дадут Далай-ламе возможность «отводить английские протесты» (пункт 2)[392].

Вторым по важности вопросом был вопрос о китайско-тибетском урегулировании (пункт 3). В формулировке Г. В. Чичерина он звучал так:

«В вопросе о взаимоотношениях Тибета с Китаем мы должны занять примирительную позицию и указывать на необходимость соглашения между Тибетом и Китаем. Тов. Борисов должен будет нащупать осторожно, можем ли мы предложить свое посредничество. Разоблачение английской интриги при этом должно происходить с величайшей осторожностью.

Если с Тибетской стороны будет предложено обеспечить неприкосновенность Тибета англо-русским или англо-русско-тибетским соглашением, надо стремиться привлечь к этому соглашению и Китай на почве федеративной программы (курсив — А. А.)»[393].

Неопределенный статус Тибета ввиду неурегулированности китайско-тибетских отношений, несомненно, создавал немалые сложности для Москвы, которая весной 1922 г. вела переговоры одновременно и с Пекином, и с Лхасой. Но столь же трудным для советских руководителей был и вопрос о статусе Внешней Монголии, ставший камнем преткновения на китайско-советских переговорах в 1922–1924 гг. Монголы, как и тибетцы, заявляли о своей полной независимости от Китая, в то время как центральное пекинское правительство, несмотря на то, что реально его власть распространялась на очень незначительную территорию по причине гражданской войны в стране, упорно продолжало рассматривать Внешнюю Монголию, равно как и Тибет, неотъемлемыми частями Китайской республики. Той же точки зрения, по сути, придерживалось и революционное правительство Южного Китая во главе с Сунь Ятсеном. В Наркоминделе существовало два различных подхода к монгольскому вопросу. Так, Г. В. Чичерин настаивал на монгольской автономии, исходя из принципа самоопределения наций, а А. А. Иоффе предлагал уступить Внешнюю Монголию Китаю в интересах китайской, а следовательно и мировой, революции. В итоге взяла верх конъюнктурно-революционная «линия» А. А. Иоффе и в текст китайско-советского договора, подписанного 31 мая 1924 г., вошла статья, в которой советское правительство признало Внешнюю Монголию составной частью Китайской республики и заявило о своем уважении суверенитета Китая. К весне 1925 г. по требованию Пекина из Монголии были выведены все советские войска.

Что касается вопроса о Тибете, то здесь, насколько можно судить, преобладала принципиальная точка зрения Г. В. Чичерина. В своей переписке с Сунь Ятсеном этих лет нарком настойчиво пытался убедить вождя китайской революции поставить во главу угла национальной политики созданной им партии гоминьдан советский принцип самоопределения наций. Так, в письме Г. В. Чичерина от 4 декабря 1923 г. говорилось: «Вся китайская нация должна ясно видеть разницу между Гоминьданом, народной массовой партией, с одной стороны, и милитаристской диктатурой в различных частях Китая, с другой. Братские народы, как, например, монгольский, тибетский и различные народности Западного Китая должны ясно увидеть, что Гоминьдан поддерживает их право на самоопределение»[394].

Не без влияния Г. В. Чичерина Сунь Ятсен включил в манифест своей партии, принятый на ее организационном съезде в январе 1924 г., пункт о признании права на самоопределение всех народов, проживающих в пределах страны, и что после победы национальной революции будет создан свободный и объединенный Китай на основе добровольного союза этих народов[395].

Чичеринская формула «независимого Тибета», таким образом, основывалась на двух фундаментальных принципах ленинской национальной политики — самоопределения наций и федерализма, что вело к созданию «тибетской автономии» в границах федеративной Китайской республики, по примеру советской федерации. Полная независимость Тибета, на которой настаивала Лхаса, не могла приветствоваться Москвой, полагавшей, что это служило бы интересам Англии. Референт НКВД Л. Е. Берлин писал в журнале «Новый Восток» в 1922 г., что требование «полной независимости Тибета от Китая», выдвинутое тибетским представителем на Симлской конференции, соответствовало английским желаниям: «Англичане были, без сомнения, заинтересованы в изоляции Тибета от Китая с тем, чтобы впоследствии прибрать его к своим рукам»[396].

Третий пункт тибетской программы Г. В. Чичерина весьма любопытен также и тем, что указывал на определенный сдвиг в подходе советской дипломатии к тибетскому вопросу, выразившийся в ее готовности пойти на компромисс с англичанами, что весьма напоминало ситуацию, предшествовавшую подписанию англо-русского соглашения 1907 г. Во второй половине 1923 г. общественное мнение в Великобритании все более склонялось в пользу восстановления нормальных отношений с Советской Россией. Эти новые веяния, чутко улавливаемые Москвой, очевидно, и побудили Г. В. Чичерина, в преддверии грядущего признания de-jure Великобританией СССР, задуматься об устранении тибетского очага напряженности в Азии. Но каким представлял себе нарком возможное четырехстороннее англо-русско-китайско-тибетское соглашение, трудно сказать. Однако после того, как лейбористское правительство Р. Макдональда официально признало СССР, в Лондоне в апреле 1924 г. состоялась англо-советская конференция по урегулированию спорных вопросов, разделявших обе страны. На ней британская делегация, в частности, высказала пожелание обновить ряд утративших силу двухсторонних договоров, некогда заключенных Англией с царским правительством России, в том числе и конвенцию 1907 г. Договоренности в отношении Персии и Афга-

нистана англичане, безусловно, считали утратившими силу и были согласны аннулировать. Что же касается Тибета, то здесь им представлялось желательным заключить новое соглашение с русскими.

В Москве советское руководство также склонялось к необходимости мирного соглашения с Англией относительно тех регионов, где соперничество СССР с главной империалистической державой приняло наиболее острые формы. Глава британской миссии в Москве Р. М. Ходжсон после встречи с Чичериным 24 февраля 1924 г. сообщил: — «Я заключил из одного или двух замечаний, сделанных г. Чичериным, что он собирается внести предложение с целью определения зон, в которых возможно столкновение русских и британских интересов... Он упомянул более конкретно в этой связи Китай, но несомненно имел в виду также Центральную Азию и Персию»[397]. К таким конфликтным зонам глава НКВД, очевидно, причислял и Тибет, как об этом свидетельствуют инструкции, данные С. С. Борису на кануне его поездки в Лхасу.

Другие пункты тибетской программы Г. В. Чичерина касались, в основном, советской помощи Лхасе, и здесь обнаруживается поразительное сходство предложений наркома с английскими инициативами. Так, Г. В. Чичерин считал желательным, во-первых, посылку в Тибет военных инструкторов — бурят и калмыков «при условии, что Тибетское правительство возьмет на себя расходы по их проезду и содержанию»; во-вторых, продажу за наличные тибетскому правительству оружия и военного снаряжения (пулеметов, легких горных и зенитных орудий, взрывчатых веществ и т. д.). При этом он полагал, что Далай-лама будет охотнее покупать оружие «у нас», чем у Англии. В-третьих, привлечение в советские учебные заведения тибетской молодежи. И, наконец, в-четвертых, содействие проникновению в Тибет промышленного и торгового капитала стран, не представляющих опасности для независимости Тибета (очевидно, СССР и МНР)[398].

Практически одновременно с дипломатической миссией С. С. Борисова, в Тибет предполагалось отправить и научную экспедицию под руководством П. К. Козлова, которую организовало Русское географическое общество. Свои планы путешественник согласовал в НКВД с Л. М. Караханом в конце 1922 г., а затем они были утверждены советским правительством. 27 февраля 1923 г. Совнарком постановил: «1. Признать своевременной и целесообразной экспедицию РГО в Монголию и Тибет... 2. Принять расходы экспедиции на средства правительства»[399]. На том же заседании СНК дал поручение НКВД — «рассмотреть совместно с Козловым вопрос о подарках Далай-ламе и его свите»[400]. В результате П. К. Козлову отпустили из государственной казны 100 тысяч рублей золотом и еще 4 тысячи на подарки Далай-ламе. (На эти деньги, в основном, закупили добротную парчу известной московской фирмы Сапожникова, особо ценившуюся в Тибете.) Начало экспедиции П. К. Козлов планировал на лето 1923 г. Насколько нам известно, НКВД (Г. В. Чичерин) не давал ему никаких политических заданий, но поддержав планы П. К. Козлова, несомненно хотел использовать его имя в целях установления дружественных отношений с Тибетом — поскольку русский путешественник был хорошо известен Далай-ламе, с которым встречался еще летом 1905 г. в Урге, а затем в 1908 г. в монастыре Кумбум во время возвращения Далай-ламы в Лхасу. Дружеские отношения в 1908 г. у П. К. Козлова завязались и с Царонгом. В архиве Русского географического общества сохранилось письмо, посланное Намганом-Царонгом П. К. Козлову в конце 1909 г., уже после того, как в Тибет вторглась армия Чао Эрфеня. Намган, занимавшийся в то время обучением тибетских новобранцев, просил русского офицера послать ему учебники по военному делу и уставы[401].

П. К. Козлову, однако, не удалось отправиться в Лхасу, где его уже ждали Далай-лама и Царонг. Путешествие его неожиданно расстроилось вследствие доноса А. С. Мартынова (сотрудника института Маркса-Энгельса при ВЦИК), направившего в конце июня 1923 г. письмо Ф. Э. Дзержинскому, где П. К. Козлов и несколько его спутников обвинялись в антисоветских настроениях. Прекрасно снаряженная экспедиция была остановлена в Урге (совр. Улан-Батор) по распоряжению Политбюро, и П. К. Козлову стоило немалых усилий, чтобы предотвратить ее расформирование и получить разрешение Центра на проведение исследовательских работ на территории Монголии, находившейся в то время под полным советским контролем[402].

Возвращаясь к миссии С. С. Борисова, необходимо отметить, что с окончанием дипломатической блокады Советской России в 1921 г. борьба большевиков с английским империализмом на Востоке вступает в новую фазу и все более переносится из идеологической сферы в экономическую. В декабре 1922 г. в Москве была создана Российско-Восточная торговая палата (РВТП) для содействия экономическим связям Советской России с восточными странами — Персией, Турцией, Афганистаном, Монголией и Японией — «на почве торгово-промышленных интересов». В результате, в 1923–1924 гг. значительно оживилась внешняя торговля СССР и руководство палаты начало поговаривать о необходимости ее расширения на ряд других стран — Грецию, Египет, Палестину. Выступая 15 февраля 1924 г. на годовом заседании Палаты, Г. В. Чичерин так охарактеризовал ее задачи: «Вначале наши дружественные отношения со странами Востока имели исключительно политическое содержание, когда и Советская Россия, и восточные государства боролись за политическую независимость против общего врага — мирового империализма. Теперь стоит более длительная задача — развитие своих производительных сил и отвоевание или защита своей экономической независимости»[403]. Определенный интерес у Г. В. Чичерина вызывало и развитие торговли с Тибетом и другими буддийскими странами Азии как с точки зрения товарообмена, так и возможности получения доступа к их сырьевым рынкам. Так, в одном из своих писем в Политбюро еще в 1922 г. Г. В. Чичерин писал, что получение из этих стран сырья, в частности, продуктов скотоводства, имеет очень большое значение для всего советского торгового баланса. «Нашу роль торговых посредников между буддийскими народами Азии и Европы мы не выполним как следует без дружественных связей с Лхасой»[404].

В том же году журнал «Новый Восток», между прочим, поместил рецензию на недавно опубликованную П. К. Козловым книгу «Тибет и Далай-лама», автор которой намечал пути дальнейшего сближения СССР и Тибета. «Необходимо, чтобы чувство дружбы тибетского народа к России не ослабевало, а наоборот, крепили русско-тибетские экономические и политические связи. Лучшим способом для достижения плодотворных результатов в этом отношении может служить русская научная экспедиция в Тибет. Она подготовит почву и для командирования затем *торговой миссии* (курсив — А. А.). Так, путем научного исследования и коммерческих связей окрепнут и политические взаимоотношения»[405]. Любопытно, что Далай-лама в этой рецензии характеризовался весьма положительно как «редкий человек, обладающий большим умом, философским образованием и искренней преданностью дружественной и соседней Тибету России».

9 августа 1923 Политбюро утвердило проект второй тибетской экспедиции, при этом ее финансирование возлагалось на Совет Труда и Оборона (СТО). Здесь надо заметить, что первоначально выделенные НКВД средства были по большей части истрачены на поездку С. Бакбушева и на подарки П. К. Козлова Далай-ламе. Согласно новой смете, стоимость экспедиции оценивалась в 71 тысячу рублей серебром. Эта сумма включала, в основном, расходы на снаряжение каравана, его передвижение из Урги в Лхасу и обратно из расчета 10–12 месяцев на дорогу, а также на 6-месячное пребывание советской делегации в тибетской столице. В смете, между прочим, имелась особая графа: «Подарки Далай Ламе и его министрам и приближенным, князьям и гегенам, с которыми придется иметь дело в Лхасе и по пути туда, а также мелкие подарки живущим в Тибете ламам, бурятам и калмыкам в качестве платы за информацию и агентурную работу». На эти цели НКВД запросил 4 тысячи золотых рублей[406].

Неделю спустя в Москве неожиданно появился С. Бакбушев с вестями из Лхасы, что побудило Г. В. Чичерина внести некоторые коррективы в свой проект, а именно — отказаться от планов создания советского дипломатического представительства в Лхасе. В своем письме И. В. Сталину от 18 августа 1923 г. он писал: «Предварительно ездивший в Лхасу лама Бакбушев привез письмо Далай-Ламы от 5 мая с. г. (год Воды-свиньи, 2 день 4 луны) с чрезвычайно дружественными заверениями, с выражением удовольствия по поводу предоставления автономии бурятам и калмыкам и установления в „рабочем государстве“ действительной свободы распространения учения Будды и с выражением глубокой радости по поводу внутренних и внешних успехов нашей политики; в этом письме Далай-Лама пишет мне, что в настоящее время в Лхасе совершенно нет представительств Англии и иных государств, и что если в Лхасе будет представительство или экспедиция России, то Англия и другие государства поспешат сделать то же самое и им трудно будет отказать. Поэтому Далай-Лама просит найти тот или иной мудрый способ установления связи и развития прежней дружбы между обеими странами.

Это вполне покрывает дальнейшие пункты инструкции, принятой Политбюро. Тов. Борисов и его спутники ввиду этого совершат эту экспедицию в качестве „паломников“»[407].

Кроме упоминавшихся уже С. С. Борисова, Б. Вампилона, Д. Молонова и Ф. В. Баханова, в состав экспедиции были включены служивший в читинском Бурревкоме Булат Мухарайн (первоначально зачисленный в отряд П. К. Козлова), бурятские ламы Жигме-Доржи (Бардуев), Зодбо и Ендон — в качестве переводчиков и посыльных, а также небольшая группа калмыков-буддистов. Всего в поездке участвовало, по сведениям Ф. В. Баханова, около 15 человек.

Из Урги экспедиция С. С. Борисова выступила в конце января 1924 г. — такую дату называет сам Ф. В. Баханов. Почти сразу же она попала в поле зрения английской разведки — 31 мая 1924 г. иностранный и политический департамент индийского правительства в Симле сообщил британскому генеральному консулу в Кашгаре: «По полученным сведениям, советская миссия, возглавляемая неким Зырянином, находилась в пути из Урги в Лхасу в начале марта. <...> Это, возможно, тот отряд, о котором вы упоминаете. Вы должны воздерживаться от всяких действий, которые могли бы быть истолкованы как враждебные или недружественные, ввиду признания Советского правительства правительством Его Королевского Величества»[408].

4 февраля отряд С. С. Борисова — вероятно, в составе большого монгольско-тибетского каравана, как и в случае с В. А. Хомутниковым, — двинулся через Гобийскую пустыню на запад в направлении Аньси, к Синьцзянской караванной линии (Лань-чжоу — Кульджа). Во время стоянки в Верхней Монголии (Цайдаме), по рассказу Ф. В. Баханова, С. С. Борисов подарил одному из местных князей в благодарность за оказанные услуги швейную машину «Зингер», из чего можно заключить, что экспедиция везла с собой образцы «русских товаров», очевидно, для демонстрации лхасским купцам, в основном выходцам из Непала и Индии (Кашмира). Переход через высокогорное тибетское плато — безжизненный Чантанг, не обошелся без жертв — в дороге заболел и умер лама Зодбо. «Похоронили» его в Нагчу, по-тибетскому обычаю, оставив тело на съедение грифам. Ф. В. Баханов, однако, ничего не рассказывает о другом, гораздо более важном событии — о том, как он и его спутники встретились по дороге в Цайдам, в одном из амдосских монастырей, с бежавшим из Тибета в конце декабря 1923 г. Панчен-ламой. Главной причиной его бегства стало недовольство новой фискальной политикой Далай-ламы, ущемлявшей интересы крупных тибетских землевладельцев, к каковым относился и Панчен. Ф. И. Щербатской, находившийся в это время в Урге, рассказывал об этом так: «В Лхасе, между прочим, создалось такое положение: Далай-Лама и его присные увлеклись милитаризмом, о чем сокрушается Агван (А. Доржиев — А. А.). Милитаризм требует расходов, каких там до сих пор не знали. Пришлось обложить монастыри и коснуться ламских привилегий, пошли протесты и недовольствия. Во главе недовольных оказался Банчен (Панчен-лама — А. А.). Он послал в Лхасу посольство, руководимое отважным ламою. Посольство было принято очень сухо, а руководитель его обезглавлен. Тогда Банчен испугался и бежал. Пробрался незамеченным мимо Лхасы, направляясь в Монголию, но около Лаврана его перехватили китайцы и не выпускают, хотя держат со страшным почетом. Хотят поселить его в Утайшане и вокруг группиру-

ют партию анти-далайламскую»[409].

Ф. И. Щербатской, очевидно, пересказывает версию бегства Панчен-ламы, которую он слышал из уст Агвана Доржиева, в это время также находившегося в Урге. От Ф. И. Щербатского мы, между прочим, узнаем и то, о чем предпочел умолчать Ф. В. Баханов, — что «Борисов по дороге в Лхасу виделся с Банченом и вел с ним переговоры».

Здесь надо сказать, что Урга в феврале-марте 1924 г. была взбудоражена самыми фантастическими слухами — о революции в Тибете, о бегстве из Лхасы от англичан Далай-ламы, который якобы направился в столицу Красной Монголии, о планах Англии посадить на его престол в Лхасе Панчен-ламу и т. п. Поэтому С. С. Борисов, после своей мимолетной встречи с Панченом, надо думать, постарался переправить в советское посольство в Урге полученные им «из первых рук» сведения о случившемся. Сделать это было нетрудно, поскольку между Лавраном, крупнейшим религиозным центром в Амдо, и Ургой постоянно ходили ламские караваны. Другим источником информации для Москвы стал Агван Доржиев. По сообщению Ш. Тепкина, едва А. Доржиеву стало известно о местонахождении бежавшего Панчен-ламы и его планах поездки в Пекин через Монголию по приглашению генерала У. Пейфу — главы чилийской группировки милитаристов в Северном Китае, под чьим контролем находилось тогда центральное пекинское правительство, — он спешно выехал из Урги ему навстречу, однако, разминувшись с ним в пути. Проехав до самого Пекина и так и не встретив Панчена, А. Доржиев все же счел необходимым оставить для него письмо, в котором «в основном писал о том, чтобы он, Панчен Богдо, помирился с Далай-Ламой» и затем вернулся в Ургу[410]. Трудно представить себе, чтобы А. Доржиев мог совершить столь важную в политическом отношении поездку без ведома советских властей, исключительно по собственной инициативе.

В Нагчу, на главной заставе у границы лхасских владений, С. С. Борисов столкнулся с теми же трудностями, что и В. А. Хомутников. Тибетские пограничники настаивали на досмотре багажа экспедиции, и ему пришлось разыграть уже знакомый нам трюк — С. С. Борисов объявил багаж собственностью Далай-ламы, подтвердив это письмом А. Доржиева, после чего в Лхасу на имя тибетского правителя было послано ходатайство о пропуске экспедиции. Вскоре пришел положительный ответ и экспедиция благополучно добралась до Лхасы, избежав таможенных неприятностей. Находясь в Нагчу, С. С. Борисов узнал важную новость о том, что в Лхасе находится англичанин, знающий русский язык, который в сопровождении 2-х врачей и 40 индийских солдат (!) расположился лагерем в 10–20 км от Норбулингки. Им оказался заменивший Ч. Белла на посту «сиккимского резидента» Ф. М. Бейли (занимал эту должность с 1921 по 1928 гг.), хорошо известный ГПУ и советской военной разведке по своим «похождениям» в Ташкенте в 1918 г.[411] Ф. М. Бейли прибыл в Лхасу с дипломатической миссией по приглашению тибетского правительства 17 июля 1924 г. и находился там до 16 августа. Трудно сказать насколько случайным был почти одновременный приезд в столицу Тибета английского и советского представителей. Во всяком случае, зная о выступлении из Урги советской миссии, Ф. М. Бейли вполне мог «приурочить» свой приезд в Лхасу ко времени предполагаемого прибытия туда С. С. Борисова.

Поводом для визита Ф. М. Бейли в Лхасу послужила прежде всего та тревожная ситуация, которая сложилась в Тибете после бегства Панчен-ламы. Англичане серьезно опасались, что он может отправиться в «красную» Ургу в поисках защиты от лхасских притеснителей у Хутухты (Богдо-гегена), для чего действительно имелись некоторые основания, или даже у большевиков. С другой стороны, Ф. М. Бейли хотел установить более тесные контакты с тибетскими властями и узнать, как проходят начатые с английской помощью реформы. То, что он увидел, не слишком впечатляло, хотя с отъезда Ч. Белла из Лхасы прошло лишь два с половиной года и едва ли можно было ожидать больших успехов за такой короткий срок. Впрочем, по тибетским меркам, нововведения выглядели достаточно впечатляюще. Летом 1922 г. англичане протянули телеграфный провод из Гьяндзе в Лхасу, соединив таким образом тибетскую столицу с Индией, а через нее с остальным миром. После этого, руководивший работами специалист Бенгальского телеграфного управления В. Кинг проложил телефонный кабель между Норбулингкой и Поталой (летний и зимний дворцы Далай-ламы) и зданием правительства (Кашагом). В том же 1922 г. (с апреля по сентябрь), английский геолог сэр Генри Хейден, занимался разведкой полезных ископаемых в Тибете, результаты которой, однако, оказались довольно скромными. Несколько ранее (в декабре 1921 г.) в Гьянтзе возобновилось обучение рядового состава тибетской армии, в то время как в Кветте и Шилонге в Индии началась подготовка небольшой группы молодых тибетских офицеров. В 1923–1924 гг. англичане поставили Тибету 4 горных орудия и более 1000 снарядов для них. Наконец, в 1924 г. в Гьянтзе открылась английская школа, которую возглавил Френк Ладлоу, а в Лхасе под руководством сиккимца из Дарджилинга, Ладен Ла, была организована полицейская служба.

Ф. М. Бейли провел в Лхасе всего две недели, когда один из его местных информаторов, калмык-эмигрант Замбо Халдинов (Хаглышев, по русским документам), сообщил ему о прибытии в священный город секретной русской миссии. Это произошло 1 августа 1924 г.[412] Тибетцы, насколько известно, встретили советскую делегацию довольно приветливо и даже «с некоторыми почестями», как утверждал Д. Макдональд в книге воспоминаний «20 лет в Тибете», — при ее встрече был выставлен почетный караул[413]. Поселили гостей в особняке какого-то крупного чиновника, где им отвели помещения в 3-м этаже. «Вечером на главной площади Лхасы хозяева организовали по случаю нашего приезда молебствие в центральном храме-дацане. Служба продолжалась около 3-х часов», — рассказывал Ф. В. Баханов. На следующий день состоялась аудиенция в летнем дворце Далай-ламы. Началась она, по обычаю, с поднесения подарков правителю Тибета, которые включали в себя, как сообщал Ф. В. Баханов, фарфоровые вазы, золотые кубки, серебряные блюда и многое другое — похоже, что Далай-ламе привезли на этот раз из Москвы целый столовый сервиз. Вместе с подарками С. С. Борисов, фигурировавший

под конспиративным именем Церендоржи, вручил ему также два официальных письма — от ЦИК (за подписью М. И. Калинина) и от правительства СССР. Подарки и письма были приняты «благосклонно». Затем последовала традиционная чайная церемония, к которой гости отнеслись настороженно, так как «боялись, что отравят чаем». О содержании беседы с Далай-ламой Ф. В. Баханов (он же Дамба) ничего не рассказывает. По всей видимости, основные переговоры С. С. Борисова с владыкой Тибета происходили конфиденциально, «с глаза на глаз», лишь в присутствии переводчика, поскольку тибетским С. С. Борисов не владел, во время одной из последующих аудиенций.

Кроме визита к Далай-ламе Ф. В. Баханов также упоминал посещение членами экспедиции монетного двора и арсенала под Лхасой, в сопровождении Царонга (Царонга-Галдана, как он его называет), занимавшего два поста одновременно — военного министра и министра финансов. Царонг продемонстрировал «красным русским» процесс изготовления тибетской пятизарядной винтовки по образцу русской трехлинейки. Свой рассказ о пребывании в Тибете Ф. В. Баханов завершил следующим рассказом: «После встречи с Далай-Ламой Борисов остался в Лхасе, а я, с разрешения главы тибетского правительства, занимался изучением страны, ее природы и хозяйства. Много ездил, фотографировал. Снимал киноаппаратом два с половиной месяца». По сообщению бурятского исследователя Г. Н. Зятуева, Ф. В. Баханов сделал более 700 позитивов и негативов, которые ныне находятся в архиве МИД России [414].

Другим источником сведений об экспедиции С. С. Борисова служит официальный отчет Ф. М. Бейли, представленный в форме «очень конфиденциального» письма на имя заместителя главы иностранного департамента правительства Индии С. Латимера, а также его «Лхасский дневник»[415]. В своем отчете Ф. М. Бейли, со ссылкой на З. Халдинова, сообщал, например, что русская миссия состоит из 12 человек — шестерых бурят и шестерых калмыков. Особенно подозрительными из них З. Халдинову показались двое — Баярту, т. е. Вампилон, потому что у него была борода, и Церинг Доржи, т. е. С. С. Борисов, потому что он плохо говорил по-монгольски. Тибетское правительство, тем не менее, пришло к заключению, что посланцы Советской России вполне «безвредны», и сам Далай-лама согласился предоставить им аудиенцию[416]. Ф. М. Бейли все же счел своим долгом указать Далай-ламе и его министрам («калонам») на опасность «большевистской интриги» в Тибете, что, в конечном счете, как кажется, имело негативные последствия для миссии С. С. Борисова. Так, 21 августа Далай-лама отправил Ф. М. Бейли, который к тому времени уже покинул Лхасу, оригиналы двух писем, привезенных «красными русскими», одно — от бурят-монгольского правительства за подписью М. Н. Ербанова, а другое — от представительства Калмобласти при Наркомнаде в Москве, вместе с их переводами на тибетский язык (что, конечно же, было далеко не дружественным шагом с его стороны по отношению к советским гостям). Они, по всей видимости, и являлись теми «мандатами на представительство» от БМ АССР и КАО, о которых писал И. В. Сталину Г. В. Чичерин. В обоих письмах С. С. Борисов и Б. Вампилон (Церинг Доржи и Баярту) назывались «паломниками», которым поручалось ознакомить Далай-ламу с состоянием дел его единоверцев в России. Их авторы откровенно восхваляли новую власть, при которой буряты и калмыки «ведут мирную и счастливую жизнь» в своих землях, получив право на самоуправление и свободное исповедание буддийской религии, чего они были лишены при «плохом» царском правительстве[417].

Однако, Далай-лама имел основания сильно сомневаться в правдивости подобных утверждений. Незадолго до приезда С. С. Борисова из Забайкалья в Лхасу вернулся весьма почитаемый тибетский перерожденец («тулку») Тагрин-Геген, рассказавший о том, как его арестовала Агинская аймачная милиция, а имущество конфисковала, в том числе собранные среди бурят пожертвования на Дрепунгский Гоман-дацан (дацан, где с давних пор обучались буддийским наукам все буряты и калмыки, в том числе и А. Доржиев). Такие истории, разумеется, не могли способствовать поднятию советского престижа в Тибете. Более того, они противоречили рассказам С. С. Борисова и Б. Вампилона и той позитивной информации об СССР, которую НКВД периодически направлял в Лхасу через А. Доржиева и его сторонников — бурятских и калмыцких лам-«обновленцев»[418]. Интересно, что А. Доржиев в мае 1923 г., зная о предстоящей экспедиции С. С. Борисова, подал докладную записку в НКВД, в которой указывал на важность религиозного фактора в деле завязывания дружественных отношений с Тибетом. «Советской России, — писал он в ней, — придется считаться с господствующим положением буддийской церкви в стране и так или иначе установить с ней первоначальный контакт, ибо других путей для официального сношения с Тибетом нет. Таким образом, успех советской политики в восточных странах и, в частности, в Тибете будет зависеть от того, насколько Советская Россия сумеет подойти к обычаям, нравам и религии культурно отсталых народов этих стран»[419]. В этой связи тибетский представитель не мог не коснуться инцидента с Тагрин-Гегеном, поскольку по возвращении в Тибет он «даст там невыгодную информацию о положении буддийского духовенства в Советской России». Поэтому А. Доржиев предлагал «взыскать с виновных хоть часть вещей Тагрин-Гегена и отослать ему в Лхасу»[420].

Советская экспедиция пробыла в Лхасе около трех месяцев и вернулась в Москву в мае 1925 г. Переговоры Борисова с Далай-ламой не увенчались успехом, хотя их подробности во многом остаются неизвестными нам. Два года спустя (в мае 1927 г.), выступая с лекцией на заседании кафедры зарубежного Востока в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (КУТВ), С. С. Борисов неожиданно приоткрыл завесу тайны над своей поездкой в Тибет. В этой лекции, озаглавленной «Современный Тибет»[421], наибольший интерес для нас представляет та ее часть, где речь идет о политической ситуации в Тибете в 1924 г. и перспективах ее развития в будущем. Эту ситуацию С. С. Борисов характеризовал как крайне сложную и нестабильную ввиду нарастающего трения между англофильской военной «кликкой» — молодыми тибетскими офицерами, прошедшими подготовку в Индии, во главе с

военником Царонгом, и консервативным ламством. Разрыв с Китаем обусловил экономическую переориентацию Тибета на Индию, в результате чего в стране стала формироваться национальная буржуазия в лице военных-англофилов, основательно потеснившая лам как в торговой области, так и в деле управления государством. Сам Далай-лама, по мнению С. С. Борисова, держался «политики сидения между двумя стульями», осторожно лавируя между двумя основными политическими группировками — клерикальной и военной. В этих условиях роль ламства как силы, «организующей массы» и противостоящей военной клике Царонга, оценивалась С. С. Борисовым положительно. Особенно он выделял мелкое, рядовое ламство, тесно связанное с «нашей бурято-монгольской колонией» в Дрепунге, среди которого имелось немало русофилов — «сторонников обращения к революционной России» поскольку последняя по-прежнему считалась антиподом Англии. Что касается официальных кругов — «ответственных тибетских правителей», то их отношение к новой России было двойственным и колеблющимся. Так, Далай-лама признавал, что «значение России как фактора международной политики [теперь] почти такое же, как прежде», но в то же время он давал понять, что сомневается в «устойчивости такого положения» и потому, по словам С. С. Борисова, «прежде чем обращаться к советскому правительству официально, он хотел бы еще подождать некоторое время, чтобы посмотреть, не будет ли какого-нибудь сюрприза в этой области»[422].

О главе англофилов Царонге С. С. Борисов отзывался следующим образом: «Он демонстрирует свое искреннее расположение к нам. Он раньше бывал в Монголии, встречался с русскими. Он говорит, что с англичанами приходится вести вынужденную политику. Он рисует это наглядно, берет схемы, карты, показывает пограничные линии, точки и говорит: „Как ни бейся, англичане через несколько дней будут здесь. Попробуй обратиться к вам официально за помощью, а то еще аэропланы сделают такую штуку, как с афганцами“». (Имеется в виду использование англичанами авиации в войне с Афганистаном в 1919 г. — А. А.) В целом же Царонг показался ему человеком «новой формации» — здравомыслящим и прагматичным, таким, с которым легко можно найти общий язык. «Он ходит в европейском костюме, учит своего сына английскому языку, имеет в большом количестве французские ликеры, одним словом, европеизировался окончательно»[423]. Интерес С. С. Борисова к Царонгу легко понять, ведь тибетский главком — фаворит и правая рука Далай-ламы, играл ключевую роль на лхасской политической сцене в то время. Именно Царонг руководил проводимыми в стране реформами, что позволяло Далай-ламе оставаться в тени, не афишируя свои проанглийские симпатии. «Вообще разговоры с ним у меня велись чрезвычайно интересные частным образом», — рассказывал С. С. Борисов своим слушателям, отмечая при этом, что его общение с Царонгом и другими тибетцами было затруднено в первое время присутствием в Лхасе английского агента: «В конце концов мы дошли до разговора, что такое большевизм. Он (Царонг) говорит: „Знаете, у Вас правительство какое. Оно ориентируется на неимущих, а у нас у власти стоят люди имущие, например, я... Что будет, если Ваше учение проникнет сюда, каковы будут результаты?»[424]

<...> Что такое большевики? Это люди, которые оскверняют землю. Вы такие люди, которых у нас называют [словом] тын“. Он показал это на примере так. Взял чашку и говорит: „Я держу чашку за ручку, всякий нормальный человек возьмет чашку за ручку и будет пить, а большевик возьмет чашку, отломает ручку, возьмет ее так и начнет пить, т. е. это люди, у которых нет нормального отношения, нормального подхода к вещам, которые подходят ко всему со своей меркой, шиворот-навыворот“. Свои слова он иллюстрировал тем, что вот де большевики опубликовывают договора. На это он особенно напирал: „Народ неблагонадежный. Вы попробуйте повести с ними разговоры, а потом извольте расплачиваться“»[425].

О гражданской войне и революции в России тибетцы имели столь же своеобразные представления — борьба между «красными» и «белыми», например, многими воспринималась как своего рода религиозный конфликт, подобный тому, что некогда имел место в самом Тибете между «красношапочной» и «желтошапочной» буддийскими школами. В то же время они имели информацию о более поздних событиях — о признании советского правительства другими странами, о национальной политике большевиков, о НЭПе. В результате, как утверждал С. С. Борисов, у тибетцев стал формироваться положительный образ Советской России. Правда, большие споры среди них вызывала советская политика в Монголии — одни говорили, что «красные» помогли монголам освободиться от китайского владычества, другие, что «красные» преследуют тамошнее ламство.

История с бегством Панчен-ламы в интерпретации С. С. Борисова выглядела так — англо-индийское правительство прежде ориентировалось на Панчена, чьи владения лежат на границе с Индией. Однако поскольку в своей индийской политике английские власти стали проводить в последнее время линию на поддержку национальной буржуазии, то и в Тибете они сделали ставку на созданную ими там военную группу. Поэтому англичане «выдали» своего прежнего друга Панчен-ламу тибетцам и «Далай-Лама провел его ликвидацию»[426]. О своей тайной встрече с Панченом на пути в Лхасу С. С. Борисов не обмолвился ни словом.

В то же время С. С. Борисов довольно откровенно высказался о целях советской политики в Тибете: «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется прежде всего тем моментом, что Тибет находится по соседству с Индией, что по существу он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае. Иметь в этом звене известную базу для идеологического проникновения в Индию, конечно, в нашей практике взаимоотношений с Англией является большим плюсом»[427].

Не менее интересны, хотя и сумбурны, рассуждения советского дипломата «о ближайших перспективах в Тибете». Характеризуя обстановку в стране,

он особо отмечал «нарождение новых настроений» в связи с разложением ламства, а также крайне тяжелое положение народных масс, толкающее их на путь политической борьбы: «Нужно, чтобы появился только какой-нибудь развязывающий момент, который уже имеется в виде конфликта между ламством и военной группировкой. Несомненно, что свое влияние на массы он уже оказывает. Дело только за тем, чтобы эти настроения пошли по определенному руслу, получили определенное влияние, определенное выражение и программу, пошли по революционному руслу»[428].

Основную надежду на перемены в Тибете С. С. Борисов связывал прежде всего с китайской революцией: «Задачей нашей и наиболее сознательных элементов среди тибетцев, которые рекрутируются из среды ламства, задачей ближайшего времени, является установление определенного организационно-политического контакта с китайским революционным движением; это единственный, естественный, рациональный, подсказываемый всей обстановкой выход»[429].

По словам С. С. Борисова, со стороны Гоминьдана уже делались попытки установить подобного рода контакт с Тибетом, правда, успеха они пока что не имели. Объяснял он это неудовлетворительной национальной политикой китайской народной партии — отсутствием у нее «определенной практической программы <...> платформы для совместной работы всех окраин»[430].

Несмотря на то, что визит С. С. Борисова в Лхасу не привел к заключению каких-либо договоров с тибетским правительством, в том же 1924 г. появились первые робкие плоды советско-тибетского сближения. В феврале в Ургу из Лхасы прибыл некто Жамба Тогмат, которого А. Доржиев называет «дипкурьером от Далай Ламы». Он доставил письмо А. Доржиеву, в котором глава Тибета писал о желательности «командирования» молодых тибетцев в Россию для ознакомления с техникой порохового и ружейного дела[431]. В результате А. Доржиев, при содействии председателя СНК Бурреспублики М. Н. Ербанова, отправил в Москву в конце 1924 г. нескольких тибетских юношей, прибывших вместе с тибетским курьером. Впоследствии, в 1925–1928 гг. в Россию прибыло еще около десяти тибетцев, которые, по рекомендации НКВД, зачислялись либо в Комуниверситет в Москве, либо в Институт живых восточных языков в Ленинграде. Известно, что в последнем для тибетцев был организован «спец. класс» по изучению «порохового дела», просуществовавший, по крайней мере, до конца 1928 г.[432]

Далее, в декабре 1925 г. через Ургу в Тибет проследовал караван с русским оружием — об этом сообщал в путевом дневнике своей Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлов[433]. Правда, из сообщения П. К. Козлова не ясно, о каком оружии идет речь, — о том, которое РВС СССР согласился поставить Тибету на определенных условиях летом 1923 г., или же о том, которое закупил в Забайкалье в конце 1923 г. тибетский лама Галсан, якобы по поручению Далай-ламы (в основном, трофейное оружие, оставшееся от Унгерна)[434], и которое затем было задержано на советско-монгольской границе. При отсутствии конкретных документов мы склонны считать, что сообщение Козлова скорее всего относится к последнему — т. е. монгольские власти вернули Галсану купленный товар и позволили выехать в Лхасу, дабы не омрачать отношений с Далай Ламой.

5. «Монгольское посольство» А. Ч. Чапчаева, 1926–1928

В середине августа 1925 г. «Известия» опубликовали статью Г. В. Чичерина под заголовком «Новый успех Востока». В ней, со ссылкой на сообщения из Лондона, рассказывалось о «взрыве» национально-освободительного движения в Тибете и о «разгроме англофильской клики». Статья Чичерина служила, конечно же, пропагандистским целям, и потому в ней немало ошибок и явных передержек — следствие его англофобии — впрочем, незаметных читателю, неискушенному в хитросплетениях тибетской политики. Так, нарком явно сгущал краски, утверждая, что Тибет под влиянием англичан и их ставленников внутри страны начал превращаться в «нечто, напоминающее английский протекторат», или, что Царонг стал «фактическим диктатором Тибета», подчинившим себе Далай-ламу и все тибетское правительство. И все-таки, статья не лишена некоторого интереса для нас, особенно то ее место, где нарком говорил о геостратегическом значении Тибета. Полемизируя с Ч. Беллом, утверждавшим, что Тибет нужен англичанам, главным образом, как буфер или барьер с северной стороны Индии, Г. В. Чичерин заявлял: «Но Тибет есть нечто большее, чем буфер: Тибет есть непосредственная связь со всей внутренней Азией и всем монгольским миром. Тибет представляет доминирующее положение над древней основной дорожкой народов, идущей от Китая к нашей Семиреченской области и разделяющей северные и южные пустыни. Таким образом, основные внутренние артерии, проходящие через Азию, могут оказаться под влиянием того, кто господствует в Тибете»[435]. В таком заявлении, однако, не трудно увидеть аналогичный советский интерес к Тибету.

Поводом для публикации послужили репрессии Далай-ламы против небольшой группы офицеров-англофилов, заподозренных в заговоре, имевшем место между февралем и апрелем 1925 г., в то время как Царонг находился в Индии. Часть виновных понизили в звании, других отправили в отставку, а майора Педма Чандра убили при попытке к бегству из Лхасы. Сам Царонг также попал в опалу. По возвращении в Лхасу он узнал о своем смещении с поста главкома. (Царонг, тем не менее, до 1930 г. сохранял свое место в правительстве Тибета, Кашаге.) Однако, не следует сводить случившееся исключительно к конфликту между Далай-ламой и «новыми военными». В основе драматических событий в Тибете лежало давно уже зревшее недовольство наиболее консервативной части ламства проводимыми в стране реформами. Особую ненависть у монахов вызывала лхасская полиция — «жандармерия», по терминологии Г. В. Чичерина, доставлявшая им немало беспокойств. Многие из влиятельных лам заявляли, что западные нововведения наносят непоправимый ущерб духовным ценностям самобытной тибетской культуры, и Далай-лама, конечно же, не мог не считаться с их мнением. Так, один из критиков, Донирчеммо Ара гапо, открыто выступил против Царонга в связи с инцидентом в Лхасе весной 1924 г., когда во время уличной стычки военные убили двух полицейских. Прибывший на место преступления Царонг распорядился сурово наказать виновных — в результате одному из них отрубили ухо, а другому руку, и он вскоре скончался. Донирчеммо использовал этот инцидент, чтобы обвинить Царонга в самоуправстве и пренебрежении к государственным органам правосудия. В этой ситуации Далай-лама встал на сторону лам, к тому же до него дошли слухи о заговоре военных во главе с Царонгом и Ладен Ла.

Современный английский исследователь А. Маккей предполагает, что идея переворота в Лхасе принадлежала Ф. М. Бейли, который действовал исключительно по собственной инициативе, без ведома делийской администрации. Сиккимский резидент хотел передать светскую власть в стране в руки энергичного и прогрессивного Царонга. (Далай-лама в этом случае остался бы лишь духовным главой Тибета.) Поводом к такому шагу, как считает А. Маккей, скорее всего могли послужить «серьезные попытки нового коммунистического правительства России установить свое влияние в Лхасе»[436]. Таким образом, Ф. М. Бейли, следуя примеру архирософа лорда Керзона, очевидно, пытался расстроить «русскую интригу» в Тибете, пока она не зашла слишком далеко. Захват власти военными должен был произойти до начала его официального визита, однако, Царонг не решился пойти на открытую измену и отступил в решающий момент. На существование заговора тибетских офицеров указывает ряд косвенных улик; отсутствие же прямых доказательств А. Маккей объясняет тем, что Ф. М. Бейли, будучи опытным разведчиком, держал все нити заговора в своих руках, и когда он провалился, сумел вовремя спрятать концы в воду. Гипотеза А. Маккея, безусловно, представляется интересной, хотя, конечно, не может не смущать полное отсутствие документальных свидетельств. Впрочем, следует иметь в виду, что ряд дел в индийских архивах, относящихся к лхасскому кризису 1924–1925 гг., остается засекреченным, на что и указывает английский историк.

Новая конфронтация клерикальной и военной группировок имела далеко идущие последствия для Тибета — постепенное сворачивание начатых реформ и заметное охлаждение в отношениях Далай-ламы с англо-индийским правительством. В 1925 г. состав лхасской полиции сократился вчетверо, с 400 до 100 человек; в 1926 г. закрылась школа в Гьянтзе, а в 1927 г. тибетские власти запретили английским автомобилям курсировать между Гьянтзе и Пхари — по проложенному ранее британцами шоссе.

Новости о «перевороте» в Лхасе не могли не обрадовать Г. В. Чичерина, ибо разгром «англофильской клики» означал, что «английская политика постепенного внедрения» в Тибет потерпела крах, а это позволяло Москве активизировать свою собственную тибетскую политику. Главная задача НКВД в 1925 г., как и двумя годами ранее, состояла в том, чтобы сделать советское присутствие в Тибете постоянным. Однако добиться этого было не так-то просто, особенно после того, как Далай-лама отклонил советское предложение об учреждении официального представительства в Лхасе. Тогда у Г. В. Чичери-

на родилась идея создания там полпредства МНР, руководить которым стал бы негласно советский резидент. Свой план он представил на утверждение Политбюро в декабре 1925 г., о чем мы расскажем позднее. Однако уже в начале августа нарком обсуждал его с новым советским полпредом и одновременно торгпредом в Монголии П. М. Никифоровым. Так, в личном дневнике П. М. Никифорова имеется запись от 2 августа под заголовком «Задачи в Тибете», сделанная, очевидно, после его беседы с Г. В. Чичериным. Главная из намеченных наркомом задач определялась как «создание там полпредства Монголии»[437]. В записи от 13 августа приводилось содержание другого разговора, в котором Г. В. Чичерин подчеркивал важную роль МНР в советской политике на Дальнем Востоке. «Он считает Монголию, — читаем мы у П. М. Никифорова, — самым серьезным аванпостом наступления революционных идей в Тибет и Индокитай»[438]. В вопросе о взаимоотношениях Тибета с Китаем Г. В. Чичерин советовал придерживаться монголо-китайской формулы, сущность которой он выразил в следующих словах: «Мы формально декларируем автономную самостоятельность Монгольской республики, под протекторатом Китая, но практически ведем там такую работу, чтобы по внутреннему политическому и экономическому строительству Монголия приближалась к советским формам»[439].

П.М. Никифоров, со своей стороны, предложил учредить в Западном Китае (в Ша-Чжоу) советское торговое агентство, через которое можно было бы осуществлять торговые операции с Тибетом. Наркому эта мысль понравилась, но он рекомендовал полпреду действовать осторожно. Обсуждался и еще один очень важный вопрос — проект А. Доржиева об установлении почтовой связи с Тибетом, согласно которому предполагалось создать цепочку промежуточных почтовых станций (по-монгольски «уртонов») между Юмбейсе и Нагчу. Перед отъездом из Москвы П. М. Никифорова также инструктировал по военным вопросам председатель РВС СССР М. В. Фрунзе.

По приезду в Ургу в сентябре месяце П. М. Никифоров немедленно приступил к согласованию планов НКВД с членами монгольского правительства — предсовмином Церен Доржи, мининделом Гева Бальжиром и вскоре заменившим его на этом посту Дорликчжапом. В начале октября вопрос об отправке в Тибет монгольского полпредства был рассмотрен в ЦИК МНРП, который поддержал инициативу Москвы. «Хотя больших дел в Лхасе у монголов нет, но иметь там представителя необходимо», — доверительно сообщил Церен Доржи П. М. Никифорову[440].

18 декабря 1925 г. член коллегии НКВД С. И. Аралов, очевидно по поручению Г. В. Чичерина, направил в Политбюро докладную записку с изложением проекта новой тибетской экспедиции. В ней, в частности, говорилось: «В соответствии с создавшейся у нас в настоящий момент в Тибете политической обстановкой и результатами, достигнутыми тибетской экспедицией НКВД, вернувшейся из полуторогодичной поездки в мае тек. г., НКВД считает необходимым и своевременным поставить вопрос об отправке в ближайшем времени в Лхасу *неофициального представительства СССР под видом представительства МНР* (курсив — А. А.)»[441].

Такое представительство, номинально возглавляемое монголом, утвержденным монгольским правительством, указывалось в записке, «фактически будет руководиться нашим советником».

Главной задачей советско-монгольского представительства должно было стать создание столь необходимого Москве канала оперативной двухсторонней связи с Тибетом через «передаточно-наблюдательный пункт» — советское консульство, которое планировалось открыть в Лань-чжоу-фу, в центре китайской провинции Ганьсу. О стратегической важности этого города в свое время говорил еще Бадмаев, предлагавший соединить Лань-чжоу-фу железной дорогой с основной транссибирской магистралью[442]. Для связи с центром предполагалось также использовать и традиционное «средство» — бурятско-калмыцких лам и торговцев.

К другим задачам представительства относились:

— распространение «правильных сведений» среди тибетцев о СССР, МНР, международном положении и, особо, о проводимой англичанами политике в отношении Тибета;

— консультирование Далай-ламы и русофильской группировки в Лхасе по экономическим вопросам, оказание поддержки тибетским русофилам, главою которых довольно неожиданно был назван сам Далай-лама;

— зондирование почвы с целью заключения монголо-тибетского дружественного договора, по образцу соглашения между Монголией и Тибетом 1913 г.;

— организация военных поставок в Тибет («арт. имущества») и направление в тибетскую армию бурятских, калмыцких и монгольских инструкторов, отправка тибетской молодежи в СССР и МНР для военного обучения;

— экономическая разведка, выяснение потребностей тибетского рынка и организация торговых операций между Тибетом с одной стороны и МНР с другой;

— установление связи с «буддийским движением» в Индии в целях «укрепления позиции Тибета в его национально-освободительной борьбе»[443].

Большинство этих задач были не новыми и уже стояли в «программе» экспедиции С. С. Борисова. Но в отличии от ситуации 1924 г, очевидно стремление советской дипломатии использовать «монгольскую карту» в новой «большой игре» с Англией в Центральной Азии. Так, отправка представительства в Тибет формально мотивировалась С. И. Араловым религиозными, торгово-экономическими и другими нуждами монгольского населения. Здесь надо от-

метить, что Монголия и Тибет издавна поддерживали тесные религиозные, культурные и торговые связи. В Урге проживала довольно большая тибетская колония, а также находился духовный представитель Далай-ламы, так называемый Донир (Доньер). Эту должность в 20-е годы исполнял Лобзанг Чолден. Однако, он не пользовался авторитетом у монгольских властей и даже несколько раз арестовывался Государственной внутренней охраной (ГВО, монгольским аналогом ГПУ).

В записке НКВД также давалась резко негативная оценка английской политике в Тибете, особенно действиям англичан в последние годы (после миссии Ч. Белла). «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, — писал С. И. Аралов, — необходимо противопоставить ее агрессии все наши реальные возможности и в этих целях незамедлительно прежде всего отправить в Тибет неофициальное представительство. В нашей работе в Тибете мы должны встретить особо благоприятные возможности в сравнении с возможностями Англии и Китая... Отношение (Тибета) к СССР, выражающееся в несравненно более положительном смысле, чем к царской России, укрепляется и должно укрепиться в дальнейшем»[444].

В заключение С. И. Аралов просил отпустить на содержание представительства 24 355 американских долларов, согласно приложенной смете. (Как и в случае с С. С. Борисовым, в этой смете также имела статья «особых расходов» — затраты на подарки Далай-ламе и его главным министрам, приобретение информации и представительские нужды.)

Вопрос об учреждении монгольского полпредства в Лхасе дважды включался в повестку дня заседаний Политбюро (7 и 14 января 1926 г.) и дважды откладывался по просьбе Г. В. Чичерина, который в это время обговаривал детали своего проекта с находившимся с визитом в Москве председателем ЦК МНРП Дамба-Доржи. 17 января — за несколько дней до нового заседания — Г. В. Чичерин послал записку в Политбюро, в которой просил незамедлительно рассмотреть этот вопрос и принять по нему решение: «В Тибете произошло движение против захватившей всю власть англофильской клики. Если мы будем медлить, могут произойти новые внутренние события, и Англия при помощи подкупа и привлечения материальных интересов может опять захватить власть.

Вопрос о влиянии Англии в Тибете имеет громадное значение для всех буддийских стран и, в частности, для Монгольской Республики или тех наших автономных республик, где имеется буддийское большинство. Через посредство тибетского правительства Англия может оказывать враждебное нам и разлагающее влияние во всей сфере буддийских национальностей»[445].

В результате Политбюро на заседании, состоявшемся 21 января 1926 г., вынесло следующее решение:

1. Принять предложение НКВД об отправке в ближайшее время в Лхасу неофициального представительства СССР под видом представительства МНР.
2. Ассигновать на содержание представительства 20 000 рублей»[446].

Вскоре после этого Г. В. Чичерин подыскал подходящую кандидатуру на роль советника при монгольском полпреде. Им стал уже знакомый нам А. Ч. Чапчаев (1890–1938), закончивший незадолго до этого курсы марксизма при Комакадемии. Выбор наркома был одобрен лично И. В. Сталиным (и это несмотря на то, что Центр двумя годами ранее выразил свое недоверие А. Ч. Чапчаеву, освободив его с поста председателя ЦИК Калмыцкой автономной области за проявленный в работе «национальный уклон»)[447]. В ходе инструктажа в НКВД А. Ч. Чапчаеву помимо утвержденных Политбюро заданий поручили также удалить из Лхасы «английского агента» Замбо Хаглышева (Халдинова), служившего главным источником антисоветской агитации в Тибете[448].

Кроме А. Ч. Чапчаева Москва включила в состав монгольского посольства еще несколько человек — бурятского ламу Жигме-Доржи Бардуева (спутника С. С. Борисова) в качестве переводчика тибетского и монгольского языков и двух калмыков, бывших инструкторов МНРА — Шагдура Лундукова и Матцака Бимбаева, в должности конвоиров. (Последний в интервью автору в 1993 г. признался, что имел секретное задание, полученное от начальника Разведуправления Штаба РККА Я. К. Берзина.)

Со своей стороны МИД МНР назначил главу представительства («элчин сайда») и его секретаря. Ими стали некие Гомбодчийн и Амуланг. О первом, со слов М. Т. Бимбаева, известно, что он имел княжеский титул «гуна» (т. е. был монголом) и слыл очень набожным человеком. По-видимому, таковой была его легенда, поскольку П. К. Козлов, встречавшийся с «монгольским полпредом» в Улан-Баторе осенью 1926 г., сообщает нечто противоположное — что Гомбодчийн был на самом деле бурятом, имевшим довольно слабое представление о Тибете и потому забросавшим его вопросами[449]. Оба они, и Гомбодчийн, и Амуланг, являлись китаефилами и сторонниками реставрации теократического правления во Внешней Монголии, упраздненного в 1924 г. после смерти монгольского Хутухты. Об остальных участниках делегации, а их было около 8 человек, нам практически ничего не известно.

Осенью 1926 г. под давлением «народных масс» — верующих и духовенства — 3-ий Великий Хурулдан принял постановление, в котором говорилось о необходимости официального обращения к Далай-ламе за санкцией на отыскание и объявление нового перерожденца Богдо-гегена. Этим шагом монгольские власти, очевидно, рассчитывали произвести благоприятное впечатление на Лхасу ввиду намечавшегося монголо-тибетского сближения. На том же Хурулдане обсуждался и вопрос о заключении дружественного монголо-тибетского договора.

Согласно первоначальным планам, монгольская миссия предполагала выехать из Улан-Батора в августе 1926 г., однако ее отъезд задержался до глубо-

кой осени, что, возможно, было связано с тем, что монгольский МИД ожидал принятия принципиальных решений по тибетскому вопросу высшим законодательным органом МНР. От Улан-Батора до Юмбейсе, где находилось отделение советского торгпредства, делегация добиралась на «доджах». Там пересели на верблюдов и 5 ноября тронулись в дорогу по бескрайней Гоби. Ежедневно караван передвигался не менее 10 часов непрерывно. Через 3 недели добрались до Шобучина (к югу от Аньси), первого населенного пункта Верхней Монголии. По сведениям А. Ч. Чапчаева, экспедиция от Юмбейсе шла в составе большого каравана (до 200 верблюдов) тибетских торговцев, возвращавшихся из Урги на родину[450]. В Шобучине сменили верблюдов наполовину и продолжили путь в направлении Шара-гола (Желтой реки). Переход через высокогорные районы Верхней Монголии до Цайдама был очень тяжелым. Практически все участники поездки страдали от горной болезни, особенно Гомбодчийн. Состояние посла сделалось критическим в районе Хотан-дабана; «жизнь его держалась на волоске, — пишет А. Ч. Чапчаев, — но полпред поправился, как только спустились в Цайдам». В целом, отрезок пути между Юмбейсе и Цайдамом был пройден за 35 дней.

В Цайдаме монгольское посольство пробыло полтора месяца — это время в основном ушло на наем верблюдов. В начале февраля двинулись через Тайчжинар коротким путем в сторону безжизненного Чантанга — Тибетского плато. «Все очень боялись предстоящего самого трудного этапа маршрута, — сообщал А. Ч. Чапчаев. — Во время движения по Сартыну все участники экспедиции чувствовали себя больными. В пути мы похоронили у хребта Думбуре одного подвозчика. Врач тибетской медицины доехал до Нагчу едва живым с опухшим и раздувшимся телом. В течение двух последних недель по Сартыну я, не будучи в состоянии от слабости держаться на верблюде, ехал на последнем привязанном к вьюку»[451]. Но не меньшую опасность для путешественников, чем горная болезнь, представляли и «голоки» — воинственные тибетские номады, промышлявшие грабежом караванов в районе безлюдных хребтов на северо-восточной окраине Тибета.

Движение по Чантангу до Нагчу заняло у экспедиции 40 дней, не считая стоянок. В Нагчу она пришла 15 марта. «Радостный день, — отметил А. Ч. Чапчаев. — Я быстро стал на ноги. Врач тибетской медицины умер через несколько дней»[452].

Последний отрезок пути экспедиция преодолела без каких-либо трудностей. По воспоминанию М. Т. Бимбаева, «от заставы Нагчу до Лхасы мы шли на ишаках. Приблизительно километров за 30 до Лхасы караван встретили 2 тибетца, специально посланные Далай-ламой»[453]. Они-то и привели его в Запретный город, что произошло, по-видимому, во 2-й половине апреля 1927 г. В британских источниках содержится более подробный рассказ о въезде монгольской миссии в тибетскую столицу. Так, согласно Ф. М. Бейли, в Нагчу монголы заявили уездному начальнику («дзонгпену»), что их поездка связана со смертью Великого Ламы из Урги. Дзонгпен сообщил об этом Далай-ламе, и тот распорядился пропустить монгольский караван в Лхасу. Однако, когда открылось, что монголы являются переодетыми «большевистскими эмиссарами», он уволил дзонгпена за сообщение ему ложных сведений[454]. Таким образом, монгольское посольство оказалось не только неожиданным, но и нежеланным для Далай-ламы, и въехать в Лхасу оно сумело лишь под видом сугубо религиозной миссии. Версия Ф. М. Бейли вполне согласуется с тем, что нам известно о пребывании А. Ч. Чапчаева в Лхасе и по сути не противоречит сообщению М. Т. Бимбаева — Далай-лама, узнав от дзонгпена о религиозной цели монгольской делегации, вполне мог выслать ей навстречу проводников, что не являлось какой-то особой почестью.

В Лхасе монгольское посольство сразу же столкнулось с большими трудностями. Так, Далай-лама принял его участников на другой день во дворце Потала как обычных богомольцев, пришедших получить его благословение, не пожелал вести с ними какие-либо переговоры и в дальнейшем всячески уклонялся от новой встречи. Правда, посольство получило разрешение поздравить Далай-ламу по случаю дня рождения, но это была опять-таки публичная аудиенция. Своим приближенным Далай-лама также настрого запретил встречаться с «красными монголами». В целом отношение главы Тибета к посланцам народной Монголии можно характеризовать как настороженно-подозрительное и вовсе лишенное симпатии, на которую не без оснований рассчитывала Москва. Об этом свидетельствуют многие документы британских архивов. Из них мы, в частности, узнаем, что за руководителями миссии — Гомбодчийном (Гомбо Еше), Амулангом и А. Ч. Чапчаевым (Цепаг Доржи) велась постоянная слежка[455]. Дом, в котором разместилось посольство, — двухэтажный каменный особняк в центре Лхасы, так называемый «Дом Китъепа», охранялся нарядом полицейских, которые являлись тайными осведомителями Далай-ламы. По признанию М. Т. Бимбаева, всякий раз, когда он и А. Ч. Чапчаев отправлялись по каким-либо делам в город, за ними по пятам следовал тибетский «охранник».

Англичане, со своей стороны, проявляли не меньшее внимание к «советским агентам». Ф. М. Бейли, как только до него дошли слухи о прибытии в Лхасу «красной» монгольской делегации, немедленно отправил туда из Гартока своего личного помощника Норбу Дхондупа, поручив ему убедить Далай-ламу выпроводить «русскую миссию» из Тибета. Далай-лама, однако, не последовал совету Ф. М. Бейли, что объяснялось несколькими причинами: во-первых, нежеланием нанести обиду монахам самого крупного в Тибете Дрепунгского монастыря, давно уже фрондировавшего с лхасскими властями, тем более что в одной из его школ — Гоман-дацане обучалось большинство выходцев из Халха-Монголии, Бурятии и Калмыкии. Во-вторых, опасением, что монгольское правительство могло бы ответить на такой шаг репрессиями против проживавших в Монголии тибетцев. И, в-третьих, боязнью потерять свои сбережения (около 200 тысяч рупий), хранившиеся в созданном им в Урге в 1905 г. «тибетском банке»[456].

Норбу Дхондуп находился в Лхасе до октября 1927 г. и все это время регулярно снабжал своего шефа разнообразной информацией о «большевистской

миссии». Так, из его писем к Ф. М. Бейли[457] мы знаем, что А. Ч. Чапчаеву очень долго не удавалось добиться частной аудиенции у Далай-ламы. Устроить ее обещал Кушо Кхенчунг — «тибетский торговый агент» в Гьянтзе, доверенное лицо Далай-ламы, но А. Ч. Чапчаев сразу же заподозрил его в связях с англичанами и потому отказался от этого посредничества. Неприемлемым условием для калмыка стало то, что Кхенчунг намеревался выступить в роли переводчика на переговорах. Тогда А. Ч. Чапчаев попробовал найти подступ к властителю Тибета через лиц из его ближайшего окружения, но и здесь его подстерегала неудача. Прошло много месяцев, прежде чем Далай-лама милостиво согласился принять А. Ч. Чапчаева для деловой беседы, но это произошло уже после отъезда Н. Дхондупа, по-видимому, в октябре месяце. 9 декабря 1927 г. монгольская миссия покинула Лхасу[458].

Результаты беседы А. Ч. Чапчаева с Далай-ламой оказались неутешительными как для советской, так и для монгольской стороны. Далай-лама отказался от обмена дипломатическими представителями между Тибетом и МНР и не проявил интереса к идее заключения дружественного договора между обеими странами. Таким образом, главная цель миссии не была достигнута. Единственное, что удалось А. Ч. Чапчаеву, так это решить вопрос о торговле. Далай-лама заверил его, что не станет возражать против торговых операций СССР в Тибете при условии, что они будут осуществляться «неофициально». В то же время имеются сведения, что Далай-лама послал с ним письмо А. Доржиеву для советского правительства, в котором заявлял о своих дружеских чувствах по отношению к СССР и МНР и задним числом выражал готовность заключить договор о закупке оружия и пороха у России, а также о создании промежуточных почтовых станций между МНР и Тибетом[459]. Возможно, своим письмом он просто хотел несколько сгладить то негативное впечатление, которое могло создаться у советских руководителей после рассказов А. Ч. Чапчаева о его не слишком любезном приеме в Лхасе.

Чем объяснить неуспех миссии Гомбодчийна — Чапчаева? По прогнозам НКВД ситуация в Тибете благоприятствовала советским планам. Донесения военной разведки в начале 1926 г. также свидетельствовали об утрате англичанами своих позиций в Тибете и переориентации Далай-ламы с Англии на Китай[460]. Строго говоря, последнее утверждение не совсем точно отражает положение дел, поскольку определенное потепление в тибетско-китайских отношениях намечилось лишь в 1930-е годы при Нанкинском правительстве Чан Кайши. Хотя надо признать, что во второй половине 1920-х значительно усилились китаефильские настроения среди тибетского ламства — не только высшего, но и рядового, недовольного отсутствием Панчен-ламы и стремившегося вернуть его в Тибет. Можно предположить, что основной причиной неудачи скорее всего был синдром «красной опасности». Особенности опасения внушали успехи китайской революции, постепенно приближавшейся к границам Синьцзяна и восточного Тибета. Так, Н. Дхондуп в письме к Ф. М. Бейли от 1 сентября 1927 г. писал: «Далай Лама неожиданно позвал меня вчера. Он сказал, что получил информацию о 19 большевистских агентах (имеется в виду монгольская миссия — А. А.). Он выражал беспокойство и говорил: Фэн Юйсян, китайский командир, являющийся другом красных русских, одерживает победу, и он может объединиться с красными русскими и создать неприятности для Тибета»[461].

Фэн Юйсян — главнокомандующий Гоминьдзюня (Национальной армии) пользовался советской поддержкой в годы китайской революции пока не совершил предательство (с точки зрения Москвы), перейдя на сторону Чан Кайши, в лагерь «гоминьдановской контрреволюции», летом 1927 г. На момент прихода экспедиции А. Ч. Чапчаева в Лхасу его северо-западная армия прочно контролировала территории провинций Шэньси, Ганьсу и Западной Хэнани. В ближайшем будущем ожидалось ее дальнейшее продвижение на запад, в направлении Синьцзяна и Тибета. В марте-апреле 1926 г. маршал Фэн, проездом в Москву для консультаций с советским руководством, останавливался в Улан-Баторе, где встречался с П. М. Никифоровым. В то время он вынашивал планы объединения провинций, занятых его армиями, и отделения их от Центрального Китая. П. М. Никифоров, однако, не поддержал этой идеи. «Отделение провинций Англия может учесть как нашу агрессию на Западный Китай, — писал полпред генконсулу в Калгане Фесенко, — и, пользуясь созданным положением, усилить свою агрессию на Тибет, что осложнило бы нашу политику в Тибете, которую мы полагаем проводить»[462]. Москва тем не менее, была заинтересована в наведении мостов между Фэн Юйсяном (и другими лидерами Китайской революции) и лхасским правительством. Так, тот же П. М. Никифоров писал в своем приветственном послании «вождю Народно-революционной армии» Фэн Юйсяну 11 февраля 1927 г.: «Было бы весьма полезно, если бы Вам удалось сговориться с тибетцами о границе. Это успокоило бы их и создало бы на Вашем фланге и [в] тылу спокойную обстановку, что для вас крайне необходимо»[463].

Другим источником беспокойства для Далай-ламы стала религиозная политика Москвы. Так, в начале сентября 1927 г. он получил перевод заметки из Бурят-Монгольской Правды («Бурят-Монгол Унэн») о суде в поселке Агинском над 88 ламами, руководителями и участниками так называемого Борзинского движения[464]. Суть этого движения состояла в том, что в начале 1927 г. ламы Цугольского и Агинского дацанов в Читинской области агитировали своих соплеменников, бурят, проживавших на территории Бурят-Монгольской АССР, за переселение в Борзинский уезд в Читинской области, мотивируя это тем, что как нацменьшинство они не будут испытывать там национального и религиозного угнетения. Согласно Норбу Дхондупу, заметка из бурятской газеты произвела отрицательное впечатление на Далай-ламу и членов Кашага. Некоторое время спустя (предположительно в сентябре) Далай-лама неожиданно получил секретное письмо от Агвана Доржиева, доставленное из Улан-Батора тибетским купцом. «Я старый человек и скоро умру, — писал А. Доржиев. — Монголия — не мирная страна, какой она была прежде. Правительство настроено крайне враждебно против религии и монахов и с этим ничего нельзя поделать. Прошу Вас, избегайте общения с людьми [монгольской] миссии. Я был вынужден написать письмо Вашему Святейшеству под их диктовку, которое эти агенты большевиков взяли с собой, но я прошу не придавать значения этому письму»[465].

Далай-лама показал письмо А. Доржиева Кхенчунгу, который затем пересказал его содержание Норбу Дхондупу, а тот, в свою очередь, Ф. М. Бейли[466]. Далай-лама и Кхенчунг, как кажется, были очень довольны, получив от Доржиева столь откровенное послание, разительно отличавшееся от его письма «под диктовку», в котором он расточал похвалы монгольскому правительству и советовал принять предложения его посланцев. Именно это секретное послание А. Доржиева, по-видимому, и предрешило отрицательный исход переговоров Далай-ламы с А. Ч. Чапчаевым.

Во время их беседы с глазу на глаз, по сообщению калмыка, владыка Тибета дважды заводил речь о гонениях на буддийскую религию в СССР, утверждая, что он «об этом имеет самые точные сведения». О своей озабоченности судьбой российских буддистов он просил довести до сведения советского правительства, в частности Г. В. Чичерина, давая понять, что подобное «обстоятельство» должно быть «устранено» в интересах дружбы между Россией и Тибетом[467]. Особую тревогу буддийского первосвященника вызывал закон, запрещавший бурятам и калмыкам отдавать своих несовершеннолетних детей в монастырские школы. А. Ч. Чапчаев, конечно же, пытался разуверить его в этом, не зная, что состоявшийся в его отсутствие в январе 1927 г. Всесоюзный Буддийский Собор в Москве утвердил, под давлением «сверху», 18-летний возрастной ценз для приема в «хувараки» (буддийские послушники). По возвращении в Москву А. Ч. Чапчаев, естественно, довел пожелание Далай-ламы до сведения советских руководителей. Так, летом 1928 г. в ходе «собеседования» в Восточном отделе ОГПУ по результатам поездки в Тибет он заявил следующее:

«Для того чтобы наладить хорошие отношения с Тибетом, нужно <...> отменить или несколько смягчить закон об ограничении возрастной нормы приема в хувараки, конечно, если исходить из интересов нашей большой, международной политики, а не внутренних интересов. Без этого на Буддийский Восток, особенно на Тибет, хоть не смотри. Тем более, что Далай-Лама мне говорил, что „китайцы и англичане его протекторат в религиозных делах над буддистами признают, а Россия, считающаяся более близкой к Тибету <...> еще не признала“»[468].

Несмотря на безрезультатность переговоров с Далай-ламой, семимесячное пребывание монгольского посольства в Лхасе не прошло даром. Во всяком случае, советские эмиссары немало потрудились, чтобы выполнить остальные «неофициальные» пункты своей тибетской программы. Судя по рассказам М. Т. Бимбаева, он и А. Ч. Чапчаев много общались с тибетцами. Особенно часто посещали дом одного молодого любителя фотографии, где собирались лица, симпатизировавшие Советской России. Очевидно, они принадлежали к представителям «русофильской национальной группы», которой, согласно инструкциям НКВД, следовало оказывать поддержку. Костяк кружка лхасских русофилов составляли торговцы, среди которых, возможно, имелись и индийские купцы. Так, из показаний Ш. Тепкина мы узнаем, что А. Ч. Чапчаев вез от него письмо двум индийским купцам-родственникам. Один из них, Бутта Родна, имевший отделение своей торговли в Калькутте, пользовался расположением Далай-ламы[469]. Таким образом, через этих купцов А. Ч. Чапчаев мог установить связь с индийскими буддистами, что, как мы знаем, являлось одним из его заданий. Любопытно, что тибетцы-русофилы, по сообщению М. Т. Бимбаева, в большинстве своем относились к сторонникам Панчен-ламы и, следовательно, можно предположить, что они, в той или иной степени, находились в оппозиции к Далай-ламе.

Отдельные визиты члены миссии нанесли тибетским министрам и другим высокопоставленным чиновникам, которые, по словам М. Т. Бимбаева, охотно шли на контакте «красными русскими». Эти встречи, скорее всего, состоялись уже после аудиенции А. Ч. Чапчаева у Далай-ламы, на заключительном этапе миссии. М. Т. Бимбаев объяснял это тем, что принимавшие их чиновники были «падки до подарков», которые обычно делались им в таких случаях.

Встречались они и с соплеменниками-калмыками, учащимися монастырских школ-дацанов, среди которых большинство составляли астраханские калмыки. Однако, посещение монастырей было сопряжено с некоторыми трудностями. По заведенному обычаю, гостям следовало заказать ламам молебен, сделать общее приношение монастырю, затем устроить обед для служивших лам. Все это требовало немалых расходов.

Во время поездки в Дрепунгский монастырь, сразу же по приезде в Лхасу, А. Ч. Чапчаев познакомился с Замбо Хаглышевым (Халдиновым). Довольно неожиданно З. Хаглышев обратился к нему с просьбой — помочь ему вернуться на родину в Калмыкию. Возможно, он слышал об амнистии, объявленной советским правительством калмыкам-эмигрантам. А. Ч. Чапчаев, помня о данном ему НКВД поручении, согласился снабдить З. Хаглышева рекомендательным письмом в советское посольство в Пекине, при условии, однако, что он передаст ему всю свою переписку с Чарльзом Беллом. (Ч. Белл помог З. Хаглышеву выехать в Тибет из Турции через Индию в 1921 г.) В результате состоявшейся сделки З. Хаглышев вручил А. Ч. Чапчаеву письма Белла, после чего покинул Лхасу. О дальнейшей его судьбе известно следующее: несмотря на рекомендации А. Ч. Чапчаева, З. Хаглышеву не удалось получить советскую визу, но в Тибет он уже не вернулся, а остался в Пекине. Продолжал переписываться как с Ч. Беллом, так и с Ф. М. Бейли, и в то же время не оставлял надежд на возвращение на родину. Из этой переписки мы узнаем, например, что Ф. М. Бейли материально помогал З. Хаглышеву, который сильно бедствовал в китайской столице. Последние известия о калмыке относятся к началу 1937 г. В то время он проживал в буддийском монастыре Юнг Хо Кунг в Пекине[470].

Не менее успешно справился со своим «секретным заданием» и М. Бимбаев, собравший весьма ценные сведения о тибетской армии и ее вооружении. В Лхасе ему удалось установить контакт с Царонгом и, по всей видимости, также с новым главнокомандующим Догпа Томба. По признанию М. Т. Бимбаева, он дважды присутствовал на учебных стрельбах, много фотографировал. Из составленной на основе его отчета, очевидно, аналитиками Разведуправ-

ления, записки «Военное дело в Тибете» мы узнаем, что в одном из случаев речь идет об опытных стрельбах из 10 новых мортир тибетского производства, устроенных публично на окраине Лхасы. «По этому поводу, — говорится в записке, — правящие круги Тибета устроили большое ликование»[471]. М. Т. Бимбаев, однако, не смог побывать на трех оружейных заводах в окрестностях Лхасы. Особенно его заинтересовал завод, расположенный у перевала Голан-дабан в 7 верстах севернее Лхасы по пути в Нагчу, оснащенный европейским оборудованием. Здесь же производилась и чеканка тибетской монеты (по-видимому, имеется в виду новый арсенал и одновременно монетный двор в Доте). Однажды отважный калмык-разведчик попытался проникнуть на территорию этого завода, предварительно познакомившись с его директором, но у ворот его остановила стража. Чтобы избежать скандала, М. Т. Бимбаеву пришлось спасаться бегством[472].

6. «Посольство Западных буддистов» Н. К. Рериха, 1927–1928

В середине апреля 1927 г., когда караван Гомбодчийна-Чапчаева приближался к Лхасе, в том же направлении выступила еще одна столь же таинственная миссия, возглавляемая Н. К. Рерихом. О последней до сих пор принято говорить преимущественно как о научно-художественной экспедиции, хотя по существу это была религиозно-политическая миссия — «посольство Западных буддистов к главе буддистов Востока», как называл ее сам Н. К. Рерих.

Идея подобного посольства родилась у Н. К. Рериха в начале 1920-х, вскоре после его эмиграции с семьей в Америку. Вернее, ее внушили или подсказали ему Гималайские Учителя — Махатмы (в реальности которых последователи Н. К. Рериха ничуть не сомневаются), через ряд телепатических посланий жене, Елене Ивановне Рерих. В дневнике ближайшей сподвижницы семьи Рерихов (члена совета директоров Музея Н. К. Рериха в Нью Йорке) Зинаиды Фосдик (З. Г. Лихтман) есть любопытная запись, датированная 21 декабря 1922 г.: «Е. И. рассказала, что у них был накануне [спиритический] сеанс и им было сказано, как они поедут посольством к Далай-ламе и „У нашего посла знак Малой Медведицы на щеке“ (бородавки образуют в точности это созвездие). Также им было сказано, что рука М. опустится на их плечи, когда посольство будет у Далай-ламы и Щит засверкает над ними»[473]. Задуманное путешествие в Лхасу являлось по сути частью «Великого Плана» Рериха (также инспирированного Махатмами) с целью объединить буддийские народы Азии именем Будущего Будды Майтрейи и создать новое буддо-коммунистическое государство — Священный Союз Востока — на территории от Алтая до Гобийской пустыни, посредством реализации идеи мировой Общины — краеугольного понятия в философской системе Н. К. Рериха. Ключ к этому Плану мы находим в книге Алтай-Гималаи, где Н. К. объясняет: «Каждое столетие Архаты (т. е. существа достигшие духовного совершенства, иначе говоря Махатмы — А. А.) делают попытку просвятить мир общиной. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Неудача следовала за неудачей. Сказано: до тех пор, пока лама не родится в западном теле и не явится как духовный завоеватель для разрушения векового невежества, до тех пор будет мало успеха в рассеянии козней Запада»[474].

Лама «в западном теле», которому суждено «просвятить мир общиной» и разрушить царящее в нем невежество — это ни кто иной как Н. К. Рерих, ибо те же самые Махатмы признали его — по узору бородавок на щеке — воплощением 5-го Великого Далай-ламы! В дневнике З. Фосдик читаем: «Н. К. — воплощение 5-го Далай-ламы. Н. К. добровольно воплотился после того, как был Далай-ламой в Тибете, сказал М. М. (Махатма Мория — А. А.). Он — великая душа и у него громадная миссия в России будущего»[475].

Известно, что Н. К. Рерих, как и многие другие представители русской творческой интеллигенции, поначалу был настроен крайне враждебно по отношению к Советской власти. Он полностью разделял точку зрения своего друга, писателя Леонида Андреева, считавшего, что большевики это «дикари Европы, восставшие против культуры, законов и морали»[476]. Однако под влиянием Махатм и «Великого Плана» Н. К. Рерих отбрасывает свой антибольшевизм и поворачивается лицом к «Московии». Теперь все, что делают Советы, вызывает у него не чувства возмущения и протеста, но искреннее сочувствие и энтузиазм. Но это и понятно, ибо осуществить задуманное без содействия большевистской России было немыслимо, тем более что Н. К. Рерих собирался начать строительство своей «Новой Страны» с приобретения у советского правительства сельскохозяйственных и горно-промышленных концессий на юге Алтая. Здесь же, в живописной Уймонской долине у подножия горы Белуха, он мечтал построить и столицу будущей «страны Майтрейи» — Город Знания, Звенигород.

В 1923 г. Н. К. Рерих, его жена и сын Юрий отправились в большое путешествие по Центральной Азии, которому суждено было стать прологом к их исторической миссии. Началось оно в Восточных Гималаях, в Дарджилинге. Там Рерихи поселились в доме, где некогда проживал после бегства из Лхасы 13 Далай-лама («Талай Пхо-бранг»); именно в этом доме весной 1924 г. пришедшие из лхасского монастыря Морулинг ламы опознали русского художника и мистика как воплощение 5-го Далай-ламы (подтвердив тем самым «информацию» Махатм). В конце года Н. К. Рерих неожиданно покинул Дарджилинг и уехал в Европу и Америку. В Берлине он посетил советское представительство, где имел долгую беседу с полпредом Н.Н. Крестинским и его секретарем Г. А. Астаховым. Об этом визите Н. Н. Крестинский доложил в Москву, Г. В. Чичерину:

«Десять дней тому назад был у меня художник Рерих. С 1918 г. он живет в Америке, а весь прошлый год прожил с семьей на границе Индии и Тибета, куда его командировала для писания картин одна американская художественная корпорация. Сейчас, пробыв недолго в Америке и Европе, Рерих снова на целый год уезжает на север Индии, уже в другое место. Настроен он совершенно советски и как-то буддийско-коммуни-

стически. С индусами, и особенно с тибетцами, с которыми объясняется при помощи сына, знающего 28 азиатских наречий, у него, по его словам, очень хорошие отношения. Он осторожно агитирует там за Советскую Россию, обещает через своих американских корреспондентов (Лихтмана и Бородина) присылать нам оттуда информацию»[477].

Сообщение Н.Н. Крестинского заинтересовало Г. В. Чичерина. В ответном письме полпреду от 31 марта 1925 г. он настоятельно просил «не упустить то, что полубуддиста-полукоммуниста, о котором Вы мне в свое время писали... У нас до сих пор не было такого серьезного мостика в эти столь важные центры. Ни в каком случае не надо потерять эту возможность. Как именно мы ее используем, это требует весьма серьезного обсуждения и подготовки»[478].

По возвращении в Индию Н. К. Рерих, однако, исчез из поля зрения Москвы почти на целый год. За это время его экспедиция совершила первый круг странствий по Центральной Азии, пройдя древними караванными тропами через Пенджаб, Кашмир, Ладак (Малый Тибет), Хотан, Яркенд, Кашгар и Турфан. Повсюду, в памятниках древности, встречавшихся ему на пути, Н. К. Рерих видит знаки Великого Будущего, связанного с приходом Будды Майтрейи и «исполнением сроков» Шамбалы. Но в то же время он и сам творит легенду, пытаясь приблизить это время — называя себя Махатмой Акдорже, Н. К. Рерих, с помощью присоединившегося к его каравану в Ладаке ламы Рамзана, распространяет среди местных жителей «тибетские грамоты» со словами «Майтрея идет!»

В апреле 1926 г. экспедиция Н. К. Рериха достигла Урумчи, столицы Синьцзяна. Здесь он незамедлительно вступил в контакт с советским представителем — генконсулом А. Е. Быстровым. Ему художник раскрывает свои сокровенные планы — о том, что он собирается ехать в Москву для переговоров с советскими вождями, а оттуда через Монголию в Тибет, вместе с Таши-ламой (Панчен-ламой)! Об этой встрече А. Е. Быстров так рассказывает в своем рабочем дневнике:

«Сегодня приходил ко мне Рерих с женой и сыном. Рассказывали много интересного из своих путешествий. По их рассказам, они изучают буддизм, связаны с махатмами, очень часто получают от махатм директивы, что нужно делать. Между прочим, они заявили, что везут письма махатм на имя т. Чичерина и Сталина. Задачей Махатм будто бы является объединение буддизма с коммунизмом и создание Великого Восточного Союза Республик. Среди тибетцев и индусов буддистов ходит поверье (пророчество) о том, что освобождение их от иностранного ига придет именно из России от красных (Северная Красная Шамбала).

Рерихи везут в Москву несколько пророчеств такого рода. Везут также индусские и тибетские картины, написанные в этом роде. Из слов Рериха можно понять, что их поездки по Индии, Тибету и Зап. Китаю — выполнение задач махатм и для [этого] они должны направиться в СССР, а потом якобы в Монголию, где они должны связаться с бежавшим из Тибета в Китай „Таши-ламой“ и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан»[479].

Подружившись с А. Е. Быстровым, Н. К. Рерих и его спутники (Е. И. и Ю. Н. Рерихи, ламы Рамзан и Церинг) без труда получили въездные визы в СССР и уже через месяц неожиданно объявились в Москве. 13 июня Н. К. Рерих встретился с Г. В. Чичериным, которому тут же изложил свою грандиозную программу переустройства Азии. Состояла она из следующих 9 пунктов:

«1) Учение Будды есть революционное движение; 2) Майтрея является символом коммунизма; 3) Миллионы буддистов в Азии немедленно могут быть привлечены к мировому движению в поддержку идеалов Общины; 4) Основной закон, или простое учение Гаутамы, должно легко проникнуть в народ; 5) Европа будет потрясена союзом буддизма с ленинизмом; 6) Монголы, тибетцы и калмыки признают сроки пророчеств о Майтрейе и готовы приложить их к текущей эволюции; 7) Отъезд Таши-ламы из Тибета дает небывалый повод к выступлению на Востоке; 8) Буддизм объясняет причину отрицания Бога как закономерное явление; 9) Требуется предпринять немедленные действия согласованно с Советским правительством, полностью учитывая местные условия и пророчества Азии»[480].

Н. К. Рерих, как посланец Гималайского Братства, также передал Г. В. Чичерину ларец со священной гималайской землей с места, рождения Будды, якобы посланной махатмами на могилу своего брата, Махатмы Ленина, и два послания тех же махатм — одно Московским коммунистам, а другое лично нарком. Их авторы (скорее всего сами Рерихи, судя по стилистике писем) приветствовали все свершения большевиков, направленные на уничтожение старого мира, во имя эволюции Общины, и обращались с конкретным предложением: «Если Союз Советов признает Буддизм учением коммунизма, то наши Общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности»[481].

Беседа с Н. К. Рерихом, очевидно, произвела большое впечатление на Г. В. Чичерина, поскольку нарком в тот же день проинформировал о ее содержании секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова, а также позаботился о том, чтобы копии его письма были разосланы членам Политбюро и Коллегии НКВД, равно как и другим авторитетным «московским коммунистам» — И. С. Уншлихту (Реввоенсовет), М. А. Трилиссеру (ОГПУ), К. Б. Радеку. В этом письме Г. В. Чичерин, между прочим, дает свою, вполне марксистскую характеристику таинственным гималайским общинам махатм, пославшим Н. К. Рериха в Москву: «Там (в северной Индии — А. А.) имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатиям к коммунистической программе и к СССР»[482].

Вопреки ожиданиям, Н. К. Рерих, однако, не получил ни от Г. В. Чичерина, ни от руководства большевистской партии какого-либо ответа на сделанные им — от лица Махатм — предложения за те шесть недель, что он пробыл в Москве. Но можно ли было реально ожидать, что советские вожди — члены Политбюро ЦК — согласятся «признать буддизм учением коммунизма» и примут высокое наставничество гималайских водителей мира? А ведь именно в этом, по мнению петербургского исследователя В. А. Росова, и состояла главная цель московской миссии Рериха. Правда, его довольно тепло принимали А. В. Луначарский, Л. Б. Каменев и Н. К. Крупская; более того, его планы определенно заинтересовали начальника иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссера (чье ведомство занималось внешней разведкой). По воспоминанию З. Г. Фосдик, в стенах этого учреждения на Лубянке произошла «самая замечательная встреча», где «были произнесены имена Майтрейи и Шамбалы» и где «предложения о сотрудничестве были встречены с энтузиазмом»[483]. В то же время Н. К. Рериху удалось успешно завершить переговоры с Главконцесесскомом (начатые в 1925 г. его американскими представителями Луисом Хоршем и Морисом Лихтманом, возглавлявшими корпорацию «Белуха») и получить концессию на разработку полезных ископаемых на Алтае (в районе горы Белуха).

Несомненно, Н. К. Рерих серьезно обсуждал в Москве (с Г. В. Чичериным и М. А. Трилиссером) и свои тибетские планы — прежде всего довольно щекотливый вопрос о возможном возвращении в Тибет Панчен-ламы. С одной стороны, такое возвращение было весьма желательным поскольку контролировавший северо-восток Китая генерал Чжан Цзолин и стоявшая за его спиной милитаристская Япония стремились использовать Панчен-ламу для расширения своего влияния во Внутренней и Внешней Монголии (МНР), что представляло косвенную угрозу для СССР. Но с другой стороны, поскольку разногласия Далай-ламы и Панчен-ламы не были урегулированы, самовольное возвращение последнего вместе с хорошо вооруженным отрядом своих сподвижников могло спровоцировать столкновение между сторонниками двух высших перерожденцев в Тибете (национальной и китаефильской группировками) с совершенно непредсказуемыми последствиями. Г. В. Чичерин, конечно же, более всего опасался английского вторжения в страну в случае возникновения в ней беспорядков и смуты, что в конечном счете могло привести к полной аннексации Тибета Британской Индией. Поэтому он не торопился поддержать столь заманчивую на первый взгляд инициативу своего «американского гостя». Ведь для Н. К. Рериха, как мы знаем, возвращение Панчен-ламы означало прежде всего исполнение древних пророчеств о войне Шамбалы, во время которой должны были быть повержены «воинством Майтрейи» угнетатели Тибета — англичане и англофильствующие тибетцы во главе с Далай-ламой, олицетворявшие «силы зла». В книге Н. К. Рериха «Алтай-Гималаи» мы читаем: «Духовный водитель Тибета вовсе не Далай-лама, а Таши-лама, о котором известно все хорошее. Они (тибетцы — А. А.) осуждают теперешнее положение Тибета сильнее нас. Они ждут исполнения пророчествах) возвращении Таши-ламы, когда он будет единым главою Тибета и Драгоценное Учение при нем процветет снова»[484].

22 июля (в день похорон Ф. Э. Дзержинского), так и не дождавшись ответа от советского руководства, Рерихи покинули «Московию». После недолгой остановки на Алтае они проследовали в столицу народной Монголии Улан-Батор (город Красного Богатыря), куда прибыли в сентябре 1926 г., в самый канун экспедиции Гомбодчийна-Чапчаева. Здесь Н. К. Рерих немедленно приступает к организации своей собственной экспедиции, вернее «посольства», в Тибет, пытаясь подключить к своим планам монгольское правительство. Имеются сведения, что власти МНР, а также руководство МНРП, обсуждали в конце 1926 г. возможность приглашения Панчен-богдо (Панчен-ламы) в Монголию и предоставления ему в стране временного убежища — идея, за которую особенно ратовал Цыбен Жамцарано (бурят-эмигрант, возглавлявший Ученый Комитет в правительстве МНР). В декабре П. М. Никифоров сообщал Г. В. Чичерину:

«Нужно полагать, что дальнейшее пребывание Богдо в Китае может иметь для нашей политики во Внутренней и даже Внешней Монголии нежелательные последствия: Панчен Богдо может быть легко использован Японией в своих интересах, взамен предоставления Панчен Богдо средств для его дальнейшего благочестивого существования. Этот вопрос меня давно заботил, но я его не поднимал, пока он не выявил своего угрожающего содержания. <...> Я полагаю, что настало время установить по отношению к Богдо активное отношение с нашей стороны. Считаю, что его необходимо возможно скорее изъять из обихода японской и английской политики совершенно.

По некоторым справкам, уже настало время Панчену Богдо вернуться в Тибет и Далай-лама весьма этого хочет. Нужно полагать, что вынужденная изоляция Богдо от Тибета вызывает политическую тревогу Далай-ламы. Негласный представитель Далай-ламы в Улан-Баторе намекнул мне, что очень плохо, если Панчен Богдо не сумеет скоро вернуться в Тибет, что ему в Китае очень тяжело, и что он сам хочет вернуться, но ему в этом мешают китайцы.

Я полагаю, что может быть нам пора вмешаться в это дело в смысле содействия возвращению Панчена Богдо в Тибет и, если нужно, то помочь ему бежать из Китая»[485].

Свой замысел П. М. Никифоров непосредственно увязывал с планами Н. К. Рериха, хотя и не вполне был уверен в политической лояльности последнего. («Я полагаю, что Рерих на кого-то работает, что я пытаюсь сейчас выяснить...») Какой ответ П. М. Никифорову дал Г. В. Чичерин неизвестно. Мы знаем только, что попытки Н. К. Рериха «вытащить» Панчен-ламу в Монголию не увенчались успехом. Хотя Панчен-лама действительно помышлял о возвращении в Тибет и даже предпринял для этого некоторые шаги. Так, весной 1927 г. он отправил большой караван через Алашань-ямынь в монастырь Кумбум в Амдо (в восточном Тибете)[486]. (Н. К. Рерих узнал об этом в самом конце августа уже находясь в Цайдаме — на пол-пути в Лхасу, и эта новость необы-

чайно обрадовала его.) Таким образом, Рерих был вынужден внести коррективы в свои планы.

Поскольку «поход» Панчен-ламы на Лхасу задерживался по срокам (но не отменялся в принципе!), он ограничивает свою миссию переговорами с Далай-ламой о воссоединении восточных и западных буддистов под его (Далай-ламы) высоким началом[487]. Но зачем ему такое «воссоединение»? Ведь еще недавно Н. К. Рерих относился к Лхасе и царящим там порядкам довольно негативно и даже собирался низвергать буддийского первосвященника — с помощью Панчен-ламы. Вероятнее всего, он хотел побудить Далай-ламу к реформированию тибетского буддизма (ламаизма) — в том духе, как это происходило в 1920-е гг. в СССР (в Бурятии и Калмыкии) под руководством Агвана Доржиева, что должно было бы привести к сближению коммунизма и буддизма. В случае его отказа Н. К. Рерих собирался провозгласить себя главой западных буддистов — Западным Далай Ламой, при этом его ни чуть не смущало то, что в действительности он представлял лишь горстку своих последователей в Нью-Йорке — членов буддо-теософского кружка («ложи»), созданного им в 1923 г. в стенах своего художественного музея. (С теологической точки зрения такой шаг оправдывался тем, что тибетские ламы фактически признали его воплощением Далай Ламы.)

Тибетское путешествие Рериха началось 13 апреля 1927 г. Несмотря на не участие в нем Панчен-ламы, внешне оно весьма напоминало духовное шествие, возглавляемое «Послом западных буддистов», выступавшим под «знаменем Шамбалы» в виде иконы-танги Майтрейи и звездно-полосатым флагом Северо-Американских Соединенных Штатов. В пути Николай Рерих (или Рета Ригден, согласно выданному ему в Улан-Баторе «тибетскому паспорту») регулярно проводил духовные беседы со своими спутниками, которые по вечерам, во время бивуаков, собирались в палатке Елены Ивановны. В этих спонтанных беседах-проповедях, он, подобно гуру Нового Века, говорил о грядущей эволюции мира и ближайших «великих судьбах» Азии, о приходе шестой расы духовных людей, о мировой Общине Майтрейи и мировом правительстве Гималайского Братства, об объединении азиатских народов и создании общеазиатского языка, о кооперации, о теории относительности Эйнштейна, об индийской йоге и т. д. Поучения Махатмы Рериха, как правило, сопровождались чтением отрывков из произведений наиболее духовных восточных и западных авторов — Свами Вивекананды, Ауробинда Гхоша, Романа Роллана. Во время перехода через безлюдную и унылую Цайдамскую равнину путешественники для поднятия духа слушали на маленьком американском граммофоне энергичную музыку Вагнера — любимого композитора Рерихов — «Полет Валькирий» и «Парсифаля». Со своей стороны, Е. И. Рерих, на протяжении всего пути, столь же регулярно общается при помощи Агни-йоги с «Тонким миром» и Учителями, незримо направляющими Посольство Н. К. Рериха в Державу Шамбалы.

В Цайдаме к Рерихам неожиданно присоединился «Далай-ламский караван» тибетца Чимпы (доверенного лица Донира), вышедший из Улан-Батора в конце ноября 1926 г. (т. е. месяц спустя после отъезда монгольского посольства Гомбодчийна-Чапчаева). Из разговора с Чимпой выяснилось, что он в пути тяжело заболел и шедшие вместе с ним буряты-паломники бросили его на произвол судьбы, прихватив с собой большую часть караванного груза, а это в основном были винтовки, закупленные тибетским представительством (лично Дониром)... у советского полпредства в Монголии (!), как об этом свидетельствует секретное донесение монгольского резидента ОГПУ Я. Г. Блюмкина[488]. Некоторое время Чимпа шел вместе с отрядом Н. К. Рериха, развернув желтый (далай-ламский) стяг, однако вскоре Чимпа скончался и Н. К. Рериху пришлось взять на себя труд по доставке «спец. груза» Далай Ламе[489].

Н. К. Рериху, однако, не удалось дойти до Лхасы. Его посольский караван был остановлен тибетцами на подступах к Нагчу, и все попытки Н. К. Рериха добиться разрешения на въезд в священный город оказались тщетными. Простояв около 7 месяцев на Тибетском плато в условиях необычайно суровых зимних холодов и потеряв большую часть караванных животных, Н. К. Рерих отказался от идеи переговоров с «Желтым Папой» и, обойдя Лхасу стороной, вернулся в Индию. Главным виновником случившегося, как мы знаем теперь, был сиккимский резидент Ф. М. Бейли, информировавший тибетское правительство о том, что «профессор Рерих» является «красным русским»[490]. Этого оказалось достаточно, чтобы тибетские власти, и без того напуганные затянувшимся присутствием в Лхасе «красного монгольского посольства», запретили въезд в столицу еще одной группе «подозрительных иностранцев».

К сожалению, многие обстоятельства Рериховской миссии в Тибет до сих пор остаются окутанными тайной. Нам неизвестны подробности переговоров Н. К. Рериха с руководителями Наркоминдела и ОГПУ летом 1926 г., равно как и его переписка с Г. В. Чичериным и Б. Н. Мельниковым (главой ОДВ НКВД) по приезду в Улан-Батор. Не знаем мы и того, какие инструкции были даны в ОГПУ Я. Г. Блюмкину в связи с экспедицией Н. К. Рериха. Из собственных показаний Я. Г. Блюмкина после его ареста в 1929 г. известно лишь, что он имел какие-то «резидентские задания» в ряде стран, в том числе во Внутренней Монголии и Тибете, на весну — осень 1927 г.[491] Не менее загадочными представляются и возможные контакты Н. К. Рериха с Панчен-ламой или кем-то из его доверенных лиц перед началом экспедиции.

Сохранилось любопытное свидетельство Ю. Л. Кроля о поездке Н. К. Рериха в Пекин и встрече там с Б. И. Панкратовым, в то время служившим переводчиком в советском полпредстве в Китае (впоследствии крупным ученым-синологом). «Познакомились они в 1927–28 гг.», сообщает Ю. Л. Кроль. «Н. К. прибыл в Пекин с границ Тибета, куда попал, проехав по Монголии через Ургу. Художник хотел въехать в Тибет как 25-й князь Шамбалы, о котором говорили, что он придет с Севера, принесет спасение всему миру и станет царем света. Носил он по этому случаю парадное ламское одеяние»[492]. Ю. Л. Кроль, рассказавший эту историю со слов своего учителя Б. И. Панкратова, однако, ошибается в датировке, поскольку Н. К. Рерих после окончания Тибетской экспедиции, Пекин не посещал. Но в таком случае остается предположить, что поездка имела место осенью 1926 г., когда Панчен-лама еще находил

ся в китайской столице, поскольку позднее он переехал в Мукден. Свободно владевший китайским и тибетским языками Б. И. Панкратов вполне мог выступить в роли посредника между буддийским иерархом и Н. К. Рерихом и одновременно контролера последнего.

Главный итог беспрецедентной буддийской миссии для Н. К. Рериха — полное разочарование в Тибете как духовной метрополии Северного буддизма и «удаление» с его территории священного Гималайского Братства. А также разочарование Москвой, не принявшей судьбоносных предначертаний махатм. В 1929 г. Рерих утратил свои концессионные права в СССР, однако не отказался от идеи строительства «Новой Страны». Правда, ему пришлось перенести сроки наступления золотого века Шамбалы с 1927 на 1936 г., но теперь для осуществления Великого Плана он будет искать покровительства и поддержки другой великой державы Запада — Соединенных Штатов Америки.

7. Последние попытки привлечь Далай-ламу на советскую сторону

Неудача, постигшая в 1927 г. обе Тибетские миссии — Гомбодчийна-Чапчаева и Рериха, — как кажется, ничуть не обескуражила советских руководителей. В следующем году Москва наметила еще одну акцию по оказанию воздействия на несговорчивого Далай Ламу с помощью лояльного режиму лам-обновленцев, последователей реформаторского (обновленческого) движения бурятского и калмыцкого духовенства. Составленная из них делегация под руководством главы бурятской буддийской церкви бандида хамбо-ламы Данжи Мункужапова намеревалась отправиться в Лхасу в октябре 1928 г., после проведения очередных буддийских соборов в Калмыкии (в июле) и в Бурят-Монголии (в августе), имея на руках соответствующие их постановления. Идея посещения Лхасы советской религиозной миссией по сути принадлежала самим буддистам — лидерам обновленцев А. Доржиеву и Ш. Тепкину, впервые высказавшим ее еще в начале-1927 г. в связи с состоявшимся в Москве 1-м Всесоюзным Буддийским Собором. Правда, оба они, втайне от советских властей, связывали с этим визитом совсем иные надежды. Вот как об этом впоследствии рассказывал Ш. Тепкин: «В 1927 г. после Всесоюзного Собора буддистов в Москве, решением которого было ограничение возрастной нормы при приеме в духовенство — с 18 лет, а не с 7 лет, как это было до этого, мы подняли вопрос о посылке делегации в Тибет к Далай-Ламе для религиозной связи. Ставя формально этот вопрос перед НКВД таким образом, что делегация наряду с установлением религиозной связи с Далай-Ламой будет информировать последнего о свободе и процветании буддийской религии при Советской власти, что было отмечено в обращении, принятом Собором, фактически же мы имели в виду еще тогда рассказать Далай Ламе о начавшемся нажиме Советской власти на нашу религию, и как результат этого нажима — ограничение нормы для духовенства. НКВД тогда дал согласие на посылку делегации в Тибет, в связи с чем как в Бурятии, так и в Калмоласти проводилась большая подготовительная работа, собирались средства, была закуплена парча для подарков и т. д.»[493].

Это свидетельство Ш. Тепкина красноречиво говорит о том, что обновленцы перестали быть послушными исполнителями замыслов Москвы и пытались, еще в 1927 г., установить свой собственный канал связи с Лхасой, по примеру лам-консерваторов. С другой стороны, оно может служить косвенным подтверждением рассказа Кхенчунга о «секретном письме» А. Доржиева Далай-ламе, имевшем негативные последствия для монгольской миссии.

Решение о посылке буддийской делегации в Лхасу, принятое 27 февраля 1928 г. антирелигиозной комиссией ЦК ВКП(б), возглавляемой Е. М. Ярославским, произошло еще до возвращения А. Ч. Чапчаева в Москву. Четыре месяца спустя (29 июня) группа советских руководителей: Е. М. Ярославский, П. Г. Смидович, М. А. Трилиссер и Л. М. Карахан — направила письмо генеральному секретарю ВКП(б) И. В. Сталину, в котором информировала его о намеченной поездке буддистов в Тибет и запрашивала на ее организацию необходимые средства в 50 тысяч рублей. Основная цель этой новой «тибетской экспедиции» формулировалась как «контрвоздействие на Лхасу через буддистов-обновленцев, возглавляемых Доржиевым», для устранения последствий «систематической отрицательной обработки» тибетского религиозного центра «реакционным» бурятско-калмыцким ламством[494]. Обновленцам предстояло убедить Далай-ламу в том, что буддисты в СССР не испытывают каких-либо притеснений со стороны властей, на что постоянно жаловались посещавшие Лхасу ламы-консерваторы — противники церковных реформ. «Необходимость установления более крепкой связи обновленческого движения среди наших буддистов с Далай-Ламой, именно с целью подкрепления обновленцев авторитетом последнего, — говорилось в письме, — диктуется еще и тем обстоятельством, что в Мукдене, в сфере японского воздействия, последнее время живет бежавший из Тибета антагонист Далай-Ламы, Банчен-Богдо, первое после Далай-Ламы лицо в буддийском мире по значению. Китайская реакция в лице Чжан-Цзолиновской клики и японцы успешно используют имя Банчена во Внутренней Монголии, а также все время пытаются завязать через него связи с ламством Внешней Монголии и СССР. Теперь эта последняя работа, конечно, еще более усилится, в связи с чем нужно поспешить с принятием соответствующих контрмер»[495]. В состав делегации предполагалось также включить несколько представителей НКВД и ОГПУ — «надежных наших работников» — для контроля за рациональным использованием средств и для ведения в Тибете «соответствующей политической разведки»[496].

19 июля 1928 г. Политбюро ЦК, заслушав на своем заседании сообщение Л. М. Карахана по вопросу о посылке буддийской делегации в Тибет, вынесло решение: «принять предложение Наркоминдела»[497].

Летом того же года, очевидно в связи с предстоящей поездкой в Лхасу делегации советских буддистов, Восточный отдел ОГПУ составил аналитическую записку «О буддийских районах». В ней давалась оценка политической ситуации в странах буддийского Востока: в двух Монголиях (Внешней и Внутрен-

ней), Бурятии и Тибете. Основной акцент в записке делался на опасности, которую представляла для СССР и МНР консолидация всех контрреволюционных элементов на территории Внутренней Монголии, при активной поддержке Японии и ее ставленника в Северном Китае, генерала Чжан Цзолина[498].

Здесь необходимо отметить, что обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, приведшее летом 1929 г. к вооруженному конфликту на КВЖД, внушало большое беспокойство советскому руководству. Еще в декабре 1927 г., выступая на XV съезде партии, И. В. Сталин заявил, что одним из основных факторов международного положения является «усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны» [499]. Рост военной опасности, хотя и явно преувеличенный И. В. Сталиным, побудил ОГПУ, так же, как и штаб РККА, приступить в эти годы к разработке подготовительных мероприятий на случай войны на восточных границах СССР, прежде всего в отношении таких стран, как Персия и Афганистан, где столкновение с англичанами казалось неизбежным[500]. Подобные же мероприятия, по-видимому, разрабатывались и в отношении Тибета. Так, в уже упоминавшейся записке «Военное дело в Тибете», составленной по результатам экспедиции А. Ч. Чапчаева предположительно летом 1928 г., рассматривалась возможность «действия европейских войск» на Тибетском плато с северного направления (раздел «Оценка тибетского театра»). «Переход через горы с севера легче [чем переход через Гималаи с юга], хотя воду и корм для верблюдов там можно находить во всякое время года, — утверждал советский военный аналитик. — Крутизна карнизов, скал, и ущелий на юге и востоке много больше, чем на севере. Запад Тибета, пожалуй, является не менее трудным для доступа, чем юг и юго-восток. По мнению источника (очевидно, М. Т. Бимбаева — А. А.), войска, сосредоточенные к северу от Тибета, могли бы двигаться крупной массой и, вероятно, достигли бы столицы без сопротивления»[501]. О каких европейских войсках «к северу от Тибета» могла идти речь в документе, если не о советских?!

ВО ОГПУ в своей записке также уделял большое внимание Тибету. Анализируя политическую ситуацию в стране, составитель записки помощник начальника Восточного отдела Х. С. Петросьян отмечал, что «основные слои населения и ламства настроены против англичан». Недавние события в Лхасе — разгром англофилов, — с его точки зрения, указывали на «начало решительного отмежевания Далай Ламы и его сторонников от влияния англичан». В то же время Х. С. Петросьян констатировал изменения в отношениях Далай-ламы и большинства тибетского населения к СССР и МНР:

«Большие сдвиги в отношении к СССР наблюдаются в настоящее время в связи с разгромом... англофильской военной группировки. Насколько Далай-лама благоприятно относится к СССР и МНР, видно из его писем на имя хамбо Агван Доржиева, в которых он выражает согласие на заключение договора о предоставлении им (тибетцам — А. А.) оружия и пороха, создания промежуточных (почтовых) станций между МНР и Тибетом и выражает свое удовлетворение по поводу непритеснения буддийской религии в СССР»[502].

Письма Далай-ламы А. Доржиеву — адресованные фактически советскому правительству, — посланные с А. Ч. Чапчаевым в конце 1927 г., очевидно, ввели в заблуждение и в большой степени дезориентировали советское руководство. В действительности СССР вызывал у Далай-ламы и его окружения отнюдь не симпатии, но откровенный страх. Подобное заблуждение, однако, позволило Х. С. Петросьяну далее сделать следующий прогноз:

«Учитывая заинтересованность Англии в Тибете, нужно предположить, что усиление симпатий Тибета к СССР может повести к усилению агрессивности англичан в Тибете, вплоть до возможной постановки вопроса об аннексировании его — в этом отношении усиленная обработка англичанами Панчен Богдо — противопоставление его Далай Ламе, говорит за некоторую вероятность английского плана аннексирования Тибета»[503].

Отношение самой Москвы к Панчен-ламе на этот момент можно характеризовать как неопределенное. С одной стороны, имелся ряд фактов, таких, как отказ Панчена от участия в паназиатской конференции, в съездах князей Внешней Монголии, и в то же время его «исключительное внимание к советскому представителю в Китае», позволявших ОГПУ утверждать, что «Панчен не является англофилом, что, наоборот, симпатии его направлены к СССР и что только условия, в которые Панчен-Богдо поставлен, не дают ему возможности декларировать свое отношение к СССР». С другой стороны, ОГПУ располагало сведениями, что Панчен-лама собирался совершить поездку в Долоннор, находившийся неподалеку от границы с МНР. Эти сведения вызывали определенную тревогу, поскольку на границе против Долоннора проживали «реакционные монгольские князья», такие, как Югодзер Хутухта, и «реакционное ламство», которые, как полагал Петросьян, попытались бы использовать его приезд «для усиления борьбы с МНР, а через нее и с нами»[504].

В заключительной части записки содержались предложения ОГПУ конкретно по каждой из буддийских стран. В отношении Тибета главной задачей, как и два года назад, являлось установление «постоянной связи с Далай-ламой», для чего предполагалось «учредить» при нем «неофициального информатора» из числа участников буддийской делегации или же послать в Лхасу «специального человека» — инструктора по пороховому делу[505]. Х. С. Петросьяном намечались и другие мероприятия с целью сближения СССР и Тибета, которые в основном повторяли пункты тибетской программы А. Ч. Чапчаева, такие, как учреждение советского представительства (торгагенства) в Ланьчжоу-фу, обучение тибетской молодежи в советских учебных заведениях, создание цепочки почтовых станций от Юмбейсе до Лхасы. В отдельном разделе давались рекомендации относительно Панчен-ламы. Здесь ОГПУ в первую очередь считало необходимым выявить отношение высокого буддийского иерарха к СССР. Для этого, по мнению Х. С. Петросьяна, к свите Панчена следовало приставить осведомителя — одного из просоветски настроенных авторитетных монгольских лам или князей[506].

Осенью 1928 г., на заключительном этапе формирования делегации и подготовки ее к отъезду, однако, неожиданно возникли серьезные финансовые трудности. 29 сентября заместитель председателя СНК СССР и СТО Я. Э. Рудзутак направил в Политбюро записку:

*«По сообщению НКФ СССР, НКВД, ссылаясь на решение Политбюро от 19/7 с. г., просит отпустить 50 000 р. (из них 15 000 в инвалюте) на организацию поездки спец. делегации в Тибет.
Ввиду тяжелого положения с инвалютой прошу пересмотреть Ваше решение в том смысле, чтобы на год отложить эту поездку в Тибет» [507].*

Политбюро еще трижды возвращалось к вопросу о буддийской делегации — в заседаниях от 4, 11 и 18 октября (докладывали его соответственно Литвинов, Карахан и Карахан и Менжинский). Окончательное решение гласило: «Считать целесообразным отложить поездку делегации в Тибет. В крайнем случае, если это окажется совершенно невозможным, поручить гг. Менжинскому и Карахану войти в Политбюро с докладом»[508]. Но такой необходимости не возникло, и потому поездку, с согласия руководства НКВД и ОГПУ, отложили до весны 1929 г. Представителям же буддистов (А. Доржиеву и Ш. Тепкину) пересмотр решения объяснили внешними обстоятельствами — чумой в Монголии и волнениями в Китае, делавшими опасным проезд делегации по территории этих стран. Но, возможно, главная причина была в другом: НКВД и ОГПУ в конце концов стало известно о «двойной игре» А. Доржиева и Ш. Тепкина.

Такой поворот событий, однако, не устраивал лидеров обновленцев, являвшихся одновременно и представителями Тибета в СССР. Согласно показаниям Ш. Тепкина, А. Доржиев, получив отрицательный ответ из НКВД, предпринял в конце 1928 г. шаги к отправке в Тибет нелегально трех калмыков, первоначально включенных в состав буддийской делегации: Череха Очирова, Арабсала Санджиева и Бадму Амулангова — которым поручалось информировать Далай-ламу о действительном положении советских буддистов. Но в Улан-Баторе монгольские власти арестовали его эмиссаров. (А. Доржиеву, впрочем, удалось добиться их освобождения и возвращения в Калмыкию.)

В конце 1928 г., как рассказывал Ш. Тепкин, А. Доржиев получил письмо из Лхасы от бурята Демба — «учащегося в Тибете и одновременно исполняющего обязанности переводчика при Далай Ламе». В этом письме Демба сообщал, что «Далай Лама высказал желание для поддержания связей с буддистами, находящимися в СССР, и Советским правительством видеть человека, уполномоченного на это из России»[509]. С этим письмом А. Доржиев и Ш. Тепкин вновь обратились в НКВД к Л. М. Карахану, ходатайствуя о разрешении послать в Тибет по крайней мере одного человека в качестве представителя советских буддистов. Л. М. Карахан, однако, их просьбу отклонил, мотивируя это тем, что «едва ли будет целесообразным посылать человека теперь зимой, лучше всего и целесообразней этот вопрос отложить до весны 1929»[510].

В дальнейшем, в 1929–1930 гг., А. Доржиев и Ш. Тепкин неоднократно обращались в НКВД с той же просьбой, но всякий раз, под тем или иным предлогом, получали отказ. Не добились они удовлетворительного ответа и на свое ходатайство во ВЦИК о пересмотре «возрастной нормы» для хувараксов (подавалось дважды: летом 1928 г. и в январе 1929 г.). По всей видимости, в Москве в конце концов оставили идею «воздействия» на Далай-ламу через лам-обновленцев, тем более, что само обновленческое движение практически сошло на нет на рубеже 1930-х.

Отказавшись от посылки к Далай-ламе буддийской делегации или по крайней мере одного делегата от лам-обновленцев, Москва тем временем отправила в Лхасу своего человека. По сведениям британской разведки, осенью 1928 г. в столице Тибета появился новый советский агент — бурят по имени По-ло-те или Кухи-чи-та[511], также известный среди лхасцев под прозвищами «Бурятский нойон» и «Толстый монгол». Очевидно, речь идет о Булате Мухарайне, имевшем довольно тучную фигуру (П. К. Козлов в путевом дневнике своей последней экспедиции называет его «толстый Мухрайн»). Последний по возвращении из Лхасы осел в Улан-Баторе, где устроился на службу в каком-то монгольском учреждении и в то же время поддерживал тесные контакты с советским полпредством. В июле 1926 г. П. М. Никифоров отправил Б. Мухарайна на разведку для обследования торгового, главным образом шерстяного, рынка в районе Кукунора-Цайдама[512]. Из поездки Б. Мухарайн вернулся в мае 1927 г. Вполне возможно, что позднее — в 1928 г., — когда НКВД стало известно, что Далай-лама не будет возражать против советских торговых операций на территории Тибета, бурята решили отправить с тем же заданием в Лхасу, где он пробыл, если верить британской разведке, до 21 февраля 1930 г., т. е. почти полтора года(!). О результатах его поездки нам ничего не известно. По донесениям же сиккимского резидента Дж. Л. Уиера, По-ло-те неоднократно встречался с Далай-ламой и, как кажется, сумел произвести на него благоприятное впечатление. Он также нанес ряд визитов тибетским сановникам, но особенно часто По-ло-те видели в Дрепунгском монастыре, где проживал его помощник, монгол по имени Цультайм[513]. Одним из главных информаторов Дж. Л. Уиера являлся Хан Сахиб Файзула, глава ладакских торговцев в Лхасе, с которым Б. Мухарайн, очевидно, также свел знакомство.

Здесь важно отметить, что успех советской политики в Тибете П. М. Никифоров связывал прежде всего с установлением взаимовыгодных торгово-экономических отношений между двумя странами. В 1929 г., уже в качестве председателя Госплана в Средней Азии, он задумал организовать научно-торговую экспедицию в Тибет для обследования сырьевых, преимущественно шерстяных, районов в северо-западной и центральной части страны (шерсть была основной статьей тибетского экспорта). Кроме этого, экспедиции предстояло заняться поиском доступных автомобильных путей между Западным Китаем и Лхасой, географическим и геологическим обследованием малоизученных областей Тибета, а также «наброской возможных воздушных путей»[514]

. (Идея воздушного сообщения между Улан-Батором и Лхасой особенно занимала в эти годы П. К. Козлова, который даже собирался отправиться в Тибет на дирижабле!)[515] Все прежние русские научные экспедиции в Тибет, включая экспедиции Пржевальского, Цыбикова и Козлова, П. М. Никифоров оценивал весьма негативно, поскольку, с его точки зрения, они не уделяли достаточного внимания экономике страны. «Экономика у наших исследователей всегда была на последнем месте, — писал он в проекте докладной записки по организации новой тибетской экспедиции, — и поэтому в отношении познания Тибета мы оказались совершенно разоруженными, что указывает [на то], что наши связи с Тибетом до сих пор не имеют маломальских реальных оснований»[516]. П. М. Никифоров также отмечал плохую изученность путей в Тибет: «мы ничего не знаем, может ли быть применен автомобиль для передвижения по Тибету, возможно ли устройство бензиновых баз и т. д.». Недостаточными, по его мнению, являлись и сведения о географии Тибета.

«Единственно правильной и реальной связью нашей с Тибетом, — писал П. М. Никифоров в проекте докладной записки по организации экспедиции, — может служить установление неофициальной, на первых порах, торговой связи с тибетским рынком, т. е. необходимо под фирмой частных лиц, купцов начать проникновение с нашими товарами на тибетский рынок. На основании заявления Далай Ламы нашему агенту Чапчаеву нужно полагать, что наши торговые операции встретят в Тибете со стороны тибетского правительства благоприятное отношение...»[517].

Что мы могли бы вывозить из Тибета? — спрашивал П. М. Никифоров. Это прежде всего всевозможные виды сырья — шерсть, ячью кожу и волосы, лучшие «сорта» золота индийского национального банка, тибетские мерлушки и в большом количестве пушнину — таких животных как сурок, тигр, волк, лисица, леопард, дикая кошка, рысь. При этом пушнину в Тибете можно закупать по гораздо более низкой цене, чем в Монголии[518]. Что же касается советского импорта в Тибет, то среди «товаров», наиболее необходимых тибетцам, П. М. Никифоров называет слитковое золото и серебро, выделанную кожу, парчу и шелк, карманные часы, перочинные ножи, разноцветные камни и, конечно же, русское стрелковое оружие — винтовки, револьверы, наганы, браунинги с боеприпасами[519].

Говоря об организации торговых операций в Тибете, П. М. Никифоров предлагал использовать в этих целях прежде всего буддистов-паломников. По его оценке — заметим, весьма завышенной, — ежегодно из СССР и МНР в Тибет прибывало около 10 тысяч богомольцев — некоторые из них оставались там на всю жизнь, другие жили годами, однако большая масса паломников, поклонившись святыням, возвращалась на родину. «Если бы этот фактор реализовать, он несомненно послужил бы могучим орудием нашего влияния в Тибете. <...> Использовать же эту массу людей можно в качестве торгового-заготовительного аппарата и пропагандиста среди тибетцев в развитии торговых отношений с ними», — писал он[520].

К посылке новых дипломатических экспедиций в Тибет П. М. Никифоров относился отрицательно, поскольку предшествующие визиты в Лхасу «секретных политических агентов» С. С. Борисова и А. Ч. Чапчаева практических результатов не дали. Единственным достижением этих поездок он считал «заявление» Далай-ламы А. Ч. Чапчаеву, позволявшее СССР завязать торговые отношения с Тибетом.

22 сентября 1929 г. П. М. Никифоров подал в Политбюро докладную записку по тибетскому вопросу, в которой призывал руководителей советского государства активизировать политику в Тибете:

«Я считаю, что настало время отказаться нам от политики сохранения „равновесия“ в Тибете и что пора перейти к политике активной, тем более, что Англия равновесие это фактически давно нарушила. Для нашей активности в Тибете имеется большое поле: сырьевые рынки обладают достаточной мощностью и несомненно представляют для нас даже с экономической точки зрения огромный интерес»[521].

Экономическое проникновение в Тибет П. М. Никифоров предлагал совершить с территории провинции Ганьсу, изолированной от иностранного влияния как со стороны Центрального Китая, так и со стороны Британской Индии, и в то же время открытой «для наших торговых и политических, в настоящее время нелегальных, а в дальнейшем полулегальных и легальных мероприятий». Обосновавшись в Ганьсу, «мы уже сравнительно легко можем отсюда распространять наше регулярное влияние и на Тибет, к его сырьевым рынкам, где мы должны во что бы то ни стало экономически закрепиться». При этом П. М. Никифоров был убежден, что «наши враги», т. е. англичане, «не могут оказать нам достаточного сопротивления, ни политического, ни экономического». Такая политика, с одной стороны, способствовала укреплению связи СССР с Китаем, но в то же время она преследовала и уже известные геостратегические цели: «Закрепившись в Тибете, — утверждал он, — мы будем обладать такой позицией в Центральной Азии, откуда нам всего легче вести наблюдение за колониальной деятельностью Англии и откуда мы можем с помощью нашего бурятского ламства проникнуть в приграничные с Тибетом английские владения»[522].

Предложения П. М. Никифорова, однако, не получили поддержки в Политбюро. Таким образом, поездка Б. Мухарайна в Тибет (если она действительно состоялась) явилась последним контактом Москвы с Лхасой. На этом отношения между двумя странами окончательно прерываются. Основной причиной, приведшей к свертыванию советско-тибетского диалога, вероятно, следует признать радикальные изменения во внутренней политике СССР, прежде всего переход к форсированной коллективизации, следствием которой стали массовые репрессии властей против бурятского и калмыцкого буддийского духовенства в 1930–1931 гг., в частности, арест ряда лиц, лично известных Далай-ламе, таких, как Ш. Тепкин, Г. Саперов, Д. Мункужапов. В то же время оставался нерешенным вопрос, крайне беспокоивший Далай-ламу и А. Доржиева, — о возрастном цензе для бурят и калмыков, стремившихся получить религиозное образование.

Другой причиной была, по-видимому, смена внешнеполитического курса страны. В 1930 г. ушел в отставку «ленинский нарком» Г. В. Чичерин, долгие годы придерживавшийся ориентации на Германию, и во главе НКВД становится его давнишний соперник М. М. Литвинов, сторонник сближения СССР с Англией, Францией и США[523]. М. М. Литвинов фактически руководил НКВД уже с 1928 г., когда Г. В. Чичерин уехал на лечение в Германию. В связи с курсом на улучшение англо-советских отношений Москве пришлось отказаться от активной политики в Тибете.

Наконец, следует отметить еще одну причину — поражение китайской революции. «Контрреволюционный» переворот Чан Кайши в апреле 1927 г. разрушил надежды Кремля на приход революции из Китая в Тибет. В дальнейшем, в начале 1930-х, нанкинское (чанкайшистское) правительство добилось определенных успехов в попытке завязать дружественный диалог с Лхасой, что практически оставляло Москве, предавшей анафеме своего недавнего друга Чан Кайши, мало шансов.

Несмотря на изменившиеся внешнеполитические приоритеты, в Восточном отделе НКВД — так же, как, вероятно, и в ВО ОГПУ и Разведупре Штаба РККА, — продолжали пристально следить за развитием ситуации в Тибете и вокруг него. Смерть Далай-ламы в конце 1933 г. неожиданно вызвала новый всплеск интереса у советского руководства к этой стране. В «Известиях» и «Правде» появились интригующие сообщения, в которых со ссылкой на китайскую прессу говорилось, например, о решении тибетского правительства передать верховную власть в стране Панчен-ламе, о намерении последнего вернуться в Тибет при условии, если нанкинские власти предоставят ему военный эскорт, а также о «новых интригах» Британии, якобы отправившей в Лхасу своего прежнего агента Ч. Белла[524]. Ч. Белл действительно побывал в Тибете летом 1934 г. Однако новое тибетское правительство не допустило его в Лхасу, желая тем самым показать, что оно не стремится возобновлять прежние отношения с англичанами. В то же время тибетскую столицу в 1934 г. посетила китайская делегация генерала Хуан Мусонга, отправленная Чан Кайши формально для выражения соболезнования тибетцам, но фактически для налаживания отношений с Лхасой.

Москва реагировала на эти сообщения довольно сдержанно, очевидно, осознав бесперспективность дальнейшей борьбы с Лондоном за влияние в Тибете. Сам же Далай-лама, насколько известно, вплоть до своей кончины не предпринимал попыток реанимировать прервавшийся диалог с СССР. В своем политическом завещании, составленном в 1932–1933 гг., он с нескрываемой неприязнью писал о «красной идеологии», приведшей к полному уничтожению буддизма во Внешней Монголии, называя ее «худшим из пяти видов упадка, присущих нашему времени»[525].

Эпилог

Несмотря на утрату советским руководством интереса к Тибету, неутомимый А. Доржиев в начале 1930-х продолжал добиваться от НКВД согласия на посылку в Лхасу представителя буддийского духовенства для поддержания религиозных связей с Далай-ламой. Он был убежден, что глава Тибета, если ему станет известно о тяжелом положении буддистов в СССР — о закрытии дацанов и хурулов и арестах лам в Бурят-Монголии и Калмыкии, смог бы повлиять на советское правительство, направив Кремлю «соответствующее письмо протеста». В этой связи представляет интерес рассказ Ш. Тепкина о последней из таких попыток. В конце марта 1931 г. Ш. Тепкин (с 1926 г. являлся главой буддийской церкви в Калмыкии) по просьбе А. Доржиева приехал в Ленинград. От А. Доржиева он узнал, что тот вместе с управделами тибето-монгольской миссии Жамсарановым недавно ездил в Москву, в НКВД, где встречался в Восточном отделе и беседовал с С. С. Борисовым. Довольно неожиданно С. С. Борисов заявил «тибетскому полпреду» о целесообразности посылки в настоящее время в Тибет советского представителя, обосновав это отсутствием в течение длительного периода связи с Тибетом, и просил его рекомендовать какого-либо «надежного во всех отношениях» человека, который взялся бы выполнить такое поручение. А. Доржиев посоветовал послать Ш. Тепкина, на что С. С. Борисов ответил, что «этот вопрос мы обсудим и в ближайшее время разрешим»[526].

Здесь, однако, возникает вопрос: действительно ли НКВД собирался весной 1931 г. — в разгар репрессий против буддистов — отправлять кого-либо в Тибет «для связи с Далай-Ламой»? Едва ли. Но в таком случае инициатива НКВД приобретает характер какой-то непостижимой для нас интриги. История эта, однако, имела продолжение. В мае 1931 г., не дождавшись ответа от С. С. Борисова, А. Доржиев вместе с Ш. Тепкиным выехали в Москву в НКВД. Здесь на этот раз их уже принял не С. С. Борисов, а замещавший его В. Д. Королев, старший референт по Монголии (тот самый В. Д. Королев, который некогда состоял членом «Единого Трудового Братства» А. В. Барченко). Он объяснил «тибетским представителям», что С. С. Борисов болен, поэтому вопрос о посылке в Тибет к Далай-ламе делегата от советских буддистов придется отложить до его выздоровления. Тогда А. Доржиев попросил разрешение на выезд в Калмыкию на лечение, где он и хотел дожидаться нового вызова в НКВД. В. Д. Королев обещал переговорить об этом с Л. М. Караханом и просил Ш. Тепкина зайти к нему позднее за ответом. В тот же день Ш. Тепкин вновь посетил НКВД, где В. Д. Королев передал ему ответ Л. М. Карахана: против поездки А. Доржиева на курорт для лечения он не возражает, однако просит его воздерживаться от публичных проповедей.

Воспользовавшись случаем, Ш. Тепкин обратился к В. Д. Королеву с просьбой продлить ему мандат заместителя представителя Тибета в СССР. В. Д. Королев принял документ и сказал, что сообщит о его просьбе Л. М. Карахану. После чего Ш. Тепкин вместе с А. Доржиевым отправились в Калмыкию. Но уже вскоре духовный глава калмыцкого народа вынужден был вернуться в Москву.

«Явившись в НКВД к Королеву, я объяснил ему, что прибыл за своим документом, т. к. в КАО (Калмыцкой автономной области — А. А.) отмечаются

аресты некоторых лиц из духовенства, в связи с чем опасаясь, как бы не получилось какого-либо недоразумения в отношении меня. Он сказал, что доложит Карахану и в конце дня даст мне ответ. После он передал, что Карахан ответил, что нет надобности в выдаче этого документа. Я был подавлен этим обстоятельством, т. к. почувствовал, что меня ожидает арест», — заявил Ш. Тепкин следователю во время допроса[527].

Предчувствия не обманули Ш. Тепкина — его арестовали по возвращении в Калмыкию 18 июня 1931 г. 2 декабря того же года в судебном заседании коллегии ОГПУ Ш. Тепкина приговорили к высшей мере наказания, которую затем заменили десятью годами концлагеря[528]. А в 1932 г. при переходе советско-монгольской границы была задержана еще одна тайная делегация А. Доржиева к Далай-ламе, состоявшая из 6 человек — троих бурят (ламы Эгитуевского дацана) и троих калмыков[529].

Активность А. Доржиева не могла не раздражать Москву, особенно его публичные проповеди в дацанах, по которым он много разъезжал в начале 1930-х, и тесные связи с «контрреволюционным» бурятским и калмыцким духовенством. Уже во время упоминавшегося выше посещения НКВД в феврале 1931 г. А. Доржиев имел довольно неприятный разговор с С. С. Борисовым. Согласно показанию Д. Жамсаранова (арестован в Ленинграде в январе 1937 г.), С. С. Борисов заявил А. Доржиеву, что «он переходит рамки, установленные для дипломатов, и занимается восстановлением населения Бурятии против Советской власти и что в связи с этим ему предлагается переехать на постоянное место жительства в Ленинград»[530]. Это сообщение отчасти подтвердил в своих показаниях Тепкин: «(Борисов) говорил, что мы в СССР строим социализм, в связи с чем идет обострение классово-борьбы. Вам я советую во избежание нежелательных последствий не вмешиваться в наши внутренние дела и прекратить всякую агитацию»[531]. Правда, Ш. Тепкин ничего не говорит о «дипломатической ссылке» А. Доржиева. Напротив, согласно его показанию, А. Доржиев после своего первого визита в НКВД в феврале 1931 г. уехал в Бурятию, откуда и вызвал его телеграммой в Ленинград, из чего можно заключить, что он по-прежнему пользовался свободой передвижения.

Как бы то ни было, в начале 1930-х над головой тибетского представителя уже стали сгущаться тучи. А в 1934 г. (вскоре после смерти Далай-ламы) прогремел первый гром: во время очередного приезда в Москву А. Доржиев был арестован ОГПУ. Однако уже через три недели его освободили, по-видимому, после вмешательства НКВД. Никаких конкретных обвинений ему предъявлено не было. Возможно, А. Доржиева просто хотели припугнуть. В архиве МИД (АВП РФ) хранится интересный документ — «Справка об А. Доржиеве» (предположительно составлена в 1934 г.), в которой дается достаточно позитивная оценка как дипломатической деятельности А. Доржиева, так и его личным качествам:

«Агван Доржиев — бурят, около 30 лет проживший в Лхасе, воспитатель недавно умершего Далай-ламы, — прошедший все ступени ламской иерархической лестницы (имеет звание „цанит-хамбо“ — нечто вроде сана митрополита).

В 90-е гг. Агван Доржиев подсказал Далай-ламе и правительству Тибета идею ориентации на Россию на основе формулы: Англия близка и грозит захватом Тибета, Россия территориально далека и потому покуситься на Тибет не сможет, но, в силу своего антагонизма с Англией, будет противодействовать английской экспансии.

В целях реализации этой формулы, Агван Доржиев в конце 90-х гг., к тому времени ставший фактическим диктатором Тибета, дважды ездил в Петербург и даже в Париж, а во время англо-бурской войны, в 1901 г., был официально и демонстративно принят в Ливадии Николаем II во главе тибетского посольства и получил определенные обещания поддержки.

Когда Далай Лама (бежавший в 1904 г., в связи с оккупацией Лхасы англичанами, в Ургу) не получил этой поддержки, вынужден был вернуться в Лхасу и пойти на компромисс с англичанами, Агван Доржиев остался в России, продолжая фигурировать в роли полуофициального представителя Тибета, и лишь время от времени наезжая в Лхасу.

<...> Человек очень большого ума и совершенно исключительной энергии и настойчивости, А. Доржиев в свое время до революции, пользовался среди бурят и калмыков огромным влиянием, остатки которого среди наиболее отсталых слоев, надо отметить, сохранились еще и поныне. Во время революции Агван Доржиев возглавлял обновленческое движение в среде бурятского и калмыцкого ламства, пытаясь этим путем сохранить влияние последнего на массу и вместе с тем остаться на положении тибетского „полпреда“, хотя прежнее политическое влияние в Тибете он уже потерял, несмотря на все свои попытки поддерживать связь с Далай-Ламой и верхушкой тибетского ламства»[532].

По какому поводу была составлена справка, мы не знаем, но нельзя исключить того, что она имеет какое-то отношение к аресту А. Доржиева в 1934 г. Год спустя власти обрушили репрессии уже на лиц из ближайшего окружения А. Доржиева: в мае 1935 г. в Ленинграде была арестована группа лам, проживавших при буддийском храме под защитой «Тибето-монгольской миссии», как А. Доржиев с 1931 г. называл свое дипломатическое представительство.

В том же 1935-м при загадочных обстоятельствах погиб его заместитель, бурятский лама-«перерожденец», Ганжирвагеген Данзан Норбоев.

Весной 1936 г. дипломатический агент НКВД в Ленинграде Г. И. Вайнштейн, сообщая в Москву о намерении А. Доржиева поехать в Крым на лечение и о его просьбе выдать ему новый мандат, писал: «Было бы также желательно получить ответ на неоднократно поднимавшийся мною перед НКВД вопрос о буддийском храме и о положении Доржиева с его окружающими, которые продолжают по сие время именовать себя „Тибето-Монгольской миссией в СССР“»[533]. Мы не знаем, какие инструкции получил Г. И. Вайнштейн из центра, но крайне беспокоивший его вопрос уже вскоре разрешился сам собой:

1 сентября А. Доржиев передал ему письмо-завещание на имя внучатого племянника, сотрудника Института востоковедения АН СССР С. Д. Дылыкова. Этим шагом он добровольно слагал с себя полномочия «официального представителя» Тибета при Советском правительстве ввиду преклонного возраста [534].

В начале 1937 г., после того как НКВД окончательно ликвидировал Тибето-монгольскую миссию в Ленинграде как «контрреволюционную организацию», А. Доржиев выехал на родину в Забайкалье, в село Ацагат, где рассчитывал провести остаток жизни в молитве и созерцании, как подобает благочестивому буддийскому монаху. Но уже 13 ноября его арестовали как «японского шпиона». А. Доржиев обвинялся по пяти статьям УК РСФСР (58 п. 1а, 2, 8, 9, 11)[535]. На единственном допросе, состоявшемся 26 ноября, бывший тибетский представитель в СССР «признался» следователю, что являлся «одним из руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-шпионской организации»[536]. На другой день А. Доржиева перевели из камеры в тюремную больницу, где он и скончался от паралича сердца в возрасте 84 лет 29 января 1938 г.[537] Среди бурятских буддистов, впрочем, бытует мнение, что легендарный лама не умер, а «ушел в нирвану».

* * *

Подводя итоги недолгому советско-тибетскому диалогу, следует признать, что он оказался бесплодным для обеих сторон. Большевики не смогли завоевать доверия Далай-ламы и сделать его своим другом, с тем чтобы в дальнейшем использовать Тибет в качестве плацдарма для революционного проникновения в Британскую Индию. Но и тибетцы не сумели извлечь сколько-нибудь ощутимой выгоды из своего неумышленного «флирта» с возрождавшимся колоссом новой России — Советской империи. Правда, Лхасе удалось с помощью А. Доржиева отправить на учебу в Ленинград и Москву около десятка тибетских юношей, но нам ничего не известно о том, нашли ли приобретенные ими в России знания какое-то применение на их родине, как это имело место в случае с обучавшимися в Индии и Англии тибетцами. В целом создается впечатление, что Далай-лама в действительности не стремился к сближению с Советской Россией и даже опасался такого сближения. Сделав ставку в начале 1920-х на англичан, обещавших ему помощь в модернизации страны, прежде всего в создании боеспособной и сильной армии, он, как кажется, не имел серьезных намерений в то же самое время завязывать тесные дружеские отношения с их антагонистами-соперниками — «красными русскими». Поэтому его заявления, сделанные на этот счет В. А. Хомутникову, едва ли были искренними. И все же правитель Тибета не спешил отвергать «ухаживаний» эмиссаров Красной России, понимая, что в их лице он имеет дело с могучей и грозной державой, подчинившей своему влиянию Внешнюю Монголию и стоящую за спиной революционных сил в соседнем Китае. Положение Далай-ламы было особенно щекотливым и двусмысленным летом 1924 г., когда Лхасу одновременно посетили английская и русская миссии. Оказавшись «между двух огней», Далай-лама, возможно, надеялся втайне, что англичане и русские рано или поздно стоворятся между собой по тибетскому вопросу, как это уже имело место в начале века. И для этого, действительно, имелись некоторые основания.

Почему тайная дипломатия большевиков потерпела фиаско в Тибете? Ведь после «переворота» в Лхасе весной 1925 г. у Москвы, казалось, появилась реальная возможность перехватить инициативу у англичан и привлечь Далай-ламу на свою сторону. Однако этот крайне благоприятный момент был упущен: НКВД слишком затянул с организацией новой экспедиции в Тибет, а когда она прибыла туда два года спустя, при дворе Далай-ламы преобладали уже не столько антибританские, сколько антирусские настроения, так что ни о каком политическом альянсе между Лхасой и Москвой не могло быть и речи.

В целом же надо сказать, что шансы большевиков «отвоевать» Тибет у англичан с самого начала были весьма невелики. Сближению Советской России и Тибета в значительной степени препятствовал как естественно-географический фактор — огромное расстояние, разделявшее обе страны, — так и параллельная активность британской дипломатии в отношении Тибета. В этой связи особенно важную роль сыграл визит в Лхасу Чарльза Белла (в 1920–1921), давший мощный толчок к экономическому и политическому англо-тибетскому сближению. Москва запоздала со своими инициативами ровно на один год, так что можно говорить, что первый раунд ее невидимого дипломатического поединка с Лондоном был безусловно проигран ею. Но значит ли это, что советско-тибетский диалог был изначально обречен на неудачу? Думается, что нет, ибо хотя большевики и были поставлены в очень трудные условия двумя вышеназванными обстоятельствами, у них, тем не менее, имелось достаточно сильное оружие против англичан. Это, во-первых, согласившийся работать на НКВД Агван Доржиев, к мнению которого все еще прислушивались Далай Лама и кое-кто из влиятельных тибетских сановников в его окружении, и, во-вторых, бурятско-калмыцкое ламство, традиционно поддерживавшее тесные связи с Лхасой. Нельзя сбрасывать со счетов и антибритански настроенных тибетских лам (составлявших треть населения Тибета), которые при умелом подходе к ним также могли бы до некоторой степени содействовать планам большевиков. НКВД, однако, не сумел использовать в полной мере столь выгодный для него «религиозный фактор». Объясняется это, с одной стороны, расколом среди буддийского духовенства в России после революции — позитивное «воздействие» на Далай-ламу с помощью лояльных режиму лам-обновленцев систематически подрывалось «контр-воздействием» на него «консервативно-реакционной» части ламства, посылавших в Лхасу своих делегатов с жалобами на притеснение буддистов советской властью. С другой стороны, целенаправленная антирелигиозная политика самих большевиков в конце концов оттолкнула от них лидеров обновленческого движения, таких как А. Доржиев и Ш. Тепкин, немало сделавших для сближения СССР и Тибета.

НКВД не использовал и еще одной возможности — «воздействия» на Далай-ламу с помощью научных экспедиций. А между тем посещение Лхасы русскими учеными, особенно Ф. И. Щербатским и П. К. Козловым, к которым Далай-лама испытывал дружеские чувства, могло благотворно повлиять на отношение тибетского правительства к Советской России и тем самым косвенно способствовать политическим целям большевиков.

Определенно отрицательную роль в деле налаживания связей с Лхасой сыграла и англофобия большевистских вождей, прежде всего Г. В. Чичерина, главного архитектора советско-тибетского сближения — следствие острого геополитического соперничества между СССР и Англией. Г. В. Чичерин, будучи дипломатом-революционером, имел явно искаженное представление о характере взаимоотношений Тибета с Англией. Англичане вовсе не стремились навязать Тибету свой протекторат, и тем более не вынашивали каких-либо аннексионистских планов в отношении его. В то же время Лондон рассматривал Тибет как законную сферу английского влияния и как политический буфер, прикрывающий подступы к своим владениям в Индии, в равной степени как от милитаризованного Китая, так и революционной России. Такая точка зрения определяла тибетскую политику Англии, сущность которой сводилась к удержанию Лхасы в своей орбите, но не путем прямого давления на нее, а через своего рода дружескую опеку — оказание помощи в модернизации страны и консультирование лхасской правящей верхушки, прежде всего Далай Ламы и его фаворита, главного тибетского реформатора Царонга по вопросам внутренней и внешней политики. В этом смысле нельзя не согласиться с выводом, сделанным ранее В. А. Богословским и А. А. Москалевым: «Она (Англия — А. А.) пользовалась значительным влиянием как на правительство, так и на отдельных представителей верхов Тибета, активно помогала и содействовала „модернизации“, в том числе созданию регулярной тибетской армии. Однако в Тибете (в отличие от многих других районов Китая) никогда не было английских концессий, консульств; таможенные сборы принадлежали исключительно тибетской казне... Говорить о Тибете как о „колонии“ в строгом смысле не приходится»[538]. В то же время следует подчеркнуть, что английская помощь Тибету в 1920-е гг. имела весьма ограниченный характер и была недостаточной для обеспечения независимого существования страны, как отмечает большинство западных исследователей[539].

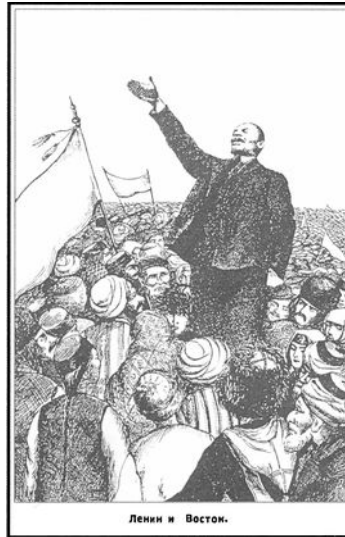
Отличительная особенность советско-тибетского диалога — его чрезвычайная конспиративность. Москва пыталась сохранить свои дипломатические акции в тайне не только от Англии в силу того, что Тибет являлся ее сферой влияния, но также и от Китая. По этой причине она направляла в Лхасу своих эмиссаров под видом буддийских паломников, в соответствии с разработанным в НКВД сценарием. Несмотря на камуфляж, советские миссии 1924 и 1927 гг. почти сразу же попали в поле зрения английского политического агента в Сиккиме Ф. М. Бейли, благодаря его тибетским информаторам, что дало повод Лондону говорить о «большевистской интриге» в Тибете. О «рекогносцировочной» экспедиции 1922 г. англичане, как кажется, ничего не знали.

Необходимость прибегать к конспирации и камуфляжу вызывалась также и тем, что участники советских миссий выполняли задания не только НКВД, но и таких учреждений, как ОГПУ и Разведуправление Штаба Красной Армии. Во время пребывания в Тибете они занимались военной, экономической и политической разведкой и попутно вели антибританскую и просоветскую агитацию, хотя последняя не носила публичного характера, а служила преимущественно, средством индивидуальной идеологической обработки нужных им лиц. Тибетским экспедициям отпускались значительные средства для приобретения информации и подкупа влиятельных тибетских чиновников. Подобная, достаточно традиционная для Востока форма неофициального «воздействия» на лхасскую политическую элиту не привела, однако к желаемым результатам.

В то же время советское руководство допустило ряд ошибок принципиального характера, непосредственно отразившихся на его тибетской политике. К ним, в первую очередь, следует отнести расторжение, в большой степени в пропагандистских целях, в 1917 г. англо-русской конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета 1907 г. Это соглашение, в его тибетской части, во многом ограничивало свободу действий англичан в Тибете, и потому его следовало сохранить. В 1924 г. была также упущена возможность заключить новый договор с Англией по Тибету, чему опять-таки помешали идеологические соображения.

В целом, советско-тибетский диалог не оставил сколько-нибудь заметного следа в истории советской дипломатии, равно как и в истории взаимоотношений СССР со странами азиатского Востока. С политической и торгово-экономической точек зрения гораздо более содержательным и продуктивным явилось взаимодействие советского государства в 1920-е годы с его ближайшими восточными соседями — Турцией, Ираном, Афганистаном, Западным Китаем и Монголией. Поэтому советское руководство довольно легко и безболезненно устранилось от тибетских дел на рубеже 1930-х, тем более, что утрата контактов с Лхасой не отразилась ни на международном престиже СССР, ни на его внешней политике или народном хозяйстве. Советско-тибетский диалог сошел на нет как бы сам собой, полностью исчерпав свои потенциальные возможности.

Иллюстрации

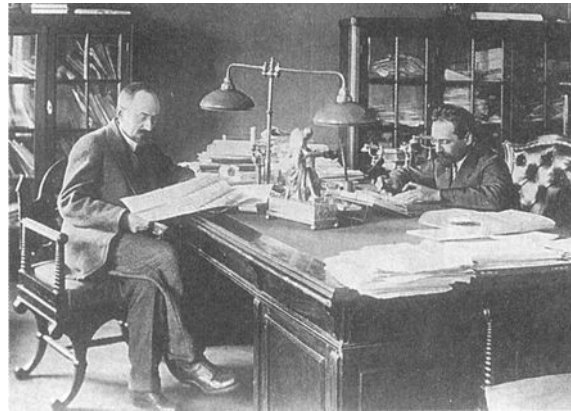

Ленин и Восток.

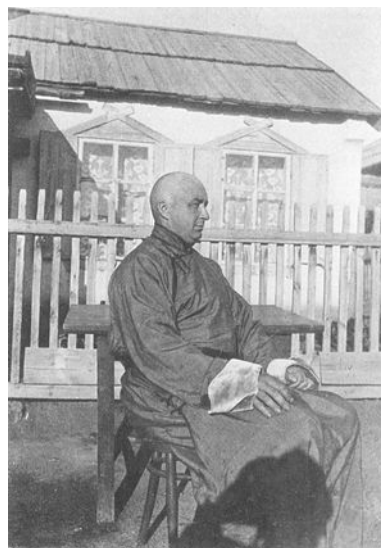
3
иллюстрация из журнала «Новый Восток» художник В. С. Орлов (1924 г.)

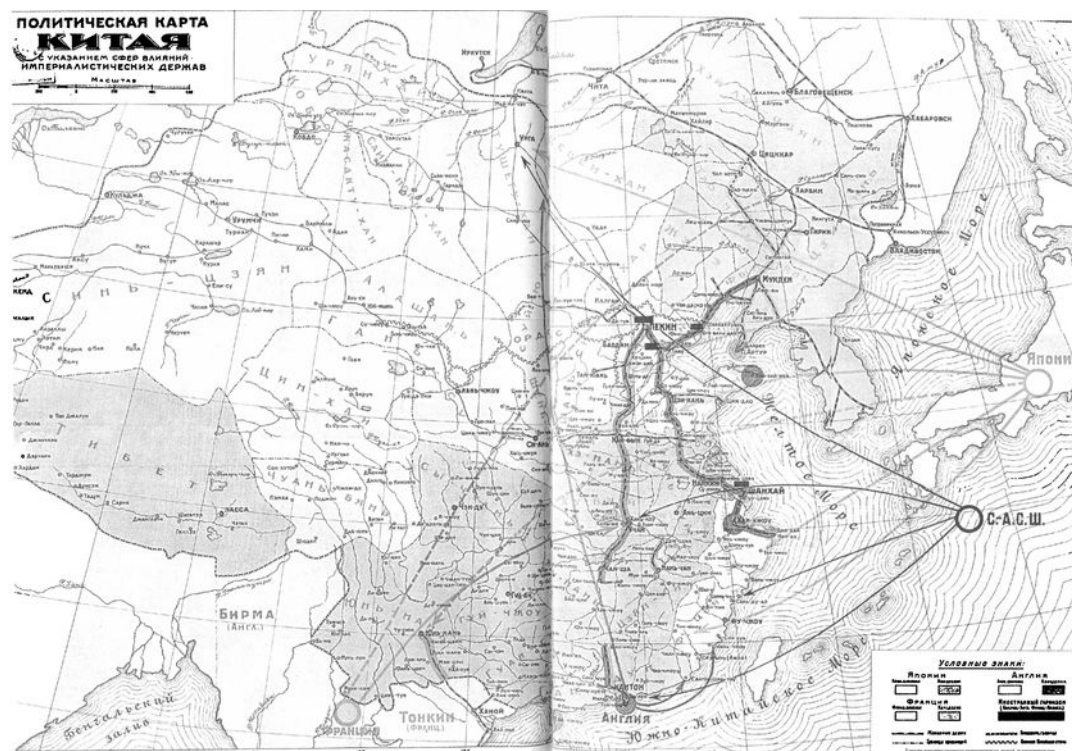
Г. В. Чичерин

Нарком Г. В. Чичерин и его заместитель Л. М. Карахан. Нач. 1920-х гг. (Снимок из книги: В. Генис. Красная Персия. М., 2000 г.)

Ф. И. Щербатской (Урга, 1905 г.). Фото из архива А. А. Терентьева

Политическая карта Китая с указанием сфер влияния империалистических держав (1927 г.). Тибет — одна из «сфер английского влияния». Отдел картографии РНБ, С.-Петербург

В. А. Хомутников (крайний слева), Б. Х. Кануков (в центре). Нач. 1920-х гг. НАРК (Элиста)

В первом ряду слева направо: Б. Х. Кануков, Х. Чойбалсан, М. Бимбаев. НАРК (Элиста)

С. С. Борисов. РГАСПИ. А. Ч. Чагчаев

Члены Монгольского посольства в Тибет, осень 1926 г. Сидят (слева направо): Гомбоджийн, Б. Н. Мельников (заведующий восточного отдела НКВД СССР), А. Ч. Чагчаев. Стоят: М. Т. Бимбаев, Амуланг (?). ГАРФ

Тибетский представитель («донир») в Урге, сер. 1920-х гг. Архив Музея-квартиры П. К. Козлова

Обучение тибетской армии. 1915 г.

Тибетские офицеры во главе с Царонгом Шапе (в центре), 1915 г.

Военный министр Тибета Царонг Шапе (в центре), с женой (справа), 1936 г.

Девятый Панчен-Лама (Из книги М. Goldstein. A History of Modern Tibet 1913–1951 гг.)

Здание русского посольства в Урге. Архив Русского Географического Общества

Слева направо: П. М. Никифоров, Никифорова (его жена), А. М. Соловьев (секретарь советского посольства в МНР), П. К. Козлов, Улан-Батор, 1926 г. Архив Музея-квартиры П. К. Козлова

Гоман-дацан в Дрепунгском монастыре (современный вид). Фото Андре Александра (Германия), 1995 г.

Н. К. и Ю. Н. Рерих, сер. 1920-х гг.

Н. К. Рерих со «знаменем» Шамбалы — тангой будущего Будды Майтрейи. Улан-Батор, 1927 г.

А. Доржиев. Сер. 1920-х гг.

А. Доржиев с группой востоковедов на балконе Буддийского храма, 1925 г. Слева направо: Б. Я. Владимирцов, П. И. Воробьев (ректор ЛИЖВЯ), И. Н. Бороздин, А. Доржиев, В. М. Алексеев, лама Бадма Очиров. Фото из архива М. В. Баньковской

слева направо: А. Доржиев, Д. Норбоев, Ш. Тепкин у дверей Буддийского храма. Ленинград, 1931 г.

А. Доржиев, конец 1930-х гг. Фото из следственного дела А. Доржиева (Архив Министерства безопасности Республики Бурятия)